

НАШЕ
КУПЕЧЕСТВО
и
ТОРГОВЛЯ.
в. 3

F $\frac{95}{40}$
в. 3

F $\frac{95}{40}$

2007055405

40

НАШЕ КУЩЕСТВО

И

ТОРГОВЛЯ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ СБОРНИКЪ,

ИЗДАЮЩІЙСЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

„РУССКАГО КУПЦА“

ВЫПУСКЪ 3-й

Размышляйте какъ хотите,
хотя даже невѣрно, но раз-
мышляйте сами.

Лессингъ.

МОСКВА.

Типографія Гравса и Комп. у Пречистенскихъ воротъ, д. Милковой.

1867.

СОДЕРЖАНІЕ.

Василій Васильевичъ Варгинъ. Біографическій очеркъ.

Тузы. Романъ. Часть первая.

Посланіе къ Краснорядцу.

Дочь. Сцены изъ Московско-купеческой жизни.

795
40

90 1-43
10574

НАШЕ КУЩЕСТВО

И

ТОРГОВЛЯ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ СБОРНИКЪ,

ИЗДАЮЩІЙСЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

„РУССКАГО КУПЦА“

ВЫПУСКЪ 3-й

Размышляйте какъ хотите,
хотя даже невѣрно, но раз-
мышляйте сами.

Лессингъ.

МОСКВА.

Типографія Грачева и Комп. у Пречистенскихъ воротъ; д. Миллиовой.

1867.

ВАСИЛІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ВАРГИНЪ

БЮГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

„Если бы я могъ поѣхать въ Америку и вздать тамъ мою біографію, я бы атимъ поправилъ мое состояніе“.

Варгинъ.

Василій Васильевичъ Варгинъ былъ родомъ изъ Серпухова, отецъ его—небогатый Серпуховской мѣщанинъ изъ крестьянъ... Родоначальники большей части нашихъ купеческихъ фамилій почти всѣ этого почтеннаго происхожденія. Во многія богатая палаты, въ каменные дома съ мелкостучнымъ паркетомъ и трехъ аршинными зеркалами и до сихъ поръ нерѣдко пробирается убогая старушка, даже и недалняя родственница хозяевъ, которая время, отъ времени, пріѣзжаетъ изъ роднаго и ей и хозяевамъ села—за чаемъ, мукой и прочими потребностями своей скромной жизни и питается крупичами отъ богатой трапезы. Полосѣ Ярославской губерніи, особенно Ростовскому уѣзду принадлежать честь какъ колыбели многихъ нашихъ извѣстныхъ купеческихъ фамилій: Плѣшеновы, Жадомировскіе, Карзинкины всѣ вышли оттуда, все это люди земства, бывшіе крестьяне. Василій Васильевичъ Варгинъ принадлежалъ другой полосѣ—Московской, Серпуховской, которая также можетъ похвастаться богатствомъ своей производительности дѣятельныхъ людей нашего купеческаго общества.

Прежде всего при составленіи и этого очерка, также какъ и прежнихъ, мы руководствуемся убѣжденіемъ, что

лучше передавать хотя то, что успѣешь собрать изъ изустныхъ разказовъ и нѣкоторыхъ дѣлъ о Василиѣ Васильевичѣ Варгинѣ 2-мъ, нежели оставлять въ совершенномъ забвеніи такія личности какъ Шестовъ, Варгинъ и немногія имъ подобныя, въ примѣрѣ которыхъ нуждаются русскіе люди, особенно теперь. Поставить во весь ростъ личность Варгина и очертить судьбу его дѣятельностью во всемъ ея разнообразіи, въ настоящее время, по многимъ условіямъ, нѣтъ никакой возможности... Какъ бы была интересна его полная біографія могутъ засвидѣтельствовать его слова приводимыя нами эпиграфомъ, но онъ вѣдь высказалъ при этомъ, что подобный интересъ могъ бы быть при одномъ весьма важномъ условіи... Дѣйствительно полное раскрытіе его дѣла по поставкѣ и отношеніе къ современнымъ ему, довольно высоко поставленнымъ лицамъ, борьба его съ трудностями, которыя ему ставили на пути, слишкомъ сложна и требуетъ открытаго и безпристрастнаго изслѣдованія и притомъ довольно еще близка къ нашему времени, чтобъ о ней говорить прямо. Кромѣ того правда о немъ слишкомъ жестка, слишкомъ еще колитъ глаза, чтобъ говорить о ней теперь. Потому, не смотря даже на то, что грустное впечатлѣніе Варгинскаго дѣла смягчено уже Высшимъ правосудіемъ, мы считаемъ за лучшее, не боясь упрековъ въ отрывочности свѣдѣній, передать только то, что считаемъ болѣе удобнымъ.

Василій Васильевичъ Варгинъ 2-й, какъ уже сказано, былъ родомъ изъ Серпухова: съ давнихъ уже, до дня его рожденія лѣтъ, въ этомъ городѣ существовала фамилія Варгиныхъ, перешедшая въ этомъ городѣ изъ сосѣднихъ селъ и имѣвшая во время рожденія Василя Васильевича представителями дѣла трехъ братьевъ — Сергѣя, Василя и Ивана Васильевичей, которые производили оптовый торгъ холстомъ, рыбой, медомъ и другими подобными товарами. Торговали они довольно широко, не въ одной своей мѣстности, но и въ Москвѣ, на Дону, въ Ригѣ и на другихъ мѣстахъ. Уже по прозвищу Василя Васильевича 2-го можно видѣть, что семья эта была

весьма сложная: въ ней явился вскорѣ и Василій Васильевичъ 3-ій, и всѣхъ членовъ насчитывали до трехъ десятковъ человекъ. Во всей этой многочисленной семьѣ особенно талантливостію и торговою смѣткою, также какъ и природными способностями и краснорѣчіемъ особенно отличался сынъ брата Василя Василій, меньшей. Спосособности его до такой степени выдвинулись передъ другимъ членами семейства, что при достиженіи имъ совершеннолѣтія, общимъ голосомъ, рѣшено было отправить его довѣреннымъ лицомъ ихъ торговаго дома въ Москву. — Въ Москвѣ онъ сразу поставилъ себя на видное мѣсто и привлекъ къ себѣ общее вниманіе своего круга. Самая наружность Василя Васильевича неволью располагала къ нему: это, по воспоминаніямъ его современниковъ и отзывамъ лицъ близко знавшихъ его, былъ въ полномъ смыслѣ слова „дитя природы“, здоровый, свѣжій, съ румянцемъ во всю щеку, съ свѣтлыми льняными мягкими волосами, былъ онъ молодецъ-заглядѣніе. Московскіе купчихи и дамы болѣе вышшаго круга искали случая только взглянуть на красавца Варгина Василя.. Портретъ приложенный при этомъ изданіи и, по увѣренія многихъ знавшихъ его, близко схожій съ нимъ въ его послѣднее время, ясно свидѣтельствуетъ о тѣхъ буряхъ, которыя прошли надъ головой Варгина и превратили его въ этого изнуреннаго, больнаго, измученнаго старика. — Обогащеніе и возвышеніе Варгина въ общественномъ значеніи, а вмѣстѣ съ этимъ, всѣ несчастія и невзгоды Варгина начались со времени принятія имъ, въ лицѣ всего торговаго дома, поставки по комиссаріату и войску. Онъ былъ ревностный слуга Государя, вѣрный сынъ и патріотъ своего отечества, но тѣмъ не менѣе, и болѣе всего, за свое самоотверженіе и пострадалъ. Бывшій въ то время генераль Кругсъ—коммисаръ Татищевъ, обративъ вниманіе на бойкія способности Варгина и будучи озабочиваемъ приготовленіемъ холста и другихъ комиссаріатскихъ вещей предложилъ В. В. Варгину какъ специалисту принять на себя поставку холстовъ для войска.. Варгинъ на это согласился, но только

не иначе какъ на наличныя деньги. При такихъ условіяхъ, Варгинъ поставивъ холстъ по несравненно дешевой противъ другихъ поставщиковъ, цѣнѣ, ясно показалъ генераль—Кригсъ—Коммисару всѣ выгоды отъ подобнаго веденія дѣлъ и на первыхъ же порахъ получивъ отъ него выраженіе благодарности и благоволенія... Генераль, Кригсъ—Коммисаръ, видя несомнѣнныя торговыя способности Варгина, сталъ весьма ласково обращаться съ нимъ и постепенно, одно за другимъ, поручилъ ему вмѣстѣ съ холстомъ поставку ревертуха, сапожнаго товара, киверовъ и другихъ амуниціи вещей, на что Варгинъ уже обязывался контрактами, не имѣя соперниковъ въ дешевизнѣ, по которой онъ доставлялъ всѣ эти вещи въ казну.—Такимъ образомъ, постоянно вовлекаясь все болѣе и болѣе въ поставки и, сдавая вещи по несравненно дешевѣйшимъ цѣнамъ противъ прежнихъ поставщиковъ, Варгинъ велъ свое дѣло до 1812 года. — Въ памятную отечественную войну и послѣ компаніи ея, когда возвратившаяся изъ Парижа войска нуждались въ новомъ обмундированіи съ ногъ до головы, Варгинъ явился не только добросовѣстнымъ поставщикомъ, но и вполнѣ русскимъ, доблестнымъ патриотомъ. — Варгинъ забывалъ въ этомъ дѣлѣ свои личныя выгоды, онъ дѣйствовалъ граждански, съ самоотверженіемъ, чѣмъ навлекъ на себя въ это время уже неудовольствіе нѣкоторыхъ членовъ своего торговаго дома, но дѣло обмундированія арміи не смотря на это было исполнено имъ самымъ блестящимъ образомъ и онъ удостоился не только благоволенія Генераль—Кригсъ—Коммисара, Военнаго Министра, но и Высочайшаго вниманія Государя Императора Александра Павловича и награды Его Высочайшаго портрета, осыпаннаго брилліантами. Прежде всего надо замѣтить то, что не смотря на возвышеніе цѣнъ на всѣ русскія продукты послѣ компаніи 1812 года, Варгинъ, поставилъ ихъ по прежнимъ цѣнамъ. Эти временныя цѣны сдѣлались для него какъ бы урочными; для соблюденія интересовъ поставки онъ усиливался и на слѣдующее время ставить весь этотъ товаръ по прежнимъ цѣнамъ или съ

весьма небольшою прибавкою. При этомъ уже меньше говорили его личныя выгоды, но болѣе русская гордость, и самоотверженіе патріота. На первомъ планѣ его дѣйствій стояла честность его убѣжденій и строгая акуратная исполнительность, неутомимая дѣятельность его, въ которой онъ успѣвалъ всюду и во всемъ, какъ говорятъ его современники, была безпримѣрная. Онъ поставилъ въ казну на нѣсколько сотъ милліоновъ (вообще оборотъ его опредѣляютъ до 300 милліоновъ руб.) и по окончаніи дѣлъ его по подрядамъ, на немъ считалось болѣе милліона руб. долгу...

Теперь, по многимъ отношеніямъ, еще не время входить въ подробное изслѣдованіе всѣхъ его дѣйствій по подрядамъ и поставкамъ; дѣловая, точная, цыфровая, съ сравнительными цѣнами, оцѣнка этой стороны его дѣятельности принадлежность уже полной его біографіи, мы усиливаемся дѣлать хотя очеркъ его характеристики, и потому переходимъ къ совокупности его положенія послѣ прекращенія дѣлъ его на поставку: въ этотъ періодъ своей жизни онъ еще яснѣе выразился нежели въ предшествующимъ.

Все время кипучей своей дѣятельности Варгинъ какъ бы не принадлежалъ себѣ, онъ даже не былъ женатъ: „не когда“ отвѣчалъ онъ обыкновенно на вопросы, предлагавшіеся ему по этому поводу, семейство его составляли отецъ и мать, которыхъ онъ перевезъ въ Москву и съ которыми вмѣстѣ и жилъ; во время своего счастливаго времени, когда у него все шло и ладилось, когда свою фамилію онъ выдвинулъ на видъ, на первый планъ, въ первый рядъ купеческаго общества, всѣ члены этой многочисленной фамиліи были у него въ полномъ повиновеніи, его знали не иначе какъ „хозяинъ“, измѣнило ему его счастье и вмѣстѣ съ нимъ многія обернулись къ нему спиною.—Отношенія его къ казнѣ болѣе всего пугали лицъ, состоящихъ съ нимъ въ одномъ капиталѣ: сильнѣе другихъ возсталъ противъ него двоюродный братъ Андрей Ивановичъ, бывшій уполномоченнымъ лицомъ въ Казанѣ и дѣйствовавшій, главнымъ образомъ, въ полосѣ отъ этого города до Нижняго. Онъ явился за-

говорщикомъ между родными объ отдѣлѣ ихъ отъ пострадавшаго родственника. Рассказываютъ, что въ одно время, въ кабинетъ Варгина, въ его домѣ на Пятницкой, гдѣ онъ и жилъ большую часть своего времени неожиданно для него, собрались недовольные ходомъ дѣлъ родственники его въ главѣ съ недовольнымъ братомъ. Василий Васильевичъ, не ожидавшій ничего подобнаго принялъ ихъ самымъ миролюбивымъ образомъ, молча, безъ возраженій, выслушалъ онъ высказанныя ими желанія и когда они кончили и уже окончательно объявили, что пришли съ тѣмъ, что бы просить у него отдѣла, онъ покойно отвѣтилъ имъ, что на это ихъ добрая воля и что онъ ничего не можетъ сказать противъ ихъ желанія, и тутъ же предложилъ каждому изъ нихъ его часть недвижимостію, долговыми обязательствами и т. п. Каково же было удивленіе родныхъ его, когда каждый изъ нихъ видѣлъ, что братъ „хозяинъ“ ихъ отдѣлялъ эту часть самымъ благодушнымъ, самымъ мирнымъ образомъ! Кремневая твердость его характера начала обнаруживаться уже болѣе нагляднымъ образомъ при началѣ его нравственныхъ страданій — онъ какъ будто крѣпъ въ нихъ. Когда, напримѣръ, на большую часть его недвижимаго имѣнія, на его лавки, дома, которыя и до сихъ поръ извѣстны всей Москвѣ, была наложена опека, то мѣстная полиція должна была приступить къ описи его движимаго имущества, мебели, носильнаго платья и т. п. Варгинъ ничего не скрылъ изъ этого, онъ, какъ говорится, сдалъ все это руками, и все это было сдѣлано такъ мирно, тихо, безмятежно, что ни одинъ мускуль, ни одинъ нервъ не шевельнулся на лицѣ его.

Въ жизни Варгина замѣтно выдѣлялись двѣ поры его: первая, это пора его дѣятельности, вторая пора его невзгодъ, пора его нравственныхъ страданій. О томъ и о другомъ мы скажемъ пока только въ половину... Какъ можно замѣтить и изъ скудныхъ матеріаловъ, представляемыхъ нашей статьею, дѣятельность Варгина была самая разнообразная, кипучая дѣятельность и при томъ дѣятельность не эгоистическая, а такая, большая часть

которой приносилась въ жертву своей землѣ, своей странѣ... Послѣ войны 1812 года онъ явился истиннымъ патриотомъ: какъ практикъ и великій знатокъ своего дѣла, онъ положилъ всѣ свои силы на то, чтобы какъ можно дешевле доставить обмундировку обносившейся русской арміи, по просьбѣ преданныхъ землѣ людей, онъ брался даже за то, что ему было не совсѣмъ сподручно: приказъ за приказомъ летѣли отъ него въ разныя стороны къ его коммиссіонерамъ съ заказами покупать какъ можно дешевле изъ первыхъ рукъ, на самыхъ центрахъ и первоначальныхъ рынкахъ каждаго продукта, въ самомъ сердцѣ Россіи; онъ ставилъ на ноги всѣхъ участниковъ своего торговаго дома, онъ билъ повсюду тревогу и не щадилъ ни своихъ силъ, ни здоровья. Но какъ не ярки и не характерны черты Варгина во время полного разлива его дѣятельности, но они еще ярче и крупнѣе глянули во время налетѣвшей на него невзгоды... Слухи объ опалѣ надъ нимъ, секверетъ его имущества, угроза о несвободѣ его личности, потрясающе пронеслись по Москвѣ и навели панику на всѣхъ близкихъ и знавшихъ его, а между тѣмъ виновникъ этого потрясенія преспокойно, своей обычною, живой походкой, въ ожиданіи этой грозы, похаживалъ по залѣ своего дома на Пятницкой... Собравшіеся родные и друзья не замѣтили никакой перемѣны на его всегда ясномъ и покойномъ лицѣ. — Онъ зналъ все и, твердый какъ вѣковой дубъ, безстрашно ожидалъ грозы. Перемѣна въ положеніи его, видимо, не произвела на него никакого вліянія: Варгинъ покойно сдалъ свою богатую краснодеревую, штофную мебель и также покойно поставилъ на ее мѣсто простую, деревянную, некрашеную, приказавъ купить ее не на толкучкѣ. Оставаясь постоянно на верху, онъ съ большимъ раченіемъ оберегалъ нижній этажъ своего дома, въ которомъ помѣщались его отецъ и мать. Ему было какъ бы тяжеле за нихъ, нежели за себя и онъ приложилъ къ нимъ всю свою заботу и, когда, наконецъ, онъ долженъ выбраться изъ своего дома въ временное помѣщеніе, близъ Смоленскаго рынка, вся забота его была обращена на виновниковъ его жизни и

на сестру, которая жила также при немъ. Старики были въ полномъ смыслѣ слова ошеломлены несчастіемъ сына и не понимали что дѣлается кругомъ... Вся эта передрага происходила подъ вліяніемъ назначенія на имѣніе Варгина опекунскаго управленія и наложенія запрещенія... Кромѣ запрещенія на имѣніе наложенъ былъ арестъ надъ его личностію и, изъ временнаго помѣщенія своего, со Смоленскаго рынка, онъ былъ взятъ и отправленъ въ Петербургъ а вскорѣ, оттуда, въ Выборгъ, въ крѣпость.

Мы не рѣшаемся открывать картину его нравственныхъ страданій, и тѣмъ болѣе, что ходятъ слухи о его запискахъ, которыя также, какъ и записки А. П. Шестова, какъ глады намъ не даются въ руки, а по нашему мнѣнію никакія догадки, ни повѣрья, ни признанія не могутъ замѣнить собственноручныхъ отмітоговъ чувствъ и впечатлѣній, волновавшихъ душу челоѵка въ то или другое время, подъ условіемъ тѣхъ или другихъ впечатлѣній и обстоятельствъ. Богъ милостивъ мы еще доживемъ до открытія записокъ Шестова и Варгина, если они есть и уцѣлѣли, и тогда ихъ поучительная жизнь откроется вполне, теперь же будемъ удовольствоваться, по необходимости, тѣмъ, что имѣемъ подъ руками. Въ концѣ концовъ своихъ страданій Варгинъ изъ Выборга былъ отправленъ въ Серпуховъ, на свою родину, оттуда вскорѣ онъ могъ пріѣхать и въ Москву—свою вторую родину; вмѣстѣ съ этимъ свободнымъ пріѣздомъ онъ получилъ и право распоряженія или скорѣе веденія дѣлъ своего имѣнія, которое въ продолженіе осьмилѣтняго, опекунскаго надъ нимъ управленія потерпѣло весьма значительно, въ слѣдствіе чего и доходы съ него весьма значительно уменьшились. Осмотрѣвшись Варгинъ ясно увидѣлъ множество злоупотребленій по опекунскому управленію имѣніемъ, но въ концѣ концовъ долженъ былъ положить свои собственные, уже истощенныя силы, чтобы довести его до возможности доходами съ него выплачивать ежегодно сто тысячъ въ уплату своего долга. Не даромъ на прилагаемомъ портретѣ онъ представляется намъ такимъ истощеннымъ и изможденнымъ старикомъ. Старческая

натура его сказалась прежнею молодцоватостію и, при всемъ разстроенномъ положеніи своихъ дѣлъ, онъ все таки осилилъ и эту задачу. Вмѣстѣ съ этимъ онъ удовлетворялъ и частнымъ долгамъ и, шагъ за шагомъ, привелъ свое имѣніе въ то положеніе, въ которомъ оно осталось послѣ его смерти — положеніе, которое мы сейчасъ увидимъ изъ его духовнаго завѣщанія.

Духъ и смыслъ этого завѣщанія навлекъ на завѣщателя много навѣтовъ и порицанія, оно и до сихъ поръ, хотя уже и въ меньшей степени, чѣмъ прежде, продолжаетъ быть яблокомъ раздора между его наслѣдниками. Вѣроятно покойный Варгинъ никогда не желалъ поставить ихъ въ тѣ отношенія, въ которыхъ они находились между собою. Современнику трудно произносить безпристрастный судъ надъ современностію, но придетъ время, когда и смыслъ завѣщанія В. В. Варгина 2-го выяснится самъ собою. Намъ, какъ лицу получившему только азбуку для его біографіи, дороже всего духъ, типъ этого завѣщанія и, въ виду этого, мы приводимъ его довольно подробно, останавливаясь, по преимуществу, на тѣхъ мѣстахъ, которыя такъ или иначе проявляютъ характеристику покойнаго. По нашему мнѣнію духовное завѣщаніе это принадлежитъ къ небольшому числу тѣхъ памятниковъ самостоятельности и нѣкотораго рода курьезности хорошаго русскаго смысла, которая, говоря вообще, рѣдко встрѣчается въ нашемъ купеческомъ сословіи. Перевѣсь въ немъ все-таки на сторонѣ самостоятельности и патріархальномъ, отечески, семейномъ смыслѣ русскаго человѣка. То и другое могло быть, во многихъ отношеніяхъ почтеннымъ, если бъ не характерная сословная исключительность, которой къ сожалѣнію не избѣжалъ и Варгинъ.

Въ завѣщаніи этомъ Василій Васильевичъ выразился ясно и всесторонне, какъ человѣкъ и какъ русскій дѣятель, со всѣми его достоинствами и недостатками. Подобные дѣятели даже и послѣ смерти своей усиливаются оставить какъ свой слѣдъ, живое, долговѣчное дѣло и соединить всѣхъ своихъ родственниковъ въ одинъ, общій

семейный кругъ, въ одну семью, каждый членъ которой, такъ или иначе зависитъ другъ отъ друга. Это какъ будто олицетвореніе извѣстной басни о лозѣ вмѣстѣ и рознятой по частямъ. „Да не посѣтуютъ на меня наслѣдники мои, говоритъ онъ въ своей духовной, что симъ завѣщаніемъ я не предоставляю имъ никакого имѣнія и отдаляю ихъ матеріальныя выгоды, на неопредѣленное время, но да вникнутъ (они) въ то положеніе въ которомъ имѣніе мое находится, да примутъ во вниманіе то, что если они теперь не получаютъ всего, то силою сего завѣщанія составитя для нихъ въ будущемъ неизсякаемый источникъ ихъ благосостоянія, огражденный своею неприкосновенностью отъ небреженія и расточительности, подрывающихъ и не такія состоянія. Какъ люди, происходящіе изъ купеческаго семейства, да найдутъ они въ честномъ, торговомъ трудѣ свое благо, а имѣніе мое да будетъ на всегда ихъ твердымъ оплотомъ, на которомъ будетъ упрочено благоденствіе ихъ и позднѣйшаго потомства“.

Чтобы ни говорили противъ этого духовнаго завѣщанія, противъ неосуществимости его на дѣлѣ, но вышеприведенныя нами слова дышатъ такимъ искреннимъ желаніемъ блага своимъ родственникамъ со стороны завѣщателя, въ нихъ такъ ясно выражается интеллектуальный характеръ завѣщателя, что мнѣ, какъ его біографу, особенно дороги эти строки: въ нихъ весь человѣкъ... Ясно, что Василій Васильевичъ сообразовался съ положеніемъ дѣлъ своихъ, что онъ имѣя предъ глазами неизбежность смерти, старался заблаговременно устроить свои дѣла такъ, чтобъ они дали лучшей результатъ. Проникаясь духомъ этого основно-русскаго и во многихъ частностяхъ русско-купеческаго духовнаго завѣщанія, мы никакъ не должны упускать положенія, въ которомъ были дѣла Варгина: въ началѣ своего духовнаго завѣщанія онъ и самъ говоритъ, что *„при такомъ положеніи дѣлъ моихъ для безостановочнаго и сообразнаго съ настоящими моими обстоятельствами теченія ихъ, я назначаю послѣ моей смерти душеприкащикомъ моимъ роднаго*

брата моего Серпуховскаго 3-й гильдіи купца Василья Васильевича 3-го“. Положеніе дѣлъ его и обстоятельства были такого рода, что все движимое и недвижимое имѣніе находилось, въ слѣдствіи взысканія Военнаго Министерства, подъ запрещеніемъ, и Варгинъ, въ слѣдствіе утвержденнаго 31-го Іюля 1835 года положенія Военнаго Совѣта, обязанъ былъ вносить ежегодно въ казну по 100,000 руб. ассигн., поддерживать имѣніе въ полномъ благоустройствѣ и въ то же время платить и частные долги по сдѣлкѣ своей съ кредиторами 6-го Апрѣля 1839 года. (*)

Завѣщатель съ свойственною ему опытностію и знаніемъ дѣла не останавливается предъ этимъ общимъ мотивомъ своей заgrabной воли, онъ идетъ далѣе: онъ оставляетъ по себѣ цѣлый планъ приведенія въ исполненіе этой, своей заgrabной воли, ставитъ въ главѣ каждой части своего дѣла извѣстныхъ ему людей, а нѣкоторыхъ изъ нихъ называетъ даже *незамѣнимыми*; какъ полный хозяинъ своей собственности и справедливый оцѣнщикъ знаній и умѣнья каждаго изъ оставляемыхъ за собой у своего дѣла людей, руководясь большею или меньшею симпатіею къ своимъ родственникамъ, онъ назначаетъ—пайщикамъ ихъ участіе въ общемъ капиталѣ—лицамъ, приставляемымъ для производства самаго дѣла степень ихъ вознагражденія... Вотъ въ этомъ то отношеніи духовное завѣщаніе В. В. Варгина можно сказать, составляетъ образцовое, въ своемъ родѣ явленіе, и въ немъ на послѣ-

(*) Недвижимое имѣніе его составляли: 1) дома: Городской ч. 3 кв. подъ №№ 93 и 95, той же ч. 4 кв. подъ №№ 162 и 164, Мясницкой ч. 1 кварт. подъ № 64, Тверской ч. 5 кв. № 429, Суцеской ч. 1 кв. подъ №№ 310 и 211, Пятницкой части 2 кв. подъ № 174, Лесортовской ч. 6 кв. подъ № 7912, лавки въ Городск. ч. въ новомъ суровскомъ ряду подъ №№ 3, 5, 6, 12 и 13. Въ старомъ Суровскомъ ряду подъ №№ 3, 5, 6, 12 и 13, въ старомъ Суровскомъ ряду подъ № 58, въ Шпажномъ ряду подъ №№ 19 и 20 въ Смоленскомъ Суконномъ ряду подъ №№ 5 и 11, въ Московскомъ Суконномъ ряду подъ № 5, и въ Крашенинномъ ряду подъ № 38, въ Городской же части въ гостинномъ дворѣ амбаръ подъ № 102, и въ г. Серпуховѣ земли съ каменнымъ на ней строеніемъ, въ приходѣ церкви Боговленія Господня.

дяхъ, предъ своимъ закатомъ, блеснулъ его сильный, самостоятельный и оригинальный русскій общинно-семейный умъ, которымъ онъ удивлялъ административныхъ лицъ, имѣвшихъ претензію на всестороннее знаніе дипломатовъ и универсальныхъ администраторовъ. Вотъ какъ выражается эта самостоятельная воля въ отношеніи своихъ посмертныхъ дѣлъ; для болѣе правильнаго и, въ отсутствіи душеприкащика, безъостановочнаго теченія дѣлъ по управленію имѣніемъ, онъ немедленно учреждаетъ въ Москвѣ контору подъ названіемъ конторы для управленія имѣніемъ Василя Варгина 2-го, подъ главнымъ завѣдываніемъ лица, особо для того душеприкащикомъ кредитованнаго, съ надлежащимъ числомъ писцовъ и съ бухгалтеромъ, съ приличнымъ каждому изъ нихъ жалованьемъ; чрезъ эту контору душеприкащикъ управляетъ имѣніемъ, вноситъ всѣ срочные платежи, производитъ всѣ исправленія и необходимыя перестройки въ домахъ и въ лавкахъ и отдаетъ квартиры въ наемъ; заключаетъ на сей предметъ контракты, получаетъ съ наемниковъ деньги и вообще поддерживаетъ благоустройство имѣнія, какъ доброму хозяину свойственно; для большаго успѣха я желаю, говорить онъ далѣе, чтобы производство работъ поручено было вольноотпущенному Льву Сергѣеву, руководившему всѣми по домамъ моимъ работами въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ и незамѣняемому въ отношеніи знанія устройства всѣхъ домовъ моихъ; ему я полагаю назначить жалованья въ годъ серебромъ 1000 руб. и квартиру, которую онъ теперь занимаетъ; распоряженіе же квартирами, устроенными для пріѣзжающихъ въ домъ, Тверской ч. 5 кв. подъ № 429, и отдачу оныхъ въ наймы поручить Московскому мѣщанину Григорію Андрееву, который доселѣ, подъ моимъ руководствомъ, распоряжался съ успѣхомъ и совершеннымъ знаніемъ сего дѣла. Жалованія я ему полагаю по 715 р. с. въ годъ, съ квартирою имъ нынѣ занимаемую. Контора, подъ собственною предъ душеприкащикомъ отвѣтственностію, ведетъ съ должною акуратностію, всѣ прихода-расходныя книги и подлежитъ по усмотрѣнію душеприкащика, соб-

ственно его ревизіи, и ни кому, кромѣ его, не имѣть отдавать ни въ чемъ отчета. 3) Душеприкащикъ, по уплатѣ срочныхъ платежей въ казну и частнымъ кредиторамъ, по взносу городскихъ повинностей и страховыхъ денегъ, по удовлетвореніи жалованьемъ всѣхъ состоящихъ при имѣніи и получающихъ жалованье, по расплатѣ за работы и матеріалы, по выдачѣ годовой суммы награжденія и вкладовъ въ семь завѣщаніи назначенныхъ къ выдачѣ, въ теченіи опредѣленнаго числа лѣтъ, всю остающуюся сумму годоваго дохода вносить въ Московскій Опекунскій Совѣтъ и не прежде какъ по накопленіи сей остаточной суммы до 100 тыс. руб. сер. избираетъ изъ родственниковъ моихъ болѣе благонадежное лице, ввѣряя ему капиталъ сей для производства торговли на правѣ главнаго прикащика или комиссіонера, подъ общею установленною закономъ отчетностію прикащиковъ предъ хозяиномъ; въ избраніе предмета торговли необходимо входить въ отечественныя произведенія; а какъ означенный торговый капиталъ, ежегодными предназначенными для составленія его остатками, долженъ увеличиваться, то желательно было бы, чтобы въ послѣдствіи, образовалась заграничная торговля Русскими произведеніями; вообще же торговля эта должна производиться на наличный капиталъ и отнюдь не въ кредитъ, пагубныя послѣдствія котораго я испыталъ самъ; къ торговому же капиталу долженъ въ послѣдствіи присоединиться и тотъ капиталъ, который можетъ быть взысканъ въ мою пользу съ казны или съ частныхъ лицъ.

Соразмѣрность въ прибыли и, такимъ образомъ, и самое участіе своихъ родственниковъ, въ этомъ самобытно и оригинально созданномъ товариществѣ, покойный Василій Васильевичъ Варгинъ 2-й распредѣляетъ по степени участія въ трудѣ и нуждѣ въ его помощи каждаго изъ своихъ родственниковъ (*).

(*) Также какъ это не составляетъ нашей задачи, то дѣленіе это помѣщается въ выносахъ. Участіе это слѣдующее:

1) Роднаго брата, назначеннаго въ душеприкащика Василя Васильевича Варгина на 200 т. рублей 2) сына роднаго брата моего, Бориса, коллеж

Имѣя въ виду прежде всего цѣлость и недѣлимость своего имѣнія, завѣщатель старается объ обезпеченіи и устраниеніи всѣхъ возможныхъ въ такомъ дѣлѣ распрей: онъ прямо запрещаетъ своимъ наслѣдникамъ требовать болѣе имъ назначеннаго, „а если и кто какія-либо требованія свои или жалобы доведетъ до суда, то лишается права на полученіе принадлежащей ему части.“ Этотъ пунктъ завѣщанія прямо вытекалъ изъ той наболѣвшей раны Варгина, которая всосала въ себя много его жизненныхъ соковъ и она же потомъ, во многихъ отношеніяхъ, стала, какъ это говорится, яблокомъ раздора между его наслѣдниками... Но мы не касаемся этого и безъ всякаго отношенія къ духу „Духовнаго завѣщанія“ считаемъ лучшимъ желающимъ ознакомиться съ послѣдствіемъ его духовнаго завѣщанія указать на дѣло по этому поводу, помѣщенное въ Журналѣ Министерства Юстиціи, которое довольно ясно указываетъ, какой оборотъ приняло все

скаго секретаря Василья Борисова Варгина на 200 т. руб. сер. 3) дочерей роднаго брата моего Якова двѣицъ Софію Яковлеву на 75 тыс. руб. и Наталію Яковлеву на 75 т. р. с. 4) — Дѣтей двоюродныхъ братьевъ моихъ Филиппа Сергѣевича Варгина серпуховскаго 3-й гильдіи купческаго племянника Сергѣя Филиппова Варгина на 50 т. руб. сер. внучекъ Филипповыхъ же малолѣтныхъ серпуховскихъ 3-й гильдіи купческихъ внукъ Юлію Борисову Варгину на 25 т. руб. сер. Людмилу Борисову Варгину на 25 т. руб. сер. и дѣтей двоюроднаго же брата моего Ивана Сергѣева Варгина серпуховскаго 3 й гильдіи купческаго сына Дмитрія Иванова Варгина на 100 т. руб. сер. Колежскаго секретаря Алексѣя Иванова Варгина на 25 т. руб. с. Студента Московскаго Университета Николая Иванова Варгина на 25 т. р. сер. дочерей: надворную совѣтницу Марью Иванову Лясковскую на 25 т. р. сер. и двѣицу Купеческую дочь Анну Иванову Варгину на 25 т. р. сер. 5) дѣтей умершей сестры моей Марьи Васильевой Московскихъ 3 гильдіи Купца Петра и Купеческихъ братьевъ Сергѣя и Ивана Ивановыхъ Теленевыхъ вообще на 20 т. р. сер. 6) Дѣтей сестры Анисьи Васильевой: Московскаго 3 гильдіи Купца Алексія и Купеческихъ братьевъ Григорья и Николая Федоровыхъ Игнатовыхъ вообще на 20 т. р. сер. внуку отъ племянницы Любопи Федоровой Тихеевой дочери Чиновника 14 го класса Елизавету Иванову Тихееву на 10 т. р. сер. 7) Чиновника 14-го класса Ивана Денисова Тихеева на 20 т. р. сер. 8) сына умершей сестры Анны Васильевой Почетнаго Гражданина Сергѣя Михайлова Плотникова на 15 т. р. сер. 9) Серпуховскихъ 3 гильдіи Купца Сергѣя и Купческаго брата Аванасія Ивановыхъ Варгинныхъ обоихъ на 25 т. р. сер.

Это болѣе крупныя, — мелкихъ, по многочисленности ихъ, не перечисляемъ.

это дѣло при его наслѣдникахъ. Наше дѣло было уловить тѣ дорогія, для русскаго общества, черты въ характерѣ Василя Васильевича Варгина 2-го, которыя ставили изъ среды нашего купечества новую недюженную личность, которыя мы ищемъ со всевозможнымъ стараніемъ и къ которой его духовное завѣщаніе прибавляетъ не мало оригинальныхъ чертъ.

За изчерпаніемъ, такъ сказать, дѣловой части завѣщанія слѣдуетъ обращеніе покойнаго къ лицамъ, которыя вызывали его дружеское расположеніе и душевную привязанность во время, какъ онъ самъ говоритъ, „много-трудной“ жизни его... Лица эти „успокоившія и часы дѣла и часы отдыха“ покойнаго, и по положенію своему, и по извѣстнымъ всѣмъ своимъ душевнымъ качествамъ, какъ нельзя лучше рекомендуютъ покойнаго Василя Васильевича Варгина и съ этой стороны — ихъ дружескаго къ нему расположенія. Лица эти—князь Александръ Аркадьевичъ Итальянскій графъ, Суворовъ Рымникскій, котораго Варгинъ прямо называетъ „благодѣтелемъ своимъ“ и котораго онъ проситъ продолжить благодѣянія и послѣ смерти завѣщателя, не отказавъ ему назначить душеприкащикомъ къ его имѣнію на случай, если его душеприкащикъ не сумѣетъ распорядиться назначеніемъ себѣ преемника или избранный умереть или откажется; онъ проситъ его не оставить своимъ высокимъ покровительствомъ его послѣднюю волю... „Да оградитъ онъ ее своимъ правдолюбіемъ“, кончаетъ онъ съ чисто русскимъ расположеніемъ заключеніе своего обращенія къ лицу, вызывавшему его искреннее уваженіе. Другаго Суворова,—дѣйствительнаго статскаго совѣтника, Степана Оаддеевича онъ прямо называетъ другомъ своимъ въ теченіи 40 лѣтъ успокоившимъ дружествомъ своимъ его „скорбную“, какъ онъ самъ выражается, жизнь... Черта эта заслуживаетъ особеннаго вниманія и вотъ именно по какому обстоятельству: въ большинствѣ нашего купеческаго общества, между собою, нѣтъ истиннаго дружества: мужду купцами, другъ у друга, нѣтъ или, по крайней мѣрѣ, весьма мало друзей; всѣ отношенія поглащаются

дѣловыми отношеніями связями родственными и пріятельскими: дальше трактира, дальше пріятельскихъ отношеній, дальше выпивки, дѣло, за весьма немногими исключеніями, не идетъ. А дружба, въ большей части отношеній, существуетъ фальшивая, двоедушная: въ этой дружбѣ большею частію—задняя мысль подставить ноту ближнему, сбить на его плечи то, что тяготитъ свои. Общественнаго единства между купечествомъ, по большей части, нѣтъ; говоримъ это съ болью сердца, но утѣшаемъ себя тѣмъ, что говоримъ правду. Отношенія къ лицамъ высшаго общества, большею частію, какъ то неопредѣленны и характеризуются развѣ только дѣловыми отношеніями и взаимною пользою — взаимное же уваженіе вызываютъ они весьма рѣдко. Разумѣется это въ большинствѣ, которое мы имѣемъ въ виду. Варгинъ, такимъ образомъ, принадлежалъ къ исключеніямъ и прямо своими личными способностями заставилъ обратить на себя вниманіе высшаго общества, эти личныя достоинства понудили высшее общество считать его за равнаго себѣ и открыли ему непритворное расположеніе и дружескую пріязнь. Вотъ именно по этому то мы и дорожимъ, по преимуществу, такими личностями, которыя перерастаютъ цѣлой головой свое сословіе, и какъ бы сравниваютъ его съ болѣе высшими, и къ такимъ то лицамъ именно и принадлежалъ Василій Васильевичъ Варгинъ 2-й.

Мы сказали про него все, что можно сказать въ настоящее время, имя его принадлежитъ несомнѣнно исторіи развитія русскаго купеческаго общества, его полная біографія можетъ быть составлена только современемъ, мы же можемъ утѣшиться и тѣмъ, что, по мѣрѣ силъ нашихъ, представляетъ для нее матеріалы.

ТУЗЫ

РОМАНЪ ВЪ 3-ХЪ ЧАСТЯХЪ.

ВВЕДЕНІЕ.

Уѣздный городъ Ш* лежалъ и до сихъ поръ лежитъ неподалеку отъ Москвы, но уже не въ Московской губерніи.... Русскіе, особенно уѣздные города формируются вообще оригинально, своеобразно, самостоятельно, соответственно мѣстнымъ условіямъ и обстановкѣ. Не рѣдко, или скорѣе по купеческому заимствованному отъ народа выраженію „сплошь и рядомъ“ городъ возведенный въ достоинство губернскаго, никакъ не можетъ развиться своимъ достоинствомъ, стать на степень городскаго развитія; не смотря на придаваемые ему, иногда даже силою, наружныя формы, онъ вянетъ, хирѣетъ годъ отъ года и, глядишь, едва едва оправляется и съ большими усилиями становится на степень самостоятельнаго развитія.

Это относится не къ однимъ мелкимъ, среднимъ и большимъ, но и къ очень большимъ городамъ, даже и къ столицамъ, если взглянуть попристальнѣе въ ихъ положеніе.

Иное дѣло и не большой городокъ, уѣздный, даже заштатный пожалуй, село какое нибудь—село, которое полюбить народъ, да къ которому не искусственно, а естественно привьется промышленность—они хотя смотрятъ и не такъ красиво—вынаряжено, какъ искусственно сплоченный и декоративно обставленный городъ, но за то имѣютъ такую веселую, здоровую наружность, что на нихъ взглянуть любо-дорого, а пораздуматься о ихъ будущемъ и еще дороже, отраднѣе. Это кормильцы и поильцы земли русской и изъ нихъ то, какъ изъ корней, растутъ и большіе, значительные русскіе города.

Къ Сѣверу-Востоку отъ Москвы, мы любовались двумя, тремя такими небольшими самородными городами и залюбовались гораздо большимъ числомъ сель, лежащихъ на небольшихъ рѣчкахъ разнохарактерныхъ наименований, или на большихъ озерахъ — съ именами которыхъ связана какая либо пѣсня, мѣстная поговорка, или преданіе. Такія мѣста особенно и по преимуществу крѣпко любить русскій народъ.

Городъ о которомъ мы хотимъ говорить принадлежалъ именно къ этой группѣ, такъ сказать, самородныхъ сель и городовъ.

Наружный видъ этихъ нашихъ кормильцевъ— смѣшанный, разно-характерный, странный: это не то городъ, не то большое промышленное село — они какъ то похожи, *смѣшаваютъ* другъ на друга, и по большей части расположились не вдалекѣ одинъ отъ другаго, какъ дружески расположенные родственники, которыхъ на Руси также мало, какъ и городовъ съ тѣмъ характеромъ, который мы хотимъ очертить по возможности опредѣленнѣе. Въѣзжая въ подобный городъ. думаешь, что это большое, богатое село, такъ точно, какъ въѣзжая въ подобное село, принимаешь его за городъ: тоже безмостовье, тѣже большіе церкви—единственный признакъ общественности, тѣ же въ перемѣшку съ небольшими деревянными—большіе каменные дома; только необходимыя присутственныя мѣста, да кое гдѣ признаки вала, которымъ будто ухищрялись разгородить всю Русь на нѣсколько клѣтокъ—наметнуть, что это, дескать, городъ.....

Не скроемъ, намъ больше по сердцу подобныя села, нежели подобныя города. Особенно обрадуешься встрѣтивъ иной, гдѣ нибудь неподалеку церкви—банкъ общественный, да мірскую избу, гдѣ судъ и расправа—школу, да надпись на чистой избѣ „староста“ „земская управа“ — проще, естественнѣе для общества въ несложной степени развитія, и если подобное село, со временемъ, разовьется въ городъ, то ему уже не нужно будетъ лечиться отъ разныхъ хроническихъ болѣзней, которыя, благодаря чуждой формѣ еще не переработанной народнымъ организмомъ, развились въ современныхъ намъ городахъ.

Нашъ городъ во многомъ походилъ на село — но уже принялъ разныя псевдоцивилизованныя формы, какъ-то неотъемлемо соединенныя съ именемъ русскаго народа.

Отъ села, не смотря на его грязь и неурядицу, всегда навѣвается такую силою, свѣжестью; быть села, принимая въ расчетъ даже его уродливость, сравнительно со многимъ современнымъ, такъ нравственно крѣпокъ, такъ патриархально чистъ, что его созерцаніе невольно роитъ мысли о нашемъ лучшемъ будущемъ, между тѣмъ какъ городъ, только за немногими исключеніями, наводитъ на противоположныя мысли. Старый порядокъ формировки скороспѣлокъ-городовъ даетъ еще довольно сильно знать себя. Въ вышеозначенной группѣ городовъ и сель легко даже и до сихъ поръ наблюдать формировку и переселеніе села въ городъ и постепенное превращеніе народныхъ чертъ въ черты городскіе, сословныя.

Русское село особенно вызывало участіе въ прежнее и еще недавнее время почти двухъ-вѣковаго, крѣпостнаго состоянія большей части Россіи: въ немъ подъ гнетомъ со всѣхъ сторонъ — работали, выходили въ люди, предъ лицо всей Русской земли не мало, еще мало знакомыхъ намъ силъ, много изъ которыхъ и умерло въ этой борьбѣ, на половинѣ, на полдорогѣ и не мало и у конца ея, близъ желанной цѣли — силы эти, двигавшія и не мало оживлявшія въ прежней неподвижной и мертвенной жизни Россіи (хотя оживленіе это шло скрытно и спрятано) были простые люди — мужички, окрещенные тогда, не симпатичнымъ теперь всѣмъ и каждому имени крѣпостныхъ крестьянъ.

Естественно, что человѣкъ, со дня рожденія охваченный нуждою и неволей, съ большей энергіей, хотя и не такъ торопливо съ большей силой, которая претъ въ немъ во всѣ стороны желаетъ, бьется — добиться разумной свободы и всѣхъ ея высокихъ наслажденій, свободы подъ защитою общаго отца — Царя, нежели человѣкъ пользующійся ею, хотя сколько нибудь. Грубое сердце русскаго простолюдина, загорѣлаго, заскорузлаго

мужика, едва ли тише но, вѣроятно болѣе нормально билось за свободу, нежели сердце такъ называемыхъ нашихъ чрезъ-чуръ передовыхъ людей.

Жажда святаго чувства свободы, хотя бы въ формѣ матеріальнаго благосостоянія и своей волюшки надъ самимъ собою, безъ громкихъ словъ, осторожно и крѣпко застегнувшись и туго подпоясавшись творила чудеса: осмотрѣвшись въ своемъ безвыходномъ, крутомъ положеніи, раздумавшись о своей незавидной, горькой долѣ, селянинъ можетъ быть, иногда безсознательно, по одному вѣющему надъ нимъ вдохновенію свободы, принимался раскидывать умомъ и мерекать какъ бы выдти ему изъ этого крутаго положенія.

Кормилица земля, близость города, и особенно не вдалекѣ лежащій какой нибудь важный пунктъ средоточія русской жизни, наводили его на смѣлыя мысли, отъ которыхъ чесались сильные руки — промыслять. Прежде всего ему нужны были деньги — деньги для всего: для приложенія рукъ къ труду, для хода труда, для самой производительности труда, и наконецъ для выхода на болѣе открытую и широкую дорогу — для перехода изъ быта села, въ бытъ города, изъ состоянія крестьянина, въ сословное званіе, для перемѣны имени мужика въ званіе — мѣщанина, купца, почетнаго гражданина, мануфактуръ, коммерціи совѣтника, кавалера и т. д.

Русскій умъ, какъ извѣстно по преимуществу умъ практическій, сильный, природный, своеобразный, онъ производилъ, да и до сихъ поръ производитъ чудеса: ставить по нашей дорогѣ неожиданности, сдерживаетъ чрезъ чуръ смѣлый полетъ нашей фантазіи, заставляетъ ощущать подъ собою то, что называли *почвой* и часто является врагомъ кажись бы и очень легкихъ къ выполненію, и общепользныхъ начинаній, въ немъ, можетъ быть, къ досадѣ многихъ, мы не рѣдко слышимъ народное „тиру“ „стой“ погоди; умъ этотъ „мозги“, забравшись въ село, не даютъ ни на часъ, ни на минуту покоя тому, въ комъ они есть и развиваются, умъ этотъ, рѣдко дѣлаетъ изъ

человѣка лежебока—мужика, скорѣе онъ обращаетъ его въ пьяницу или доку,—который безотчетно идетъ къ одной цѣли, не знаетъ какъ и какими средствами добить себя до смерти, или къ другой—разбогатѣть. Безъ свѣта, безъ грамоты, въ потемкахъ предразсудковъ, подъ рассказы срочныхъ или отставныхъ солдатъ, онъ нерѣдко такъ чумно настраиваетъ человѣка, что тотъ и не знаетъ куда спрятаться ему отъ всѣхъ призраковъ, встающихъ предъ нимъ въ его жизни, ограниченной бытомъ села, очерченной узкимъ кругомъ крестьянской дѣятельности; тоску своего неразвитія онъ изливаетъ или въ заунывной пѣснѣ—въ русской, понятной и развитому человѣку пѣснѣ, въ которой не даромъ же звучатъ такіа разнообразныя и сильныя ноты; или дѣлаетъ мужика охотникомъ, который таскаясь по болотамъ по лѣсамъ, дѣлится съ природой своей и самому ему непотнятно тоской—рѣже изъ умнаго мужика выходитъ семьянинъ—селянинъ: широкому уму почему то дѣлается тѣсно и душно въ родимой избѣ—вѣроятно потому-то, большею частью, онъ прикидываетъ своимъ умомъ самородкомъ къ предметамъ окружающимъ, ходовымъ, къ тому, что подъ руками, и тамъ, гдѣ скудна земля, гдѣ соха не рѣжетъ черноземъ, а выворачиваетъ супески, да суглинокъ, умный мужикъ превращается въ скупщика, торгаша, кулака, выходитъ въ купцы, и превращается въ то, что у насъ довольно мѣтко окрещено именемъ „туза“.

Но не легокъ этотъ переходъ—только талантливымъ натурамъ, да и то при счастливомъ случаѣ и обстановкѣ удается онъ—при нашей же русской обстановкѣ въ богатѣ—тузъ рѣдко сохраняется человѣкъ: онъ большей частью уродуется и превращается въ русскаго купца, кулака, въ нажомистаго фабриканта, про которыхъ идетъ такъ много рассказовъ на Руси.

Первымъ поколѣніямъ этихъ людей также трудно сохранить человѣческое достоинство: жизнь ставитъ имъ соблазны на каждомъ шагу, само общество, въ своей массѣ, поощряетъ къ этому, и исключительно купеческое общество только и выводитъ въ люди такихъ людей, которые

рождены зашибить копѣйку, оно старается удержать за собою этихъ людей и вмѣстѣ съ ними свою силу надъ тѣми матеріальными средствами, которые возвели его на степень матеріальнаго развитія — ему необходимы не люди, а *дѣлцы*. Это основное понятіе около котораго соединяются всѣ задушевныя помыслы этого общества, главнымъ образомъ, и обусловливаетъ внутреннее его развитіе. Изъ общества понятія эти переходятъ въ семейство, отъ мужчины къ женщинѣ, въ разные переходы ея развитія — къ дѣвушкамъ — невѣсткѣ, къ матери и сообщаетъ цѣлому обществу преимущественно матеріальный характеръ развитія, выдѣляя на этомъ фонѣ нѣкоторыя исключительныя личности въ ихъ безотрадномъ положеніи.

Общество нашего богатаго купечества, которыхъ народъ мѣтко прозвалъ „тузами“ составляетъ свое особенное общество; положеніе его исключительное, своеобразное: богатое матеріально, оно крайне бѣдно нравственно и весьма мало развито; становясь на видное мѣсто оно облагораживается только наружно, крѣпко держась своихъ прежнихъ принциповъ, оно притворяется въ своемъ сочувствіи къ новизнѣ и обманываетъ само себя... Притворство, обманъ, недалековидная хитрость, умѣнье обдѣлывать дѣла, сомнительная честность, и отсутствіе истиннаго благородства, и честно-человѣческаго, подъ часъ крайне нужнаго самоотверженія, составляютъ значительную часть его умственнаго и нравственнаго капитала. Эту бѣдность свою оно дѣлаетъ еще сильнѣе, запирая двери истинному образованію, холодно и несочувственно относясь къ тѣмъ изъ своихъ лицъ, у которыхъ зарождается искреннее желаніе отдаться не ремеслу отцовъ. Положеніе такихъ личностей крайне безотратно въ немъ. Живой, свободной мысли и до сихъ поръ душно и тѣсно въ этомъ обществѣ, не смотря на окружающую, пожалуй даже приличную его обстановку. Дѣйствующее поколѣніе въ большинствѣ своемъ, къ сожалѣнію въ немъ хуже, несостоятельнѣе стараго, а на долю (нравственныхъ) лучшихъ людей выпадаетъ незавидная судьба. Положеніе женщины во многихъ отношеніяхъ безотратно и процентъ смерт-

ности ихъ, въ ранней молодости, несравненно значительнѣе противъ подобной гибели мужчинъ. Грустное положеніе это тѣмъ болѣе беретъ за сердце, что въ основаніи и въ отдѣльныхъ личностяхъ нашего купеческаго общества легло такъ много добраго, широкаго, хорошаго, не фальшиво даровитаго, что, при другихъ условіяхъ все это могло бы спасти его и вывести на болѣе удобную и лучшую дорогу.

Предлагаемая монографія, имѣя въ виду одинъ отдѣлъ купеческаго общества „Тузовъ“ задается цѣлью представить наши положенія въ живой, наглядной картинѣ... Имѣя много общаго уже съ напечатаннымъ трудомъ нашимъ „Коммерческая Аристократія“ *) оно представляетъ изслѣдованіе другой стороны этого общества, еще не такъ далеко ушедшей отъ своихъ прежнихъ, народныхъ началъ, и гдѣ по этому, искаженіе личности и внутренняя ломка еще крупнѣе и ярче.

*) „Свѣточъ“ 1861, № 8 и 9.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Старое поколѣніе.

ГЛАВА I.

— Что не былъ у насъ сего дня Ванюшка? спросилъ садясь обѣдать въ первый день Свѣтлаго Христова Воскресенья, одинъ изъ жителей вышеозначеннаго города, Прокопій Миняичъ Бѣлоголовый, высокій, очень свѣжій, здоровый, краснощекій старикъ, не смотря на, во многихъ мѣстахъ, сѣдѣвшую бороду и почти уже совсѣмъ сѣдые завитки волосъ, обстриженныхъ въ скобку, по русски.

Вопросъ не былъ обращенъ ни къ кому исключительно: онъ относился ко всему семейству. Семейство было не маленькое: оно состояло изъ жены, простой, очень дородной женщины, носившей во всемъ — въ чертахъ лица, въ выговоръ по ярославски на *о*, въ костюмъ, въ неподдѣльно искренней добротѣ, которая просвѣчивала въ каждой чертѣ, въ каждомъ словѣ, даже въ немалой долѣ предразсудковъ и складѣ ума — характеръ женщины народнаго типа. Старшимъ лицомъ за столомъ послѣ пары хозяевъ былъ зять Бѣлоголоваго — Савелій Никифоровичъ Кузминъ — высокій и жилистый мужчина съ довольно грубымъ, но энергичнымъ, такъ сказать, дѣловымъ лицомъ, которому особенно серьезный характеръ придавали жесткіе, темнорусые усы, скрывавшія почти обѣ его губы. Это былъ одинъ изъ прикащиковъ Бѣлоголоваго, которому въ награду за его ревность и усердіе старикъ отдалъ одну изъ дочерей и принялъ какъ участника въ извѣстной долѣ своего капитала; жена Кузмина, помѣщавшаяся рядомъ съ мужемъ глядѣ-

ла здоровой, краснощекой, чернобровой, черноволосой женщиной лѣтъ двадцати двухъ, она по видимому была очень довольна своею участью и положеніемъ—смотрѣла весело и здорово; кромѣ того за столомъ помѣщались еще четыре дочери Бѣлоголоваго, много похожія одна на другую, юныя, цвѣтушія дѣвочки, лѣтъ отъ двѣнадцати до шестнадцати, изъ которыхъ ярче и болѣе другихъ, своимъ хорошенькимъ и выразительнымъ личикомъ, въ которомъ болѣе всего выбѣгало наружу чисто русское лукавство, бойкость и смѣтливость—отдѣлялась средняя — Катя. Единственный сынъ и по русскимъ законамъ главный наслѣдникъ всего благосостоянія Бѣлоголоваго смотрѣлъ инымъ человѣкомъ: онъ былъ тщедушень, худъ и блѣденъ, носилъ очки, и кажется не совсѣмъ хорошо чувствовалъ себя за близко родственнымъ столомъ.

Комната, въ которой обѣдало семейство, глядѣла, не очень чисто и красиво: это была по видимому столовая или застольная, съ некрашенными, выметыми бѣлой глиной полами, большимъ пузатымъ шкафомъ, въ которомъ за стекломъ виднѣлся гжельскій фаянсъ, русское стекло, серебряныя чайныя и столовыя ложки въ особыхъ для нихъ мѣстечкахъ и т. п.; въ переднемъ углу висѣлъ очень большой образъ Нерукотвореннаго Спаса въ серебрянной, позлащенной ризѣ, предъ нимъ довольно тускло теплилась лампада, сообщавшая комнатѣ запахъ нагрѣтаго деревяннаго масла; рядомъ съ образомъ висѣлъ поясной, масляной работы портретъ Филарета Митрополита Московскаго, Императора Николая Павловича и князя Паскевича Эриванскаго.

Въ отворенную дверь виднѣлась кухня, несло тепло и запахомъ щей, солонины и пироговъ, на столѣ подавала кухарка въ новомъ, ситровомъ, гремящемъ платьѣ.

— Такъ не былъ Ваюшка? повторилъ свой вопросъ Прокофій Миняичъ — заордился видно! прибавилъ онъ добродушно.

— Я не видалъ-съ, ознѣтилъ зять

— Я визиты дѣлалъ-дромолвилъ сынъ.

— Не видать его что было, сказала жена.

— Эхъ, жаль паря, продолжалъ Прокофій Миняичъ;

влѣзъ онъ въ эту знатную родню, такъ и измѣлѣчаетъ душа въ разныхъ пустякахъ. Говорилъ ему не послушалъ: ужъ куда нашему брату, простому русскому человѣку вѣзаться съ нашими негоціантами; (слово это выговорилось не чисто), образованіе и ученость дѣло хорошее, но только когда къ нимъ меньше фальши пристанеть. Бѣда какъ на одну-то фальшь нападешь, бѣгать и бояться того надо болѣе всего.

— А ужъ нечего сказать: благовѣрная-то его именно фальшивая женщина, сказала Прасковья Никитишна, жена Бѣлоголоваго.

— Напрасно вы такъ, маменька, разсуждаете, промолвилъ сынъ, Варвара Николаевна женщина образованная, современная...

— Ну, ты еще, братъ, въ людяхъ мало смыслишь, въ чемъ другомъ можетъ быть, тамъ въ наукахъ вашихъ, а тутъ на первомъ плавлѣнужна опытность.

— Опытъ вездѣ нуженъ! горделиво и отрывисто сказалъ сынъ.

— Ну, такъ и наживи что прежде, благодушно отвѣтилъ отецъ. Какъ ты скажешь Завелій Никифоровичъ?

— Мнѣ-съ эта женщина не нравится.

— Да и нравится въ ней нечему, — колотырка и больше ничего, — заключилъ старикъ.

Разговоръ какъ-то рѣзко оборвался на этомъ: отъ словъ старика вѣяло такою искренностію, да притомъ онъ былъ главою въ домѣ, такъ что ему было трудно возражать.

Семейство Бѣлоголоваго, какъ видно, и изъ этихъ словъ, состояло въ короткихъ, дружескихъ отношеніяхъ къ какому-то Ванюшкѣ, къ которому мы и перейдемъ.

Ванюшка не для многихъ былъ Ванюшкой, — таковымъ былъ онъ развѣ только для старца Бѣлоголоваго, который не имѣлъ съ нимъ никакихъ родственныхъ связей, — этого важнаго крѣпкаго союза въ куческомъ обществѣ; старикъ питалъ къ нему непритворную дружбу, и повидимому былъ очень огорченъ, что онъ не былъ у него въ такой большой праздникъ, между тѣмъ, какъ онъ у него былъ — это видимо его тревожило.

от — Колотырка, сбиваетъ парня, повторилъ онъ еще не разъ, вставши изъ за стола.

Это досадное выраженіе, видимымъ образомъ, относилось — прямо къ женѣ Ванюшки, въ немъ не было слышно никакой досады на Ванюшку; будто въ доказательство нашего мнѣнія старикъ въ слѣдъ за этимъ вздохнулъ и примолвилъ:

— Жаль человѣка, дай Богъ ему подержаться.

Все эти сожалѣнія и рѣчи относились къ земляку Бѣлоголоваго — Ивану Артемьевичу Неведову, съ отцемъ котораго старикъ былъ связанъ старой вѣрой, которой держался и старой, простой и искренней дружбой, а также дружески любилъ сына.

Неведовъ-старикъ считался въ свое время очень умнымъ и дѣльнымъ купцомъ и своимъ характеромъ былъ много похожъ на Бѣлоголоваго, хотя и былъ гораздо старше его; эти двѣ фамиліи шли почти всю жизнь рука въ руку и много помогали другъ другу, разумѣется помогали своеобразно, по купечески, не безъ пользы для себя, но все-таки это была не личина дружбы, не притворство помощи, имѣющей какую либо заднюю мысль, но истинная дружба и помощь, какой они могутъ быть между простыми, прямыми, хотя нѣсколько и грубоватыми людьми.

Старикъ Неведовъ уже окончилъ свое земное поприще, о немъ мы скажемъ нѣсколько словъ, сколько будетъ нужно для нашего разсказа, впоследствии теперь же являются на сцену два его сына. Иванъ Артемьевичъ былъ меньшимъ, онъ въ своемъ обществѣ считался человѣкомъ образованнымъ, на самомъ же дѣлѣ немножко повиытерся, зналъ русскую грамоту, прочелъ нѣсколько книгъ, получалъ два три журнала да нѣсколько русскихъ и иностранныхъ газетъ съ карриатурами, пробылъ мѣсяца три за границею, понюхалъ даже Лондонскаго дыма и глядѣлъ довольно чисто, плотно и опрятно; его считали человѣкомъ умнымъ, бывалымъ и уже мало русскимъ; на самомъ же дѣлѣ онъ не былъ глупъ и, во всякомъ случаѣ, сердце его было гораздо лучше головы; во всемъ же существѣ своемъ, по привычкамъ, по достоинствамъ и недостаткамъ онъ былъ впол-

нѣ тѣмъ, что зовется русскимъ человѣкомъ; этого какъ то не удалось понять вполнѣ никому, даже онъ самъ плохо понималъ себя, и подобное, повидимому, маловажное обстоятельство спутало и испортило всю его жизнь.

Старикъ Неведовъ оставилъ обѣихъ сыновей не женатыми; на это была по его мнѣнію очень важная причина въ томъ, что старшій не имѣлъ расположенія къ супружеской жизни, а меньшаго онъ не хотѣлъ женить, надѣясь склонить къ тому и старшаго.

Старшій Неведовъ, Яковъ Артемьевичъ, былъ чудакъ и оригиналъ, и во многихъ отношеніяхъ рѣшительною противоположностью своего брата, его бы пожалуй можно назвать славянофиломъ, если бы онъ имѣлъ понятіе о существованіи чего нибудь подобнаго на свѣтѣ; вопервыхъ онъ вѣрный преданію, какъ и братъ его держался старой вѣры, носилъ бороду и очень длинныя волосы, секретнымъ образомъ слегка выстригалъ макушку, чтобъ благодать Божія могла бы удобнѣе сходить на него, считалъ себя очень умнымъ человѣкомъ, хотя на самомъ дѣлѣ былъ тѣмъ, что называютъ дѣлякомъ, и дѣйствительно умѣлъ зашибить копейку.

Въ отношеніи взглядовъ на вѣру, у братьевъ, была большая разница: старшій былъ истиннымъ старообрядцемъ—поповцемъ, держался крѣпко обрядовой стороны, и какъ говорится не вилялъ, между тѣмъ, какъ Иванъ Артемьевичъ, въ первой молодости брился и стригся по нѣмецки, потомъ носилъ одни усы, потомъ уже, прямо по модѣ, отпустилъ бороду, въ церковь свою не ходилъ, не ходилъ и въ другую, женился на православной, дѣти шли уже по церкви, постовъ не держалъ, и вообще, какъ говорится, путался, что подробнѣй мы увидимъ далѣе. Уже самая наружность братьевъ довольно выказывала ихъ характеръ: Яковъ Артемьевичъ имѣлъ большое одутловатое лицо, былъ курносъ, темныя узкіе глаза бойко, хотя уже нѣсколько, какъ говорится, помутившись смотрѣли изъ подъ густыхъ, такъ называемыхъ, нависшихъ бровей, борода его росла не ровно, клочками (прежде онъ ее пряталъ подъ галстукъ, но во время болѣзни ее много вылѣзло), усы постоянно щети-

нились, нижняя часть лица казалась гораздо больше остальной, просѣдь довольно замѣтно пересыпала его черные волосы и бороду, ходилъ онъ въ длинномъ сюртукѣ, брюки въ сапоги, при каждомъ глоткѣ вина, квасу и тому подобнаго и при каждомъ новомъ блюдѣ крестился, часто повторяя по старообрядчески „Ісусъ Сынъ Божій помилуй насъ“. Иванъ Артемьевичъ напротивъ глядѣлъ какъ говорится джентльменомъ: бороду подстригалъ, одѣвался чисто, лицо его было правильно и смотрѣло вообще не глупо, хотя нѣкоторая сладковатость довольно замѣтно проглядывала и въ улыбка и въ самомъ выраженіи, но не смотря на это онъ былъ довольно симпатиченъ; здоровый, чистый русскій румянецъ покрывалъ его щеки, голосъ мягкій и звучный и при этомъ прямой, искренній характеръ и доброе сердце, но малая твердость воли и какая-то ранняя распушенность.

Въ началѣ нашей исторіи старшій братъ жилъ совершенно отчужденно, почти не выходилъ изъ двухъ, трехъ комнатъ къ которымъ примыкала молельня съ дорогими и рѣдкими образами, углубился въ чтеніе старыхъ книгъ, и страдалъ какою то хроническою болѣзнію, наводившую на него время отъ времени чуть не припадки, близкія къ безумію; всѣ эти странности проявились въ немъ когда ему уже перевалило за сорокъ, въ молодости же это былъ здоровый, разгульный дѣтина, выпившій на своемъ вѣку цѣлые бочки вина, сдѣлавшій „несчастными“ не одинъ десятокъ женщинъ, и не мало прибавившій къ огромному состоянію, оставленному братьямъ отцомъ; однимъ словомъ даровитая русская натура въ которой между грязи было не мало золота. Яковъ Артемьевичъ само собой разумѣется сообразно своему характеру жилъ безвыѣздно въ своемъ городѣ, но надломленный и физически и нравственно не могъ уже по прежнему держать дѣла въ своихъ слабѣющихъ рукахъ, но оно еще долгое время не утрачивало прежняго направленія, поддерживалось прежнею энергіею, нѣсколькими дѣльными прикащиками и благодаря выгодамъ, которые давали фабрикаціи, доброе старое время шло не въ ущербъ, а къ выгодѣ хозяйской.

Иванъ Артемьевичъ былъ человекъ совсѣмъ другаго ха-

рактера: у него не было братниной медвѣжьей лапы, которой тотъ легко и удобно комкалъ все подъ себя—это былъ что называется бѣлоручка, умѣвшій скорѣе прожить чѣмъ наживать.

Первый день праздника, которымъ какъ многое на Руси начинается наша исторія, Иванъ Артемьевичъ пообѣдавши съ своей супругой и отдохнувши отъ бессонной, обусловливаемой религіозными обычаями ночи, которыхъ онъ былъ только зрителемъ, сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ и какъ кажется не въ очень веселомъ расположеніи духа; время было часовъ около пяти, жена его уже около часу занималась туалетомъ въ своей половинѣ, разряженная кормилица, въ красномъ штофномъ сарафанѣ, въ узорномъ фартукѣ и голубомъ кокошникѣ съ широкимъ позументомъ, съ пышными кисейными рукавами рубашки, высокая, дородная и красивая женщина тихо и плавно взадъ—впередъ ходила въ большомъ залѣ, который примыкалъ къ кабинету: она качала ребенка, закутаннаго съ головкой въ кружевное одѣяло и что то въ полголоса напѣвала въ тактъ качанія. Человѣкъ во фракѣ и бѣломъ галстукѣ доложилъ о пріездѣ Бѣлоголоваго, сейчасъ же за нимъ вошелъ и самъ Прокофій Миняевичъ.

— Здравствуй Ваня! Иванъ Артемьевичъ бишь, Христось Воскресе!

Иванъ Артемьевичъ быстро вскочилъ съ кресла и порывисто обнялъ старика; они три раза горячо поцѣловались: Прокофій Миняевичъ положилъ на большой вычурный письменный столъ свой ватный картузь и черныя лайковыя, еще не надѣванные перчатки, которыя держалъ вмѣстѣ съ картузомъ.

— Что жъ это, братъ, загордился? продолжалъ садясь старикъ, — я ужъ думалъ не захворалъ ли ты, чего Боже сохрани.

— Не говорите, Прокофій Миняевичъ, жизни я не радъ, нынѣшній великій день.

— Что такъ? участливо и какимъ-то другимъ тономъ спросилъ Бѣлоголовый.

— Такъ... былъ отвѣтъ разбитымъ, надорваннымъ голо-
сомъ.

Старикъ вынулъ платокъ, отерся, повидимому, безъ вся-
кой нужды и взглянулъ на Ивана Артемьевича своими
большими, умными глазами.

— Да ты, полно, садись-ка, въ чемъ дѣло-то?

— Эхъ, Прокофій Миняевичъ, не перескажешь.

„Вонъ, видите, на рукахъ что носятъ, для нихъ только и
живу, а то кажется, лучше бы одинъ конецъ. Вотъ оно бо-
гатое-то приданое, Прокофій Миняевичъ...“

— Да ты, полно, что ты, Господь съ тобой, выговорилъ
Бѣлоголовый, уже какимъ то инымъ голосомъ.

Онъ всталъ и тихо подойдя, осторожно затворилъ дверь.

— У себя что-ль она? спросилъ онъ.

— У себя...

— Эко зелье!.. Да, что такое, въ чемъ дѣло-то, скажи
хоть мнѣ.

— Не перескажешь, говорю вамъ, не перескажешь...

— Эко, Господи Боже мой! Да какъ же горю-то? Какъ
помочь-то? Ты говори по обстоятельнѣе.

— Погодите немножко.

— Ну, погожу...

Старикъ сѣлъ и сталъ какъ-то машинально и тихо съ
промежутками барабанить по столу.

— Эхъ, Господи Боже мой! сказалъ онъ со вздохомъ..
Ужъ нѣтъ-то ничего хуже на свѣтѣ, какъ эта женатая жизнь,
да и не удастся! Жить что-ль здѣсь не хочеть? снова онъ
обратился къ Неведову.

— Не хочеть...

— Въ Москву, что ли?

— Въ Петербургъ, въ Павловскъ, на дачу.

— Когда же—теперь что-ли?

— Да, вотъ хоть сейчасъ, отдуху не даетъ, тащись съ
ней въ такіе великіе дни.

— Экъ ее прорвало!

Довольно еще долго послѣ этого энергическаго восклицанія
говорилъ Прокофій Миняевичъ съ Иваномъ Артемьевичемъ,
онъ разговаривалъ его, совѣтовалъ, избиралъ для

примѣренія свои практическія дороги, но ничего не помогало: супруга Ивана Артемьевича оставалась при своемъ рѣшеніи, ѣхать безотлагательно... Время же святой недѣли было для Ивана Артемьевича, какъ и для каждаго купца и фабриканта вдвойнѣ дорого: и какъ праздникъ, который онъ привыкъ проводить въ родномъ городѣ и какъ начало русскаго торговаго года: время повѣрки фабрики, счетовъ, обсужденія будущихъ работъ и т. п.; какъ человѣкъ съ слабымъ характеромъ, уже подпавшій подъ вліяніе жены, Иванъ Артемьевичъ всю недѣлю провелъ каторжнымъ образомъ: каждый день онъ имѣлъ сцену съ женою, которая угрожала ему бросить его и уѣхать одна, дѣловыя переговоры съ братомъ были также непріязненны; тотъ не разъ намекалъ ему о раздѣлѣ, о неравности труда, потомъ о непроизводительности женнина капитала, который еще, большею частію, оставался въ рукахъ его родственниковъ и который Варвара Ивановна не желала отдать въ распоряженія мужа, наконецъ сюда присоединилось недовольство собою и та внутренняя бессознательная разладица, которая путаешь, настроиваетъ все какимъ то чумнымъ чувствомъ и положительно мѣшаетъ видѣть дѣло въ его настоящемъ свѣтѣ. Наконецъ Иванъ Артемьевичъ не выдержалъ и послѣ двухъ трехъ дней серьезной ссоры съ Варварою Ивановною, въ которые та не выходила даже изъ своей комнаты, и не пускала его къ себѣ на глаза, онъ добился объясненія съ нею и между ними произошла трогательная сцена. Варвара Ивановна грозила ему скандаломъ, хотѣла скрыться, уѣхать и т. п. Ивана Артемьевича проняло до слезъ: суды и пересуды выросли въ его глазахъ въ какихъ то гигантовъ, мягкость его характера сдѣлала уступку и въ эту же недѣлю онъ, вмѣстѣ съ своею женою и еще очень маленькими дѣтьми, долженъ былъ, волею супруги, отправиться въ Москву.

— Эхъ братъ, Ваня, не выдержалъ ты характера, говорилъ ему на прощаньи Бѣлоголовый, смотри, держись — твоя жена такая баба, отъ которой не только состояніе, но голову потеряешь.

— Что же дѣлать, видно такова моя судьба, отвѣчалъ не

веселымъ голосомъ Иванъ Артемьевичъ — жена не сапогъ не снимешь.

ГЛАВА II.

Нефедовы пріѣхали въ Москву въ первыхъ числахъ апрѣля (Пасха была ранняя) и остановились въ домѣ дяди Варвары Ивановны — Матвея Ивановича Куракина. Куракины были одни изъ крупныхъ Московскихъ тузовъ и какъ и каждая, особенно купеческая фамилія, имѣли главу, которой въ этомъ домѣ былъ именно дядя ея — старикъ Матвей Ивановичъ; тузъ этотъ жилъ отдѣльно отъ другихъ членовъ своей фамиліи, домъ его стоялъ и до сихъ поръ стоитъ на одной изъ большихъ и для Москвы не глухихъ улицъ; домъ этотъ большихъ размѣровъ, двухъ-этажный по всѣмъ примѣтамъ выстроенъ бариномъ и какъ водится перешелъ въ послѣднее время въ купеческія руки: барскаго или барственнаго осталось въ немъ развѣ только двое дворотъ со львами, да чугунная рѣшетка, чрезъ которую онъ глядитъ на Божій свѣтъ или скорѣе на Московскую улицу; прочее все уже носить на себѣ слѣдъ практической, хозяйственной, купеческой руки: домъ по штукатуркѣ выкрашенъ масляной краской, дворъ чисто выметенъ и усыпанъ пескомъ, у воротъ сторожка, сараи какъ съ иглоки, даже собачья конура не нарушаетъ общей гармоніи — тоже покрашена подъ одинъ общій цвѣтъ и собака, ходячая ночью по канату, такая сытая и злая, такъ громко лаетъ, смотреть таково не ласково и не подступно, такъ что по всему, даже по этой мелочи видно, что въ домѣ живетъ тузъ.

Матвей Ивановичъ Куракинъ считалъ въ себѣ второе колѣно отъ своего низкаго происхожденія, но уже представлялъ въ себѣ совершеннѣйшее развитіе современнаго купеческаго туза и особенно нѣкоторыхъ извѣстныхъ сторонъ этого типа.

Матвей Ивановичъ былъ что называется патріотъ и считалъ все русское за самое совершенное; про стараго русскаго человѣка онъ рассказывалъ такіе чудеса, которыхъ мы, по его мнѣнію, вырождающееся поколѣніе (молокососы и мозгляки) не можемъ себѣ даже и представить: сгибанье одной рукой подковы, игра пудовикомъ какъ мячикомъ, расплющиваніе шелкомъ Егатерининскаго пяточка, была, по его словамъ, для старо-русскаго человѣка плевымъ дѣломъ, прежнее время графы и князья общились съ купцами, (это вѣроятно на основаніи того, что по рядамъ въ одно время ходилъ полупомѣшанный графъ, вѣроятнѣе всего за подавнїемъ) водили съ ними хлѣбъ и соль, торговля шла широко, въ людяхъ было больше правды, женщины были все такія сносныя да здоровыя, хоть въ иную пору побей наканунѣ родовъ и то какъ съ гуся вода, боялись больше Бога, крѣпко стояли за правду, однимъ словомъ, и по этому уже видно, что Матвей Ивановичъ былъ человѣкъ прежняго времени, но въ немъ было не мало и такого, что невольно обращало на него вниманіе и въ настоящее прогрессивное время: съ измала онъ любилъ правду и былъ человѣкъ прямого, твердаго характера; правда, прямизна, твердость, обходя его приверженность къ старинѣ, и то, что въ послѣднее время назвали *самодѣятельностію*, свѣтилась и была въ немъ въ каждомъ словѣ; въ обществѣ такъ называемомъ Московскомъ, купеческомъ, по выборамъ и службѣ онъ не игралъ особенной роли, не лѣзъ въ головы, ни въ первоприсутствующіе Сиротскаго Суда — однимъ словомъ не старался, какъ это говорится, выдвинуться по службѣ, надѣтъ на шею медаль или крестъ, получить благодарность и благоволеніе; всего этого разумѣется онъ могъ бы добиться, но всѣхъ почестей онъ былъ чуждъ и совершенно къ нимъ равнодушенъ. Отъ всѣхъ засѣданій и совѣщаній, подачи голоса онъ хоронился подъ сѣнію какого-то учебнаго заведенія въ которомъ состоялъ членомъ и когда его упрекали за равнодушіе къ общественному дѣлу, онъ прямо и открыто отвѣчалъ: — „Чего вы попрекаете меня, чего пристаєте ко мнѣ, гдѣ у насъ служить-то можно, какъ должно: одна гордость вездѣ, спѣсь одна; до хоро-

шаго времени мнѣ видно не дожить, а въ настоящее время ничего не сдѣлаешь и служить-то не съ кѣмъ, встарь хоть крутенько бывало, да за то и дубы росли, вотъ хотя бы Андрей Петровичъ Шестовъ... Вся эта прямизна и оригинальность, какъ нельзя быть лучше гармонировали съ фигурой Матвея Ивановича — небольшой, сухой, своеобразной, соединявшей въ себѣ и чисто-русскій типъ и его позднѣйшее отклоненіе.

При подобныхъ рѣчахъ старикъ попадалъ на свой любимый конекъ, съ котораго онъ не скоро слѣзалъ, не смотря на ограниченность своихъ характеристическихъ чертъ, онъ все-таки былъ замѣтнымъ тузомъ, и кругомъ его многое группировалось. Капиталь у него, былъ какъ говорятъ, въ этомъ обществѣ, здоровенный, домъ большущій, до дюжины жирныхъ лошадей стояло въ конюшнѣ, въ торжественные дни и именины онъ задавалъ жирные обѣды, на легкихъ закускахъ онъ выставлялъ кулебяки съ лососиной и съ отборной зернистой икрой, стерлядей, лещей, окорока; поилъ при этомъ на убой, а это уже, какъ извѣстно, достаточно для того, чтобы составить общество и кругомъ его дѣйствительно составилось своего рода общество. Общество это было не мелкое: вопервыхъ бывалъ и губернаторъ и другія власти, во вторыхъ родня, въ третьихъ по торговымъ связямъ и отношеніямъ, иногородное купечество, въ четвертыхъ духовенство. Общество пестрое, разнохарактерное, — оно соединялось только тѣми лицами, которыхъ мы зовемъ тузами; тузы въ немъ стояли, какъ столбы, и каждый изъ нихъ, въ тоже время, имѣлъ свое общество.

Изъ отдѣльныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ исключительныхъ личностей, примыгавшихъ къ этому обществу, а также собиравшихъ около себя и свое собственное, свой кругъ, былъ свать Курагина — Федоръ Васильевичъ Жемчужниковъ. Москва издавна была знакома съ этой фамиліей, ее знавали и далеко за Москвою въ окрестныхъ селахъ, деревняхъ, по губернскимъ и уѣзднымъ городамъ, особенно на сѣверѣ, гдѣ Жемчужниковъ имѣлъ по преимуществу свои торговыя дѣла и связи. Домъ Федора Васильевича Жемчужникова былъ далеко не такъ великъ и гранді-

озень, какъ Курагинскій—это былъ старинный и тоже барскій домъ, перешедшій въ купеческія руки, онъ стоялъ во дворѣ, будто немножко вросши въ землю, какъ растутъ въ нее, по словамъ нашихъ стариковъ, старые люди; кругомъ его со всѣхъ сторонъ шумѣлъ большой, густой садъ, который зналъ Москву много прежде старика—дома; по бокамъ лѣпились небольшіе каменные флигеля; на каменныхъ съ желѣзными растворами стараго фасона воротахъ едва можно было разобрать смытую дождями надпись „Жемчужниково-й купчихи“ (хотя хозяинъ дома давно уже былъ вдовъ), львовъ на нихъ не было: ихъ вѣроятно велѣлъ снять миролюбивый старикъ, нетерпѣвшій ничего кроваваго и съ особенной нѣгой ласкавшій стараго посѣдѣвшаго кота, которые особенно долго живутъ въ нашихъ купеческихъ домахъ и даже имѣютъ тамъ свой особенный характеръ. Федору Васильевичу въ сороковыхъ годахъ было лѣтъ подпятьдесятъ, онъ былъ средняго роста, почти уже съ сѣдою и лысѣвшею головою, бороды не носилъ съ измалолѣтства, не отпускалъ ее и подъ старость, что не мало рекомендовало его живую не лѣнливую натуру и склонность къ чистотѣ и опрятности, но не смотря на это,—на непокорность все болѣе и болѣе входящей моды ношенія бороды, Федоръ Васильевичъ, во всемъ существѣ своемъ, былъ безъ примѣси русскимъ: до самой глубокой старости онъ сохранилъ въ себѣ ту чистоту и свѣтлость могучей русской души, которая свѣтилась въ немъ и въ его лицѣ, слышалось въ его словахъ, смѣялось вмѣстѣ съ его добродушнымъ смѣхомъ и невольно располагало и привязывало къ нему всѣхъ и каждаго, кто имѣлъ способность узнавать и разгадывать простаго русскаго человѣка, въ его не рѣдко диковатыхъ выходкахъ. Старикъ былъ женатъ три раза и нѣсколько лѣтъ уже вдовѣлъ, объ этихъ женитьбахъ его рассказывалось не мало преданій: первая жена его была дѣвушка очень не богатая, которую онъ взялъ, какъ говорится за красоту, въ то время онъ еще не былъ тузомъ а владѣлъ небольшимъ состоянцемъ, дѣятельно работалъ, торговалъ, хлопоталъ, наживалъ, ѣздилъ вмѣстѣ съ женою по ярмаркамъ и былъ повидимому такъ счастливъ, что и подъ

старость не могъ вспомнить этого времени безъ слезъ; третья жена была напротивъ изъ дома богатаго и принесла ему довольство, которое въ его кипучихъ рукахъ выросло до богатства. Большая семья сформировалась отъ этихъ двухъ женитьбъ кругомъ нашего нестарѣвшаго душою старика: выросло въ подмогу и подпору три сына, а на радость и утѣшеніе, какъ говорится, три дочери, двое изъ сыновей были уже женаты; Ѳедоръ Васильевичъ уже давно былъ дѣдушкой. Старикъ владѣлъ здоровой сильной натурой: она выдержала всѣ трудности его прежней кочевой жизни и передала и дѣтямъ могучее здоровье; вся же талантливость и даровитость старика вылилась по преимуществу на двоихъ сыновьяхъ и на одной дочери... Но не все свѣтлые годы были для старика Жемчужникова, было для него также крутое и очень крутое время жизни, и большею частію, какъ и для всѣхъ въ русскомъ обществѣ, по семейнымъ дѣламъ и по тѣмъ отношеніямъ, которыя слывуть у насъ за общественныя. Самую крутую ломку выдержалъ старикъ вслѣдствіе своего втораго брака: первая жена его, была, какъ мы сказали дѣвушка не богатая, не богатъ былъ въ то время и онъ; первую молодость лѣтъ до тридцати онъ много натерпѣлся нужды, — торговалъ въ небольшой, холодной лавкѣ, на такъ называемомъ „глаголъ“ на Ильинкѣ, жилъ въ дальнемъ предмѣстьѣ, близъ Преображенскаго, измѣрялъ это пространство на своемъ двоємъ, нерѣдко таскалъ съ собою кулекъ съ провизіей и разными домашними припасами, которыя и до сихъ поръ, почему-то дешелѣ въ центрѣ города, нежели на концахъ его; подѣ часъ было и холодно и голодно, но болѣе всего страдало самолюбіе, страдала та прирожденная внутренняя гордость, которая многимъ изъ насъ и до сихъ поръ мѣшаетъ выбратъся въ такъ называемые люди; да кромѣ того, къ этому присоединялись назойливыя, надоедныя, хотя и нелѣпыя отношенія къ богатой роднѣ, которыя особенно уродливы въ купеческомъ обществѣ, и которыя понемногу, часъ за часомъ, минута за минутой вытягиваютъ и сушатъ здоровыя соки, особенно съ присоединеніемъ всѣхъ предестей обстановки старой русской жизни. На женѣ его, его милой Машѣ, жен-

щинѣ съ большимъ характеромъ и чуткою, женскою душою, которая многое изъ непередаваемаго угадывала по лицу мужа, по его раздумью, что безъ словъ и разказовъ ложилось на нее тяжелѣе и впечатлительнѣе; она не вынесла: стала мало по малу таить, скрывать отъ своего мужа болѣзнь, чтобы не тратиться на лѣченье; болѣзнь обнаружилась уже тогда, когда не было возможности поправить, и вскорѣ Федоръ Васильевичъ схоронилъ своего искренняго друга, послѣ котораго остался сынъ Дмитрій и дочь Ольга. Оставшись одинъ, онъ сталъ еще сильнѣе работать, работать, какъ онъ рассказывалъ, отъ скуки — другаго нечего было дѣлать, не чѣмъ было заняться, не чѣмъ угомонить дѣятельную натуру; торговое дѣло въ старое время было дѣло благодарное, умѣй его только вести.

— Не все мошенничество, нѣтъ, батюшка, рассказывалъ нерѣдко старикъ, разумѣется безъ сноровки въ нашемъ дѣлѣ нельзя, примѣриваться слѣдуетъ, надо себя умѣть поставить, а не то чтобы чтонибудь такое, нынѣшніе молодые люди про насъ стариковъ говорятъ много темнаго: будто всѣ-то мы мошенники, всѣ-то нажили состояніе неправдою, это я вамъ скажу напрасно!... Кто говоритъ, много теперешнихъ капиталовъ сгубило челоуѣческихъ душъ, но я благодарю моего Создателя, чувствую себя покойнымъ и умру безъ страха. Буди Его святая воля!

И дѣйствительно, за Федоромъ Васильевичемъ не было особенныхъ грѣховъ: грѣшенъ и слабъ яко челоуѣкъ, говорилъ онъ нерѣдко. И этому-то челоуѣку, съ такимъ миролюбивымъ характеромъ пришлось породниться съ однимъ купцомъ значительнаго состоянія, но совершенно другаго типа, нежели онъ. Дементій Петровичъ Пѣтуховъ, уже сошедшій со сцены Московскаго торговаго дѣла слылъ даже и въ своемъ обществѣ за челоуѣка сварливаго и заносчиваго. Онъ просто на просто года въ два три убилъ и истиранилъ свою жену (хотя это нравственное убійство и не наказывается даже мнѣніемъ нашего общества: много изъ такихъ людей и до сихъ поръ слывуть за добрыхъ, прекрасныхъ, хорошихъ и полезныхъ людей) и остался съ сиротой, малолѣтней дочерью; о женитьбѣ онъ даже не думалъ: вѣроятно ему

было совѣстно, оставшись вдовцомъ онъ повелъ такую жизнь, что дочь его осталась безъ всякаго призора, не говоря уже о воспитаніи; въ его каменныхъ палатахъ она имѣла едва что либо, чтобъ одѣться, часто ѣла людскія щи и кашу, между тѣмъ какъ ея любезный батюшка прообѣдывалъ и пропивалъ иногда не одну сотню и протранжировалъ вдвое болѣе того, съ характерно-названными русскимъ народомъ *непотребными женщинами*. . . Дочери этого звѣря — чело-вѣка, которыхъ опять-таки и не мало и теперь въ нашемъ и особенно купеческомъ обществѣ, было уже семнадцать лѣтъ, когда добрые люди обратили на нее вниманіе Ѳедора Васильевича. Положеніе ея было дѣйствительно, и безъ всякаго преувеличенія, ужасно: къ прежней запущенности присоединилось отвращеніе къ разврату, который ввелъ въ домъ ея отецъ; нерѣдко ей приходилось пить чаемъ, подчивать десертомъ грязныхъ, развратныхъ женщинъ, нерѣдко сносить брань и даже побои отъ пьянаго отца; Ѳедоръ Васильевичъ имѣя кой-какія дѣлишки съ Пѣтуховымъ, зналъ все это, хотя и чужой чело-вѣкъ, но жалѣлъ дѣвушку въ ея дѣйствительно безотрадномъ положеніи.

— Скорбѣлъ я, батюшка, скорбѣлъ въ ту пору о ней, рассказывалъ онъ не разъ потомъ. Одинъ изъ родственниковъ этой, крайне бѣдной, въ своемъ богатствѣ дѣвушки, какъ то въ дружеской бесѣдѣ, за неизмѣнными въ этомъ обществѣ тремя парами чая, указалъ ему на ея.

— Что тебѣ Ѳедоръ, ты вдовый, у тебя дѣти, чело-вѣкъ ты добрый, у ней не мало материнскаго, какъ-нибудь вытеремъ — женись, сдѣлаешь добро дѣло, ты на него рожденъ.

И Ѳедоръ Васильевичъ, немного думая, женился. . . .

Третья жена ввела его въ общество Московскихъ тузовъ: средній сынъ его былъ женатъ на дочери Куракина.

Пріѣздъ Нефедовыхъ и слухъ о перемѣщеніи ихъ на постоянное жительство въ Москву, а можетъ быть и въ Петербургъ, былъ очень разнообразно принятъ въ домъ Куракина и Жемчужникова — вообще въ обществѣ Московскихъ тузовъ. Это было въ началѣ сороковыхъ годовъ; купеческое

общество около этого времени жило исключительно и своеобразно, но большею частью патриархально, дома жизнь шла скутанно, замкнуто со всевозможными приличіями, на сторонѣ и только исключительно для мужчинъ свободно, чувственно, грязно, подъ прикрытіемъ, подъ маскою. Домъ Куракина принадлежалъ къ дѣйствительно патриархальнымъ домамъ Жемчужниковъ былъ чистъ — какъ голубь; у старика Куракина была еще жива старуха, старшій сынъ Матвей Андреевичъ былъ уже женатъ, внуки Ивана Андреевича были малолѣтки, проказить было не кому, жилось покойно. Жемчужниковъ умѣлъ безъ особеннаго деспотизма соединять и держать всю семью около себя, предоставляя во многомъ дѣйствительную свободу....

— Ну, здорово, племянница, встрѣтилъ дядя Варвару Ивановну, Московской святынѣ пріѣхала что ли поклониться?

— Точно такъ, дядюшка, отвѣчала Варвара Ивановна хотя у ней было совсѣмъ другое на умѣ.

Встрѣча, устроенная Нефедовымъ, имѣла вообще свой собственный характеръ: старикъ, кромѣ того, что слылъ патриотомъ, былъ большой церковникъ и строго держался уставовъ православной церкви, онъ былъ мастеръ придумывать даже свои уставы: первымъ дѣломъ его по пріѣздѣ было собрать всю семью и отслужить молебенъ „о благополучномъ окончаніи путешествія“. Нефедовы пріѣхали утромъ, а на другой день послѣ ранней обѣдни былъ уже молебенъ, старикъ былъ старостою и бывалъ въ церкви не въ одни воскресенья и праздники. Это на первыхъ же порахъ потревожило Варвару Ивановну: ей пришлось встать слишкомъ рано и быть даже за обѣдней, этого непременно требовалъ дядя.

— Безъ обѣдни молебенъ ничего не значитъ, замѣтилъ онъ ей на высказанное желаніе быть только за молебномъ.

— Ну, такъ дядюшка, лучше послѣ, право я устала, какънибудь на недѣлѣ.

— Полно-ка, полно... что за барскія затѣи, живи-ка, по по нашему, по просту, по купечески.

Замѣчательно, что старикъ относился и говорилъ только

съ Варварой Ивановной, Ивана же Артемьевича онъ какъ будто и въ грошъ не ставилъ, и на самомъ дѣлѣ, имѣлъ о немъ не совсѣмъ выгодное мнѣніе.

— Если ужъ съ женою, съ молодою бабою не можетъ совладѣть, что ужъ тотъ за человекъ — такъ, колпакъ какой-то!

И дѣйствительно Иванъ Артемьевичъ былъ просто жалокъ въ этомъ крупномъ Московскомъ обществѣ: хотя фамилія его была и извѣстная, но лично знакомыхъ было у него вообще немного; новыя знакомства онъ дѣлалъ круто, неохотно, считая себя выше другихъ, какъ-то не сходясь съ Московскимъ купечествомъ и за управленіемъ старшаго брата всѣмъ дѣломъ, мало зная его — какъ говорится по купчески, и по дѣлу. Дѣла у него никакого не было, на первое время — двѣ три недѣли послѣ Святой, дѣла вообще бывають тихи или даже ихъ почти совсѣмъ не бываетъ. На первыхъ же порахъ онъ началъ скучать и иногда читалъ что попадетъ безъ разбору.

Въ честь ихъ пріѣзда старикъ Куракинъ въ одно изъ первыхъ же воскресеній устроилъ обѣдъ, на которой были приглашены большая часть его богатой родни и знакомыхъ. Обѣдъ собралъ многочисленное общество, это было именно Московское купеческое общество тридцатыхъ—сороковыхъ годовъ, и каждый человекъ получалъ въ немъ значеніе болѣе по своему занятію, капиталу, нежели по личности: чайный торговецъ такъ и глядѣлъ чайнымъ торговцемъ, разговоръ между этими лицами только и шелъ что про чай, тогда часто еще слышалось имя мѣстечка Кяхты, обогатившей этотъ классъ; имѣло полное значеніе, особое званіе Кяхтинскаго комиссіонера, Кяхтинскаго довѣреннаго, начинающаго теперь терять свое значеніе; бумаго-прядильни, только что начинали входить въ силу и крѣпостной трудъ, на который бары жили барами, обогащаль такъ-же и смѣтливыхъ купцовъ: посессионныя фабрики, приписка рабочихъ къ мѣстамъ и къ фабрикамъ была въ полной силѣ; много народу выходило тогда въ люди изъ Гуслиць, изъ небольшихъ уѣздныхъ городовъ, изъ заштатныхъ мѣстечекъ, изъ посадовъ, даже изъ селъ: три господствовавшія монополіи—вин-

ная, чайная и бумагопрядильная, требовавшіе или капитала или изворотливости; твердость воли, смѣлливость, щедро обогащали смѣльчаковъ, шедшихъ къ цѣли иногда не разбирая средствъ. Куракинъ стоялъ въ то время въ главѣ сильныхъ чайныхъ торговцевъ и уже подумывалъ о заведеніи бумагопрядильни; общество собравшееся у него было, такимъ образомъ, по преимуществу общество чайныхъ торговцевъ и бумагопрядильщиковъ; откупами купцы занимались мало и принявшійся за это дѣло (за эту часть) какъ-то незамѣтно отходилъ изъ купеческаго общества и звался уже прямо откупщикомъ.

Общество собралось довольно быстро, одинъ за другимъ, кромѣ Московскихъ было приглашено, два три городскихъ туза, бывшіе въ то время въ Москвѣ, по дѣламъ. Почетное мѣсто изъ наличныхъ гостей, кромѣ отца благочиннаго съ наперстнымъ крестомъ, занималъ Николай Васильевичъ Ушатовъ, небольшого роста, уже почти сѣдой, остриженный въ скобку старикъ, съ завитками природныхъ кудрей—лицо очень симпатичное, открытое, добродушное, съ большими сѣрыми глазами, въ бѣломъ галстукѣ, длинномъ, чернаго, тонкаго сукна сюртукѣ, съ двумя медалями и съ Аннинскимъ крестомъ въ петлицѣ. Ушатовъ имѣлъ въ Москвѣ въ то время своего рода популярность: про его образъ дѣйствія, въ веденіи своихъ торговыхъ дѣлъ, ходило не мало повѣрій, рассказовъ и анекдотовъ — многіе еще помнили его не хитрымъ мужикомъ небольшой деревушки одного изъ Московскихъ уѣздовъ, а въ сороковыхъ годахъ онъ былъ уже значительнымъ капиталистомъ и дѣло его слыло и было однимъ изъ блестящихъ въ Москвѣ... Методъ обогащенія его былъ особенный, исключительный: вывелъ его въ люди и обогатилъ свой же братъ—мужичегъ, потомъ небольшой торговецъ, потомъ разбросанный, во всю ширину Россіи, особенно ея сѣвера, главный двигатель нашего торговаго дѣла — иногородный купецъ. Николай Васильевичъ, вышедшій самъ изъ народа и знавшій его близко, тонко, въ первое же время начала своихъ удачныхъ оборотовъ роздалъ многимъ изъ своихъ земляковъ и знакомыхъ свой товаръ по извѣстной цѣнѣ и на извѣстный кредитъ,

зорко слѣдя за ходомъ дѣла, онъ такимъ образомъ, мало по малу расширяя дѣло, завербовывалъ себѣ все большее и большее количество довѣренныхъ, скупалъ холстъ, нитки и прочія произведенія сѣвера, переправлялъ ихъ въ Украйну, мѣнялъ ихъ тамъ на шерсть или покупалъ на вырученные деньги цѣлыя гурты скота, прогонялъ его въ Москву и пользовался весьма значительными выгодами. Главнымъ же товаромъ его былъ все-таки — чай. Дѣло его расширилось при добросовѣстности, получало все большую и большую извѣстность и составило ему и имя и состояніе.

Въ началѣ обѣда зашла рѣчь о началѣ еще одного изъ его предприятий.

— Ну, что, Николай Васильевичъ, обратился къ нему Куракинъ, какъ ваша артель?...

— Ничего, сударь, идетъ по маленьку...

— Слышно, что ваши рабочіе примѣрные люди и такъ работаютъ, какъ и ни у кого.

— Для чужь имъ не работать-то, Матвѣй Иванычъ, для себя, вѣдь, сударь, работаютъ, для себя—кто больше сдѣлалъ, да поскорѣе, тотъ больше и выигралъ.

— Знамо дѣло, надо только знать, какъ взяться за нашего рабочаго, какъ его пріохотить къ дѣлу—онъ сдѣлать мастеръ и сдѣлаетъ скоро.

— Еще бы не мастеръ, еще бы не скоро!.. Артель, сударь, Матвей Ивановичъ, не наше, а ихъ собственное изобрѣтеніе, артель у насъ во всякой деревнѣ, на каждой баркѣ—я про тѣ ужъ и не говорю, а веду рѣчь про крупныя артели—про волжскихъ бурлаковъ, на примѣръ, тѣ всю жизнь такъ и изживаютъ артельно.

— Артельно?

— Ну, да, какже, чай видалъ подь Нижнимъ?..

— Ну, да, подь Нижнимъ, это во время ярмарки, а допрежь, а зиму какъ-же?

— И зиму также—цѣлыя деревни бурлацкія есть.

— Цѣлыя деревни... такъ и живутъ артельно?..

— Такъ и живутъ....

Разговоръ этотъ слушали внимательно еще три брата Рубцовы, бумагопрядильщики, начинавшіе входить въ

большую силу; всё они держались старой вѣры и были родомъ изъ Гуслиць.

— Да, старообрядчество и артель у насъ очень важное дѣло, а особенно въ отношеніи коммерціи — продолжалъ Ушатовъ, — онъ всегда вмѣсто торговли употреблялъ слово—коммерція.

— Да, вѣдь бурлаки-то почти всё старообрядцы, промолвилъ одинъ изъ братьевъ Рубцовыхъ.

— То-то вотъ я и говорю, что одно изъ другаго и идетъ, а впрочемъ и въ нашемъ сословіи артель также хорошо прививается.

Разговоръ этотъ происходилъ еще за закуской, которая состояла изъ всего, что только можно было отыскать въ то время отборнаго и рѣдкостнаго: икра бѣлужья, крупная, балыки янтарями, сига копченая, сельди королевскія, заливной языкъ, печенка въ сметанѣ, рѣдька, свѣжіе огурцы, вина не дешевле четырехъ — пяти рублей за бутылку, малороссійская водка, все это смотрѣло такъ аппетитно, что хотя предваряло роскошный обѣдъ, но по неволѣ съѣдлось въ огромныхъ размѣрахъ.

Пріѣхалъ еще одинъ провинціалъ — купецъ Иванъ Петровичъ Зыковъ, бывшій проѣздомъ въ Москвѣ, всё приняли его съ особеннымъ почетомъ. Про эту личность, въ купеческомъ обществѣ, рассказывали весьма много хорошаго: называли его благотворителемъ своего роднаго города — благодѣтелемъ.

— Слышали, батюшка Матвей Ивановичъ, какъ Иванъ-то Петровичъ свою родину обставляетъ: завелъ, сударь ты мой, большущій кожаный заводъ, далъ работу всему бѣдному классу; съ средними торговцами, угнетаемыми прочими капиталистами вошелъ въ самыя миролюбивыя отношенія: многимъ надежнымъ пооткрывалъ кредитъ — у кого крестилъ, у кого отцомъ посаженнымъ, понабралъ прикащиковъ изъ своихъ родичей, торгуетъ почесь на всѣхъ ярмаркахъ — города-то и не узнаешь; пообстроился такъ, что на — поди! завелъ больницу и къ довершенію всего хочетъ просить разрѣшенія соборъ строить... во имя своего ангела

Иоанна Крестителя, и такой говорить хоръ пѣвчихъ заведу, что здѣшнимъ синодальнымъ не уступать.

— Ишь ты... вотъ оно дѣло-то.

Съ особеннымъ уваженіемъ принять былъ хозяиномъ почетный гость и даже шопотъ: Зыковъ, Зыковъ... пробѣжалъ все собраніе.

Это былъ брюнетъ высокаго роста съ большими черными глазами и съ бородой, уже пересыпанной серебромъ, съ просѣдью, съ худымъ, добрымъ, очень энергичнымъ и какъ-то необыкновенно свѣтлымъ, но будто, вмѣстѣ съ этимъ, нѣсколько плутоватымъ лицомъ.

Иванъ Артемьевичъ съ любопытствомъ разсматривалъ эту личность, онъ уже не сомнѣвался въ правдивости слышанныхъ имъ словъ — такъ внушительна и свѣтла показалась она ему.

— Вотъ это такъ, вотъ это человѣкъ! подумалъ онъ, потомъ даже передалъ кому-то, чтожъ, дескать, послѣ его наши губернаторы-то!

— Что ты, что ты, послышалось ему въ толпѣ, какъ это можно такъ говорить!

— Я вѣдь не огуломъ!.. оправдался Иванъ Артемьевичъ..

За обѣдомъ зашла рѣчь о состояніи нашихъ губернскихъ и уѣздныхъ городовъ, вопросы подымались и становились многими лицами: старикъ Куракинъ судилъ о нихъ по ходу своей торговли въ той или другой мѣстности: тотъ городъ по его мнѣнію падалъ, другой подымался, глядя по тому уменьшалось изъ него или увеличивалось требованіе на его товаръ... Вотъ Тверь, Молога, Старица растутъ говорилъ онъ, а многіе и изъ той полосы падаютъ.

— Ну, этого ты не говори возразилъ ему Иванъ Петровичъ, съ замѣтнымъ выговоромъ — на о, по одному товару трудно судить, ну, а по вашему и еще труднѣй: что чай, что водка, только портитъ народъ и ваша трава еще не всякому нужна. Надо, сударь, принять въ расчетъ другой товаръ, — вотъ хоть бы ситець, сукнецо — это пожалуй пообъяснить тебѣ богатѣеть, иль бѣднѣеть городъ.

— Ну, а что Иванъ Петровичъ скажите вы касательно Осташкова? спросилъ Зыкова — Ушатовъ.

— Ничего не скажу, отвѣчалъ — тотъ.

— Что такъ?

— Такъ... Можетъ не смыслю, и онъ добродушно улыбнулся.

Кулебяка съ зернистою икрою обошла столъ.

— Есть тоже и изъ нашего брата народецъ продолжалъ Зыковъ, не по человѣчески совѣмъ поступаютъ, да и не по Божью.

— А какъ же? спросилъ Матвей Ивановичъ.

— Да, ужь Богъ ихъ вѣсть какъ, только не хорошо! продолжалъ Иванъ Петровичъ: вотъ какъ-то разъ проѣзжалъ я Курскомъ, остановился по дѣлу въ одномъ уѣздномъ городкѣ, неподалеку отъ рядовъ и покамѣсть не отворяли еще присутственныхъ мѣсть, пошелъ бродить по рынку. Былъ базарный день, часъ эдакъ шестой въ началѣ, я изъ любопытства и отправился на рынокъ — воза съ тѣмъ, съ другимъ, народу еще мало, началъ я тоже изъ любопытства приторговываться; натыкаюсь чаще всего на отвѣтъ: или продано, или Степанъ Кондратьевичъ купилъ. Взяло меня любопытство: кто это такой Степанъ Кондратьевичъ, и много ли онъ всего накупилъ. Какъ только услышу продано, спрашиваю кто купилъ? Степанъ Кондратьевичъ. Ладно. Насчиталъ я, такимъ образомъ, что большая часть рынка куплена Степаномъ Кондратьевичемъ. Кто такой Степанъ Кондратьевичъ? спрашиваю у мужиковъ... Степанъ Кондратьевичъ-то, да ты должно быть не здѣшній? не здѣшній, говорю, ребята... Это видно, а то какъ бы не знать Степана Кондратьевича. Да кто онъ — баринъ, купецъ, фабрикантъ? Баринъ не баринъ, а такой купецъ, что и барину не уступить: у него всего много и заводовъ и фабрикъ — да вонъ посмотри на него, вонъ онъ и самъ ходитъ... Я оглядѣлся и увидалъ низенькаго, сторбившагося старика, который ходилъ отъ воза къ возу и по большей части бранился съ мужиками...

— Бранился, ну такъ это понятное дѣло, что за птица! вставилъ Ушатовъ.

— Да-съ .. точно такъ-съ, птица извѣстная!.. Такъ изволите видѣть, продолжалъ Зыковъ, бравится, ругается на

пропалую... Что-жь, не отдаешь что-ли борода, слышь ты, медвѣдь архангельскій, не отдаешь что-ли, какъ даю?

— Да нельзя, батюшка, Степанъ Кондратьевичъ, никакъ, кормилецъ, нельзя, повѣрь ты Господу Богу, своихъ не выручу по твоей цѣнѣ! Ну, да ладно, ладно, останешься какънибудь на рынкѣ, аль въ нуждѣ очутишься—издохнешь, ни копѣйки не помогу, задаромъ будешь отдавать, не возьму. Мужикъ задумывается, чешетъ затылокъ.

— Эка, напасть, ахъ ты Господи, экая напасть ворчить. Степанъ Кондратьевичъ нагналъ страхъ на него, мужикъ уже боится покупателя и не знаетъ какъ и быть съ этимъ дѣломъ. Грозою, сударь ты мой, грозою ходитъ Степанъ Кондратьевичъ по рынку, всякій боится какъ бы не наложилъ онъ на него свою руку, а наложить такъ бѣда.

— Скажите же пожалуйста, можетъ быть не безъ зависти спрашивали Зыковы, какъ же теперь смотрять на это торговцы, граждане?

— Что же торговцы? въ уѣздномъ городѣ торговецъ противъ единственнаго въ цѣломъ городѣ богача не разговорится, рѣдкій изъ нихъ у него не въ долгу, какъ въ шелку, а средніе люди, говорятъ, подавали было на него прошеніе въ Думу, да голова-то оказался едва-ль не сыномъ Степана Кондратьевича, такъ что-жь тутъ подѣлаешь; говорятъ, что чуть не со свѣту ежили и писца-то, что прошеніе писалъ.

— Ну, и что-жь, Иванъ Петровичъ? спросилъ Ушатовъ. — Что, батюшка, Николай Васильевичъ, живетъ по сію пору Степанъ Кондратьевичъ, скупаютъ все въ полцѣны, продаетъ все въ тридорога, и ходя по базару и подкову и гвоздь все собираетъ, заваливаетъ сундуки деньгами, а комнаты всякою дрянью, и много ихъ такихъ-то.

Обѣдъ былъ на славу, уха изъ стерледей, кулебяка съ зернистой игрой, заливная дичь, потомъ разварные осетры, спаржа, жаркое — фазаны, мороженаго нѣсколько сортовъ и все это было спрыснуто пяти рублевой мадерой въ кубышкахъ, рейнвеномъ заграничной разливки и шампанскимъ.

Обѣды играютъ значительную роль въ этомъ обществѣ, образовался особенный, такъ сказать, купеческій вкусъ, съ

которымъ приготовляются эти обѣды; въ Москвѣ въ особомъ цѣхѣ кондитеровъ, главнѣйшую часть промысла которыхъ составляетъ приготовленіе бѣдовъ, ужиновъ, справленіе именинъ, свадебъ, похоронъ и т. п., многіе лица нажили себѣ состояніе именно приноровленіемъ блюдъ и ихъ приготовленіемъ, къ купеческому вкусу — цѣхъ этотъ положительно жилъ и живетъ и держится только купечествомъ, потому что въ то время господа имѣли свои кухни, а прочія классы не имѣли и понятія ни о какой кухнѣ, кромѣ своей домашней. Дороговизна стола, рѣдкая рыба, уха изъ аршинныхъ стерлядей, трехъ-аршинные осетры, крѣпкія дорогія вина и не рѣдко, вмѣстѣ съ этимъ, обильная выпивка, преимущественно шампанскаго, составляютъ обыкновенную принадлежность этихъ обѣдовъ.

Иванъ Артемьевичъ чувствовалъ себя почему то выше всего, что было тогда передъ нимъ; глубоко запали въ душу его — только черты Ивана Петровича и складъ ума Ушатова, да нравилось лицо Жемчужникова, онъ робко и не рѣшительно сознавалъ, что будто и у него найдется способность къ подобной дѣятельности, остальное все, что было кругомъ его, было почему-то чуждо ему. Въ то время многіе изъ настоящихъ тузовъ-капиталистовъ, только что становились на ноги, дѣла шли своеобразно; въ каждомъ словѣ, въ каждомъ приѣмѣ сквозила задняя мысль: очутившись въ особыхъ обстоятельствахъ, купечество наше, въ то темное время, прибрѣтало тѣ особенности, отъ которыхъ, нѣкоторою своею частію, оно старается теперь избавиться, но которыя составляютъ главную его характеристику. Въ домѣ Куракина съѣзжались всѣ дѣльцы, всѣ крупные люди того времени. Въ Москвѣ многими дѣлами орудовалъ около этого времени тотъ достославный дѣятель, гражданскіе подвиги котораго дѣлають его для нашего времени какимъ-то баснословнымъ мифомъ. Тузы чуяли въ немъ грядущую грозу, но нѣкоторые посмѣтливѣе, ближе понимали въ чемъ дѣло и старались сблизиться съ людьми окружающими его и прибрѣсть дружбу людей, которые становились къ нему въ недалекомъ разстояніи, будь это даже лакей — они понимали, что изъ этой грозы

есть возможность устроить ведро, и дѣйствительно не мало народу изъ ничтожества, изъ щелей, съ его помощью, полѣзло въ видныя люди. Кяхта, Кавказъ и Москва были тогда главными средоточіями темнаго дѣла; Нижній, во время ярмарки, представлялъ такое зрѣлище, о которомъ теперь, почти также, какъ о временахъ Разина, доносится, неопредѣленный, обдающій насъ ужасомъ, гулъ. Нѣсколько чертъ, которыя мы приведемъ въ послѣдствіи, могутъ служить лучшимъ матеріаломъ для фізіономіи этого общества того времени. Гуслицы съ доморощенными станками для фальшивыхъ ассигнацій и съ выростающими съ помощью ихъ бумагопрядильнями, Нащелково и Хомутово съ талантливымъ крестьяниномъ Кондрашомъ, поставлявшимъ свои шелковые матеріи прямо во дворецъ, Дмитровскій уѣздъ и близкіе окрестности Москвы, Преображенское съ общиною безоповцевъ—Ковыленцевъ, Дѣвичье поле съ достославнымъ садомъ близъ монастыря и еще болѣе достославнымъ подземнымъ подпольемъ, гдѣ мастерилъ незабытый и въ наше время Кирилушко, и наконецъ Таганка и Рогожская съ недалнымъ богатымъ кладбищемъ—поповцевъ и патриархальное Замоскворѣчье, во многихъ частяхъ своихъ были главными пунктами, гдѣ какъ на наковальнѣ, скоро и скоро ковались русскіе купеческіе капиталы. Купеческіе дома въ центрахъ города по сю сторону рѣки можно уже было считать какъ бы аристократическими и чуждыми главныхъ темныхъ пятенъ русскаго торговаго дѣла — таковъ былъ и домъ Куракина, который воевалъ свое золото и въ Москвѣ и въ Кяхтѣ и имѣлъ пріиски въ Сибири, что впрочемъ не мѣшало старику въ качествѣ Кяхтинскаго церковнаго старосты пересылать русскіе полуимперіалы въ пудовыхъ восковыхъ, мѣстныхъ свѣчахъ, но продолжая еще и тогда эти фокусы — домъ Куракина стоялъ уже на твердыхъ ногахъ. Въ этомъ отношеніи въ фізіономіи нашего купеческаго общества, надо отличить двѣ стороны—одну, которая пріобрѣтши дѣдовскіе и отцовскіе капиталы начала мало по малу отрѣшатся отъ разной скверны, съ которой соединено было это пріобрѣтеніе и мало по малу выходило на болѣе честную, хотя и узкую дорогу; другая же

та, которая въ основаніе своихъ дѣйствій и до сихъ поръ принимаетъ прежнія, темныя начала и, не смотря на то, что ихъ уже трудно маскировать и ихъ поступки въ аллегрической формѣ являются открыто и разоблеченно то въ томъ, то въ другомъ журналѣ, хладнокровно говорить: „пускай ихъ, плевать!“ Между этими двумя крайностями есть еще средняя, которая какъ и вездѣ составляетъ большинство — это именно тѣ, которыя въ наружныхъ формахъ стараются держаться новаго порядка, а на самомъ дѣлѣ не только не пренебрегаютъ, но даже душевно предпочитаютъ старый новому. Куракинъ, весь домъ и даже весь родственныи кругъ его, былъ проникнутъ именно этимъ духомъ.

ГЛАВА III.

Вскорѣ послѣ обѣда какъ-то къ вечеру старикъ Куракинъ завелъ Ивана Артемьевича къ себѣ въ кабинетъ.

— Садись-ка, Иванъ Артемьевичъ, побѣдуемте съ вами.

Иванъ Артемьевичъ сѣлъ.

— Вотъ что, сударь, хотѣлось мнѣ съ вами переговорить — смотрю я на васъ и не надивуюся, какъ-то вы не по нашему живете и смотрите, будто вамъ не весело да не при-вольно у насъ.

— Нѣтъ, ничего. Почему же вы замѣчаете это, дядюшка?

— Да по всему, сударь мой, по всему: ни въ городѣ васъ не увидишь, ни въ Троицкій, ни на Варварку не затащишь, да и дома вы молчаливый и скучный такой — Богъ съ вами, никакъ не разберешь васъ.

— У меня такой характеръ.

— Чего же тутъ характеръ, — характеръ надо передѣлывать — принаравливаться надо.

— Я не считаю это нужнымъ и могу, кажется, жить какъ мнѣ хочется.

Старикъ видимо обидѣлся.

— Мнѣ какъ хотите, по мнѣ Богъ съ вами, я такъ только по родственному, характеромъ этимъ вы вѣдь ничего

себѣ хорошаго не составите. Да еще долженъ вамъ сказать, что и супружеская-то ваша жизнь идетъ какъ-то не такъ, не ладно, не по нашему.

— Это ужъ не моя вина.

— Чья же?

— Объ этомъ я считаю лишнимъ говорить.

— Я вамъ скажу на это наше старинное правило, котораго не мѣшало бы вамъ подержаться—мужъ— глава и хозяйинъ и сама себя раба бьетъ, коли не чисто жнетъ. Вотъ что-съ! а другое дѣло когда хотите своимъ умомъ жить, такъ мы вамъ не угазъ.

Матвѣй Ивановичъ при этихъ словахъ всталъ. Иванъ Артемьевичъ тоже. Говорить имъ, видимо, было нечего и они разошлись еще болѣе въ недружелюбныхъ отношеніяхъ, чѣмъ встрѣчались до сихъ поръ.

Разъединеніе Ивана Артемьевича съ окружающею жизнію увеличивалось съ каждымъ днемъ. Онъ и самъ не зналъ что именно такъ сильно начинаетъ разъединять его - видимому разладъ этотъ, болѣе всего, лежалъ въ свойствахъ его характера.

Тотъ или другой характеръ, мягкій или грубый, скромный или вспыльчивый, даже безъ всякаго направленія, большею частію, соединялъ или разъединялъ людей въ то время, которое по преимуществу было временемъ образования кружковъ — кружки эти были тогда не только въ одномъ высшемъ и вообще дворянскомъ, но и въ купеческомъ обществѣ.

На дворѣ дома Куракина, на задѣ, стоялъ дикій, деревянный довольно вѣтхій флигель — окна въ четыре, выходящій въ садъ. Окна его были почти до верху затянута зеленью этого сада. Послѣ разговора съ старикомъ Ивану Артемьевичу не хотѣлось оставаться въ комнатахъ, а еще менѣе желалъ онъ встрѣтиться съ женой; время стояло весеннее, опускавшійся вечеръ былъ довольно тепелъ, изъ оконъ залы, большею частію остававшейся пустою, по которой онъ проходилъ въ раздумьи ему мелькнула молодая зелень сада; почти машинально онъ пошелъ въ него. Садъ по обычаю многихъ купеческихъ домовъ, держался чисто:

фигурная, выкрашенная масляною краскою рѣшетка располагалась прямо предъ домомъ, такія же фигурныя ворота были заперты.

— Куда вы, сударь? спросилъ его работавшій, за рѣшеткою садовникъ, когда Иванъ Артемьевичъ толкнулся было въ ворота.

— Да вотъ сюда бы.

— Заперто-съ, ключъ въ покояхъ, не угодно-ли около коюшенъ, тамъ есть еще калиточка.

Садъ содержался чисто только въ передней половинѣ— задъ же его былъ сильно запущенъ, прудъ затаенъ тиною, за нимъ устроено что то въ родѣ склада дровъ, кирпичу и тому подобнаго. Иванъ Артемьевичъ пошелъ бродить именно этими задами. Настроеніе его было такое же неопредѣленное и не имѣвшее никакой цѣли какъ и его прогулка; не было ни мысли, ни думы — бродили въ головѣ какіе то отрывки—не то воспоминанія, не то надежды—планы о будущемъ, думалось о вывѣскѣ, лицевой сторонѣ „казовыя“ концахъ купеческой жизни, какъ недавно бывший обѣдъ, какъ передовая часть сада, думалось и о другой сторонѣ ея, какъ этотъ сорный задъ сада, думалось и о своей судьбѣ, отъ которой онъ пересталъ уже ждать чего либо хорошаго. Бродя въ такихъ мысляхъ онъ услышалъ говоръ и смѣхъ и за акаціей увидалъ раскрытыя окна, въ которыя несся шумъ и говоръ. Онъ взглянулъ на окна.

— Ба! Иванъ Артемьевичъ! Какими это вы судьбами? что это вы такимъ отшельникомъ? послышался голосъ.

Говорилъ блѣдный, худощавый, бѣлокурый мужчина, съ свѣтлыми усами, гладко остриженный.

— Ступайте въ нашу комнату, что вы это такъ бродите?

— Да какъ же къ вамъ пройти?

— А задами, вотъ тамъ около коюшенъ, мы народъ отверженный, прячемся, хоронимся.

Иванъ Артемьевичъ сталъ пробираться.

— Направо.. налѣво, вотъ, такъ, сюда, вотъ, вотъ, продолжалъ указывать говорившій, за которымъ показалось еще нѣсколько мужскихъ головъ.

Флигель стоялъ дѣйствительно въ сторонѣ отъ дома и

почти примыкала къ конюшнямъ, повидимому это были службы стараго барскаго дома, которыя уцѣлѣли во всеобщемъ примѣненіи дома на купеческую руку. Грязное крыльцо вводило въ переднюю; открывавшаяся внутренность помещенія рѣзко измѣнялась въ сравненіи съ наружностью—флигель былъ отдѣланъ и убранъ довольно комфортабельно: большая, слѣдующая за передней комната представляла соединеніе пріемной съ кабинетомъ, устланная ковромъ, съ дорогими обоями, она была уставлена разными музыкальными инструментами — деми-рояль, пьянино, органъ, контрбасъ, віолончель въ футлярѣ, стѣны увѣшаны масляными картинами, между которыми были не одни копіи, скульптурныя вещи, рѣзная работа, книги, ноты дополняли обстановку. Въ настоящую минуту на столѣ виднѣлись остатки обѣда, шампанское, сигары.

— Ну, здравствуйте любезнѣйшій братецъ, входите къ намъ не гостемъ, а своимъ человѣкомъ, что вы тамъ ежсаетесь съ нашими чертоломами — рекомендую вамъ господа, братъ мой по сестрѣ — Иванъ Артемьевичъ Нефедовъ, — славный малый, добрая душа, *нашинскій!*

Иванъ Артемьевичъ раскланялся съ пятью, шестью мужчинами разныхъ лѣтъ, которымъ представлялся; не всталъ и не обратился на это представленіе одинъ молодой человѣкъ, сидѣвшій за фортепiano и въ полтона что-то наигрывавшій. Небольшое общество это было очень разнохарактерно; тутъ именно, были и старыя и малыя: почтеннѣе всѣхъ выходилъ довольно сутуловатый, лѣтъ тридцати пяти, человѣкъ въ военномъ мундирѣ, — Владиміръ Ильичъ Радивилъ, славившійся въ то время, какъ музыкантъ-любитель, за нимъ слѣдовала крупная, тучная мужская фигура, съ большой русой кудрявой головой, спавшая на диванѣ. Фигура эта расположилась со всею непринужденностью, безъ сертука, съ разстегнутымъ жилетомъ, и спала богатырскимъ сномъ; моложе всѣхъ былъ худенькій блондинъ, лѣтъ девяти десяти съ серьезнымъ выразительнымъ лицомъ, сидѣвшій за книгой у открытаго окна, — Шубинъ офиціально выдававшійся за дальняго родственника Куракиныхъ, а на самомъ дѣлѣ побочный сынъ хозяина флигель-

ка; средину занимали двое молодыхъ людей лѣтъ по двадцати—одинъ брюнетъ съ цыганскимъ типомъ, сидѣвшій за фортепіано, другой блондинъ не съ большими красивыми усами, съ широкою грудью, приземистый, не оставлявшій своего стакана съ шампанскимъ и при появленіи новаго человѣка; первый былъ извѣстный въ то время пѣвистъ Яша Гель, второй одинъ изъ сыновей Жемчужникова, спавшій—его старшій братъ. Хозяинъ былъ племянникъ Матвѣя Ивановича, сынъ его старшаго умершаго брата, онъ игралъ довольно не дурно на скрипкѣ а слылъ и былъ страстнымъ любителемъ музыки и вокругъ его собрались любители музыки, артисты и т. п. Жизнь флигеля во всемъ почти разнилась отъ жизни главнаго дома: сдержанность, формализмъ, ханженство и ломанье дѣла во всякомъ словѣ, переходили тутъ въ откровенность, совершенную безцеремонность и непритворную дружбу между нѣсколькими лицами, во что-то будто похожее на отрицаніе, на протестъ, къ чему прививалась и довольно значительная выпивка, и кутежъ, время отъ времени, даже порою довольно значительная карточная игра. Жизнь видимо ломалась на двое: общій характеръ крайней сдержанности и диковатаго своеобразія, особые, въ большинствѣ, грязные приемы дѣловѣденія, особый складъ и типъ дѣльцевъ, гнувшихъ все подъ свою лапу, отталкивалъ отъ себя многое въ это общество и образовалъ другой сортъ людей, слывшихъ въ то время да и до сихъ поръ, за праздный, бесполезный, слабый народъ— все теперь открывающееся предъ нами общество принадлежало именно къ этому сорту людей.

— Ну, что голубчикъ, братецъ, садитесь ка, выпьемъ-ка съ вами по стаканчику холоденькаго, — мы вѣдь здѣсь живемъ по просту; вы какъ тамъ поживаете?

— Такъ себѣ живу, отвѣчалъ Иванъ Артемьевичъ, принимая стаканъ вина, до котораго на глазахъ старшихъ онъ не могъ прикоснуться.

— Рекомендую, господа, повторилъ хозяинъ, мужъ моей сестры, и гораздо лучшее ее... Сыграй-ка, сыграй Яша. — Вы музыкантъ братецъ?

— Люблю музыку, хотя и не играю ни на чемъ.

— Если любите, все равно поймете.

— Яша — удружи, голубчикъ! я вижу ты въ расположе-
ніи нынчѣ, отъ фортепьянъ не отходишь, а вотъ это тебѣ для
фантазіи — хозяинъ налилъ рюмку водки и поднесъ ему.
Другаго не пьеть, досказалъ онъ Нефедову.

— Послѣ, отвѣчалъ Яша и сдѣлалъ нѣсколько аккордовъ,
и въ этихъ двухъ, трехъ мотивахъ, слышалось не только
мастерство, но и то, что по просту зовутъ въ музыкѣ *ду-
шею* — быстрота и сила рукъ сказались даже и въ этой
пробѣ, въ слѣдъ за этимъ онъ началъ полутонную въ а —
sol мелодію; звуки заплескались какъ волны, будто они би-
лись въ берегъ, время отъ времени, въ общемъ ходѣ мело-
діи, вырывалось что-то похожее на вздохъ или стонъ и
замирало между этими плесками. Хозяинъ мгновенно пере-
мѣнился при этой игрѣ: онъ поблѣднѣлъ еще болѣе, чахо-
точный румянецъ пробился на щекахъ, въ нетерпѣніи онъ
толкнулъ спавшаго Жемчужникова, который открывъ гла-
за, и не перемѣняя позы, сталъ также слушать; остальные,
какъ были такъ всѣ и приросли на мѣстѣ. Дорогой инстру-
ментъ въ небольшой комнатѣ, подъ этими руками дѣлалъ
чудеса: кругомъ плавали, ласкались ко всѣмъ, бились ого-
ло вась, просили, молились, наконецъ настойчиво требова-
ли чего-то и брали за сердце, безконечно лившіеся звуки,
они, вмѣстѣ съ тѣмъ, составляли какъ бы канву ярко и силь-
но выбѣгавшихъ нотъ; особенность игры Геля состояла въ
нераздѣльномъ сочетаніи мягкости съ силою, нѣжности ту-
ша съ силою экспрессіи, которыя смѣшивались и соединя-
лись такъ, что трудно было замѣтить, гдѣ и когда одна пе-
реходила въ другую. Радивиль плакалъ стоя за инстру-
ментомъ и, по окончаніи, первый бросился цѣловать Геля.
Хозяинъ чуть не задушилъ его и наливалъ ему рюмку за
рюмкой.

— И ничего не пьеть — кромѣ! русская душа, хоть ей и
нѣмецкая гличка, добавилъ онъ.

— Хорошо, хорошо! нечисто произнося твердилъ съ ди-
вана старшій Жемчужниковъ, котораго всѣ не смотря,
на его тучную фигуру и тридцати восьми лѣтній возрастъ,
звали тогда Борей.

— Какія трели-то какія трели-то братецъ, ахъ, ты Господи! ахъ чертъ его возьми! вторилъ ему меньшей братъ. Просто совсѣмъ пропадешь.

— Человѣкъ шампанскаго! за Яшино здоровье крикнулъ хозяинъ.

— Ну, а я васъ опережу, добавилъ тотъ, наливая чуть не десятую рюмку. Онъ какъ-то не пьянѣлъ послѣ этихъ пріемовъ, краснѣли только его щеки, да горѣли глаза. Здоровымъ, свѣжимъ, мальчикомъ лѣтъ за двадцать съ небольшимъ глядѣлъ тогда Яша.

Подали шампанское, закурили сигары, Радивиль взялъ балалайку и сталъ матерски рвать струны, чуть не вываривая на нихъ русскихъ пѣсень.

— Батюшка пропаду я совсѣмъ! крикнулъ довольно выпившей молодой Жемчужниковъ, буквально бросившись на полъ. Умру я, совсѣмъ умру! кричалъ онъ съ погу...

Всѣ смѣялись, цѣловались, плакали..

— Такъ вотъ какъ мы живемъ, братецъ! обратился хозяинъ къ Нефедову, какъ полагаете, лучше или хуже вашего?

— Лучше! искренно отвѣчалъ Иванъ Артемьевичъ.

— То-то...

— Еще бы имъ за нами чертоломамъ! крикнулъ младшій Жемчужниковъ.

Хохоть, въ которомъ слышался неподдѣльный восторгъ, и даже почему-то завязавшаяся возня и круговое цѣлованье, было отвѣтомъ на его оригинальную выходку.

Иванъ Артемьевичъ сталъ пристальнѣе вглядываться въ новую для него жизнь. Она занимала, интересовала его. Жизнь эта росла рядомъ съ семейнымъ, замкнутымъ бытомъ и во многомъ жила на его счетъ; — въ ней былъ ярко замѣтенъ, если не протестъ, то довольно сильное отрицаніе семейнаго быта и совсѣмъ не преднамѣренно, а просто, естественно рационально. Ивана Артемьевича, можетъ быть и скорѣе всего отъ чего дѣлать, стала интересовать личность Семена Ивановича. Какими судьбами, какъ, почему образовалась такая личность, спрашивалось невольно и онъ

сталъ, мало по малу, разузнавать и узналъ подробности этого характера отъ старой няньки Даши, жившей въ домѣ Куракина.

— Все тятинька, сударь, покойникъ виновать, а то так кому ли ему быть, рассказываетъ она, съ измалолѣтства не было у него — у Семена Ивановича никакой охоты къ нашему, торговому — то есть дѣлу; ну, и значить просилъ онъ покойника оставить его на произволь, чѣмъ моль-смогу, тѣмъ и буду заниматься. Ну вѣдь Семень то Ивановичъ извѣстный былъ гусь — какъ наплетъ на что, такъ его ничѣмъ съ того не стащишь. Ну, бѣжалъ онъ, Алексѣй-то Семеновичъ въ тѣ поры отъ него въ Питерь, а оттуда въ какой-то нѣмецкій городъ, въ Ригу это кажись, не знаю за вѣрное, какъ прозывается, съ годъ тамъ съ нѣмцами прожилъ, а тутъ пріѣхалъ оттудова и поселился во флигелѣ — заброшенный до той поры былъ, выѣздной бучеръ съ женою жилъ; такъ и при жизни покойника оставался въ немъ и до сихъ поръ остается. Отшельникомъ какимъ-то живетъ: испортили меня, говорить, ни на что я теперь не гожуся...

При послѣднихъ словахъ няньки Иванъ Артемьевичъ хотя и улыбнулся, но все таки слышанное имъ вызывало невольную симпатію къ Семену Иванычу. Вскорѣ потомъ ему пришлось узнать, что и о семейной жизни подумывалъ въ свое время его братъ, какъ онъ называлъ его послѣ перваго сближенія, что и влюбленъ онъ былъ въ молодую красавицу — дочь учителя ихъ приходскаго училища, и тутъ *пришпандорилъ*, какъ выразилась няня отецъ, и жилъ онъ съ ней потомъ *беззаконно* и вотъ этотъ худенькій мальчикъ, что у него бываетъ — сыночикъ его, и мать и отецъ ея — старикъ, учитель умерли съ горя — заѣли ихъ...

Все это Иванъ Артемьевичъ узналъ въ первый разъ, жена никогда не говорила ему ничего подобнаго про брата, да едва ли и знала она что нибудь про него.

— Юродивый, юродствуетъ отъ нечего дѣлать — вотъ все, что слышалъ онъ отъ нея.

Между тѣмъ Варвара Ивановна жила своею своеобразною жизнью. Родная Москва показала ей очень большимъ

и веселымъ городомъ послѣ года жизни въ Ш*. Кузнѣцкій мостъ, (на которомъ со времени ея отсутствія открылось нѣсколько новыхъ магазиновъ) и театръ — занимали ее главнымъ образомъ: театръ выходилъ у ней какъ-то прибавленіемъ къ Кузнечному мосту, потому что наряды, покупавшіеся въ первомъ показывались во второмъ. Варвара Ивановна развернулась въ полной своей силѣ — ей тогда было года двадцать два — три и она, совершенно забывъ дѣтей, вся отдалась потребностямъ своей неутомимой натуры. Жизнь въ домѣ дяди много стѣсняла ее, она положила непремѣнно остаться въ Москвѣ, и, какъ истая купчиха, не привывши жить на квартирахъ, просила мужа купить домъ.

— Иванъ Артемьевичъ! сказала она какъ-то послѣ спектакля, въ которомъ особенно настойчиво увивался около нее князь Геѣ, слышій, въ то время, не послѣднимъ львомъ и по слухамъ жившій на счетъ слабенькихъ сердечкомъ, а положительно не поѣду въ Ш*.

— Какъ же это? — я вѣдь не могу же постоянно жить здѣсь.

— Ну, какъ знаете, мнѣ до этого нѣтъ дѣла, а я не поѣду.

Иванъ Артемьевичъ не убѣждалъ, по опыту зная, что это лишнее.

— И вотъ что еще: я прошу васъ купить мнѣ здѣсь, на приличномъ мѣстѣ домъ, на мое имя, потому что у дяди я жить не могу, а на квартирахъ не привыкла.

— Но, послушайте, Варвара Ивановна, возразилъ было озадаченный Иванъ Артемьевичъ, мы объ этомъ никогда и не думали, не говорили, какъ же это такъ, вдругъ?

— Чтожь тутъ такого — вздумала и купила, я вѣдь не на ваши деньги — на свои.

— Но, объ этомъ надо покрайней мѣрѣ переговорить серьезно — подождите вотъ я поѣду въ Нижній, повидаюсь съ братомъ:

— Это когда въ Нижній?

— Въ іюль.

— Нѣтъ это поздно будетъ, вы вѣдь только въ сентябрѣ

воротитесь. Если вы сами не хотите похлопотать, я буду просить брата, дядю; съ сентября я хочу жить въ своемъ домѣ, а теперь найму дачу.

— Дачу?

— Да съ. Живутъ же дворяне на дачѣ, чѣмъ же мы хуже ихъ.

Иванъ Артемьевичъ не возражалъ ей, но еще крѣпче задумался о своемъ положеніи.

Дѣйствительно положеніе его было одно изъ такихъ, которое только развѣ въ шутку можетъ назваться незавиднымъ: ему пришлось быть между перекрестныхъ огней, съ одной стороны братъ, съ своей медвѣжей лапой, подъ которой въ то время была большая часть приданого Варвары Ивановны, съ другой Варвара Ивановна, съ третьей его мягкій характеръ, добрыя наклонности, не находившія себѣ исхода и наконецъ, все болѣе и болѣе усиливающаяся неувѣренность въ своихъ силахъ и предчувствіе, что ему придется разстаться съ женой — что-жъ тогда будетъ съ дѣтьми?

Какъ то разъ во время подобнаго раздумья, когда онъ все болѣе и болѣе рѣшался ѣхать и переговорить обо всемъ съ братомъ, бродя по тому же саду, онъ встрѣтился съ Семеномъ Иванычемъ, тотъ сидѣлъ на скамейкѣ въ ватномъ, дорожномъ пальто съ патронташемъ и съ ружьемъ, около его лежала большая собака, бѣлая и съ свѣтлобурными пятнами — чистый, красивый понтеръ.

— Здравствуйте братецъ, что это вы все задумавшись? обратился онъ къ Ивану Артемьевичу.

— Да такъ, брожу...

— Э, полноте-ка — бродить только пиво молодое — поѣдте-ка вотъ съ нами, на охоту, версть за пятьдесятъ, такъ протрясетъ, что всякую хандру забудешь, мы на простыхъ телѣгахъ съ Жемчужниковыми, да съ Гелемъ.

— Съ удовольствіемъ бы...

— За чѣмъ же дѣло?

— Но, вѣдь я не охотникъ.

— Что-жъ за бѣда, ну такъ за компанію.

— Пожалуй...

— Полноте-ка, братецъ, стряхните съ себя эту дурь, повѣрьте, что иначе жить нельзя, какъ вотъ мы живемъ, по крайней мѣрѣ сами себѣ господа. Ступайте-ка, собирайтесь, мы васъ подождемъ.

Ивану Артемьевичу такъ сладко было въ этомъ домѣ и вообще въ своей обстановкѣ, что онъ былъ радъ хоть куда.

— Хорошо, подождитъ, сказалъ онъ рѣшительно, я сейчасъ.

При выходѣ изъ сада онъ встрѣтилъ кормилицу и няньку съ своими дѣтми, нянька несла на рукахъ уснувшую на нихъ дѣвочку лѣтъ двухъ, кормилица бережно везла въ плетеной, соломенной повозкѣ другую года не болѣе, которая также спала.

— Милые мои! проговорилъ остановясь Иванъ Артемьевичъ, онъ осторожно поцѣловалъ старшую дочь и, наклонясь надъ другой, перекрестилъ ее.

— Если меня спросятъ, няня, скажи, что я уѣхалъ съ Семеномъ Иванычемъ завтра буду назадъ.

Нянька посмотрѣла съ удивленіемъ на него, хотя и прибавила обыкновенное: „слушаю“.

Выѣзжали какъ будто украдкой: на заднемъ дворѣ стояла телѣга парой съ сѣномъ и ковромъ, по случаю прибавленія компаніи заложили еще небольшую телѣжку въ одну лошадь, и экипажи и лошади брались тайкомъ — кучеровъ не брали, хлопотавшій около лошадей конюхъ говорилъ шопотомъ и то и дѣло что умолялъ, чтобъ какъ нибудь не попасться на глаза Матвѣю Ивановичу.

— Оборони васъ, Господи — пропала тогда моя головушка — уѣзжайте-ка пока онъ у всенощной.

— Ну, вотъ въ первой что-ли, будь ты покоенъ, Федотъ, не ты — я въ отвѣтъ! храбрился Семенъ Иванычъ.

— Вы-то, батюшка, въ отвѣтъ, а я ступай мостовую гранить.

— Не будешь гранить.

— Я только въ той надеждѣ, что-жь и ваше вѣдъ дѣло хозяйское.

— Ну, и баста, что тутъ разговаривать! Садитесь-ка, братецъ, вотъ хоть въ тележку съ Ганей, а мы своей компа-

ней въ телѣгѣ, а будетъ скучно, такъ за заставой пересядемъ. Васька, его лошадь умнѣ инаго человѣка, одна за нами пойдетъ. Ступайка туда Ганя.

— Пожалуй! промолвилъ молодой Жемчужниковъ, беря вожжи.

— Ну, трогай...

И они шажкомъ, осторожно выѣхали со двора задними воротами.

Вечеръ этотъ былъ канунъ Николина дня, май только что развертывался и почкой и листомъ, зеленѣлъ молодой травой, перекрикивался соловьями, дышалъ первыми теплыми днями — вечерокъ былъ еще съ прохладью. Проѣхавъ городомъ, гдѣ почти въ каждомъ ряду гудѣлъ лай цѣпныхъ собакъ, (по поводу которыхъ Семень Ивановичъ замѣтилъ, что на свою статью подобрали молъ) они миновали Арбатъ, спустились къ Дорогомиловскому мосту, проѣхавши оригинальную во многомъ Ямскую слободу, бывшую тогда за неимѣніемъ желѣзныхъ дорогъ въ цвѣтущемъ положеніи, и вскорѣ выѣхали за драгомиловскую заставу.

Москвой Иванъ Артемьевичъ ѣхалъ молча — во первыхъ онъ еще совсѣмъ не былъ знакомъ съ Жемчужниковымъ, а во вторыхъ въ телѣжкѣ, по непривычкѣ его къ подобной ѣздѣ, было очень тряско.

Недоѣзжая заставы передняя телѣга остановилась, за ней стала и телѣжка.

— Ну-ка, господа, провозгласилъ Боря Жемчужниковъ — привалъ къ царскому кабаку, у насъ хотя и у самихъ водки вдоволь, да эта какъ бы лучше: это я запримѣтилъ, по близости заставъ она всегда лучше. Ужъ Богъ ее знаетъ почему.

— Не наше это дѣло разбирать, а остановившись выходить слѣдуетъ, разомъ послышалось въ компаніи и всѣ повалили къ кабаку.

— Пойдемте, пригласилъ Неледова меньшей Жемчужниковъ.

— Пожалуй.

— Вы, братецъ, извините насъ, мы здѣсь живемъ по просту — церемоніи то и дома надобѣдаютъ.

— Помилуйте, что за церемоніи! отвѣчалъ Иванъ Артемьевичъ, но отвѣчалъ какъ то принужденно, повидимому ему было не ловко.

Послѣ выпивки, какъ выражался Боря, который и заплатилъ за всѣхъ, компанія стала еще веселѣе—Боря горячился и кричалъ болѣе всѣхъ.

— Эка земля! ворчалъ онъ влѣзая на телѣгу, самая—то есть—хлѣбородная, а хорошей водки ни капли нѣтъ—все откупъ этотъ, чертъ-бы его горою раздулъ.

— Самимъ надо курить! добавилъ кто-то. Промышленность-то у насъ не свободная.

— А, вы куда лѣзете? обратился Боря къ Нефедову—садитесь вмѣстѣ съ нами да затынемъ пѣсню, теперь на волѣ за заставой—свободно, бутырей нѣтъ.

— А, лошадь-то куда? спросилъ было Иванъ Артемьевичъ.

— Ничего, отвѣчалъ ему Ганя, она у меня, повѣрьте мнѣ, умнѣй другаго человѣка, сама за нами пойдетъ.

— Въ тѣснотѣ да не въ обидѣ! ладилъ Борисъ Ѳеодорычъ, усаживаясь въ средину—въ самую глубину телѣги.

— Это точно, Боря, а я къ тебѣ подъ бочекъ, отвѣтилъ молчавшій до сихъ поръ Гель, у котораго развязывался языкъ только послѣ изряднаго приема.

— Ну, ребята катать! прогласилъ Семень Иванычъ, родную, русскую, Ганя запѣвай, ты ходокъ по этой части. Жемчужниковъ дѣйствительно владѣвшій сильнымъ голосомъ, и особенно умнѣемъ передавать чисто-народные приемы пѣнья началъ.— „Не одна-то во полѣ дорога-дороженька“... остальные подхватывали и вскорѣ пѣсня перешла почти въ крикъ и въ какое то открытое оранье; видимо свобода дѣйствовала на этихъ людей подобнымъ образомъ. Не пѣлъ и вообще не принималъ участія въ этомъ весельѣ одинъ Иванъ Артемьевичъ, онъ и тутъ сидѣлъ какъ чужой и тутъ ему было не по себѣ. Вскорѣ все общество послѣ нѣсколькихъ приемовъ оправилось, начало стихать—Боря и нѣкоторые другіе залегли на боковую, молодой Жемчужниковъ и Нефедовъ, снова перешли въ свою телѣжку.

— Не нравится вамъ Иванъ Артемьевичъ наша компа-

нія? спросилъ его Жемчужниковъ, много пьемъ мы, безобразничаемъ?

— Нѣтъ, ничего, помилуйте — знаете у меня такой молчаливый характеръ.

— Да замолчишь, что говорить... Эхъ, Иванъ Артемьевичъ, вы думаете я васъ не понимаю,—понимаю—вотъ какъ понимаю! онъ обнялъ и крѣпко прижалъ его. Ужъ видно такова наша доля, у насъ прямымъ человѣкомъ, откровеннымъ, честнымъ быть нельзя—сѣбдять, ужъ такое это, значить правило принято. Про васъ вотъ говорятъ... вы меня извините... я не много выпилъ, про тебя говорятъ, что ты смиренъ больно, мямля, оттого тебѣ и доля такая — не правда это, я хоть и молодъ, а могу это понимать, не мямля ты, а душа-человѣкъ — отъ того тебѣ и не везетъ и не повезетъ тебѣ никогда!.. Мямля! продолжалъ съ горечью Жемчужниковъ, мямля! ну, хорошо положимъ — извини братъ, Ваня, я немного выпилъ, дай я тебя поцѣлую... вотъ такъ!—онъ снова крѣпко обнялъ и поцѣловалъ его, хорошо, положимъ, ты мямля, отъ чего же мнѣ нѣтъ счастья, отъ чего я въ загонѣ—живу дома словно въ людяхъ—ни дѣла тебѣ не даютъ, ни рта не позволяютъ раскрыть, тоже мямля что-ль? спросилъ онъ какъ то весь выпрямившись — тутъ другую причину пригоняютъ—больно прытокъ говорятъ! Прытокъ, чертъ бы ихъ дралъ! Да, что и говорить не хочется, не родиться бы да не жить бы лучше на свѣтѣ, вотъ какъ жизнь наша, значить, хороша!

— Но, вы еще молоды Гаврила Федоровичъ, ваша жизнь, впереди.

— Ничего хорошаго, голубчикъ, не будетъ, ничего — чувствуется это; не нашему брату лафа въ нашемъ обществѣ—это по плечу кому-нибудь другому, а не намъ.

— Ну, а Борисъ Федоровичъ?

— Боря—это золото человѣкъ, милякъ человѣкъ — Бетховень, не купецъ, не битка...

— Ну, да вѣдь у насъ уже извѣстное дѣло: какое такимъ людямъ житье.

— Умирать не надо! прибавилъ онъ усмѣхнувшись...

Фабрика, арендуемая Борисомъ Федоровичемъ лежала верстахъ въ пятнадцать отъ Москвы — это было что-то въ родѣ выселокъ, или скорѣе опустѣвшая барская усадьба, превращенная на фабрику. Большой, узкій безобразный, въ четыре яруса корпусъ, стоялъ давно уже пустымъ безъ крыши, безъ оконъ, безъ дверей: въ одну прекрасную ночь вся внутренность его выгорѣла — лопнулъ паровикъ, машины рухнули, сгорѣла цѣлая смѣна — до ста человекъ рабочихъ, спавшихъ въ четвертомъ этажѣ, фабрика, какъ видится не была застрахована: фабрикантъ изъ капиталиста сдѣлался почти нищимъ. Кой-какіе машины и уцѣлѣвшіе боковые корпуса, были сданы имъ Жемчужникову, и, такимъ образомъ, устроилась новая, небольшая фабрика, арендные деньги съ которой стали единственнымъ кускомъ хлѣба бывшему капиталисту, который и жилъ теперь съ своимъ большимъ семействомъ въ двухъ, трехъ комнатахъ въ этомъ же мѣстѣ. Обстановка мѣста была довольно грустная — небольшая рѣка, съ нависшимся надъ ней хилымъ мостомъ и едва держащейся плотиной, жиденькая вырубленная роща на горѣ, нѣсколько деревянныхъ корпусовъ въ котловинѣ — сараи, амбары; кругомъ соръ, безхозяйственность; ни полей, ни запашки, ничего говорящаго о трудѣ, а что-то замершее, опустѣвшее.

— Вотъ и фабрика наша, не вашей чета! съ грустной усмѣшкой промолвилъ Ганя. Эй, Боря, вставай, пріѣхали — крикнулъ онъ. А какая тутъ дочь у хозяина, продолжалъ онъ, обратясь къ Неведову — заглядѣние, и рождаются же — Господи — въ такихъ скверныхъ мѣстахъ да такія красавицы.

— Хозяинъ выгнѣвъ первый и куда-то скрылся. Гости за Ганей Жемчужниковымъ вошли въ небольшой деревянный флигель занимаемый семьей Бориса Федорыча и первое, что они встрѣтили — это была куча дѣтей, — куча грязныхъ дѣтей, которая осыпала гостей съ разнообразными вопросами, въ которыхъ гостинцы и съѣстное играли первую роль.

Вскорѣ появился и самъ хозяинъ въ обѣихъ рукахъ онъ

несъ настойку разныхъ видовъ, за нимъ слѣдовала горничная съ закуской на подносѣ.

— Что вы это на мою семью любуетесь? спросилъ онъ, не оставляеть воть Богъ своею милостію—каждый годъ наслѣдникъ. Тонъ, которымъ говорилось все это былъ положительно шутливый, особенная веселая беззаботность слышалась въ каждомъ словѣ Бориса Федоровича;—глядя на его положеніе щемило сердце, а онъ все шутилъ и отшучивался.

Выпивка была обильная, выпилъ-таки довольно крѣпко и Иванъ Артемьичъ...

ГЛАВА IV.

Поѣздка Ивана Артемьевича не обошлась даромъ: она подняла семейную бурю.—Варвара Ивановна была одною изъ тѣхъ женщинъ, которыя добиваясь безусловной свободы, любятъ гнуть подъ свою хорошенькую ножку все окружающее ихъ и прежде всего—мужа; такихъ особенно много развилось въ наше время, но были, разумѣется, они и въ старое.

— Съ чего это вы взяли шляться тамъ со всякою дрянью и дома ночей не ночевать, что это за мода, что за новости, а? Хоть бы вспомнили, что вы отецъ, послѣ этого я васъ и знать не хочу.

Иванъ Артемьевичъ ничего не отвѣчалъ на подобныя бурныя выходки, онъ все болѣе и болѣе убѣждался въ необходимости совершеннаго разрыва съ ней и все больнѣе и больнѣе становилось ему за дѣтей. Зайдя къ нимъ въ спальню перекрестивъ и поцѣловавъ ихъ со слезами на глазахъ—(слезливость, вообще, составляла одну изъ чертъ характера Ивана Артемьевича),—онъ отправился къ Жемчужниковымъ, какъ и общалъ Гаврилу Федоровичу, рѣдко къмъ-либо называему этимъ полнымъ именемъ и болѣе извѣстному подъ названіемъ Гани.

— Вы опять куда нибудь таскаться отправляетесь? крикнула ему въ слѣдъ супруга. Мнѣ это впрочемъ все равно, куда хотите, продолжала она, погодите только на минутку, послушайте же! Иванъ Артемьевичъ молча остановился. — Извольте-ка приготовить къ завтраму пять сотъ рублей, продолжала она, я наняла дачу.

— Часъ отъ часу не легче, подумаль онъ про себя и окончательно рѣшился на дняхъ ѣхать въ свою родную Ш*.

Время было уже къ вечеру, обыкновенно въ такое время Ганя никогда не бываль дома, но на этотъ разъ онъ общаль дожидаться Неведова и, въ ожиданіи этого свиданія, возилса около лошадей въ конюшнѣ. Туда и провель Ивана Артемьевича дворникъ, помѣщавшійся въ сторожкѣ у постоянно запертыхъ воротъ.

— Наконецъ-то! крикнулъ тотъ увидавъ Неведова, я уже думаль что вы не придете, обманете, пойдемте ко мнѣ—я здѣсь тоже въ загонѣ живу—внизу у конторской двери замокъ стерегу.

Они прошли черезъ заднее крыльцо съ котораго на нихъ пахнуло разными запахами не особенно рекомендовавшими опрятность дома и вступили въ очень грязный коридоръ, въ которомъ была нагромождена старая мебель, клѣтки, запыленный разный скарбъ, рукомойникъ и т. п.; въ углу, висѣла зятянутая паутиной масляная картина безъ рамы, грубой работы, зашедшая сюда Богъ вѣсть какими путями, на окнѣ — самоваръ, подсвѣчники съ салными свѣчами и т. п. — это была задняя сторона дома, который и снаружи не носилъ того лоска и безупречной благопристойности, которымъ по преимуществу отличаются, особенно въ настоящее время, дома богатаго купечества.

— Вотъ и моя хибарка! промолвилъ Гаврила Федоровичъ, милости просимъ. Нянюшка обратилса онъ къ старрой, едва двигавшейся старухѣ, которая рылась въ чемъ то въ сосѣдней комнатѣ—веди-ка намъ сюда дать водочки!

Комната смотрѣла довольно оригинально: по всему видно было, что хозяинъ мало жилъ въ ней, а если и жилъ, то не обращалъ на окружающую его обстановку никакого вниманія: узкій деревянный диванъ безъ задка, покрытый ковромъ служилъ ему постелью, надъ диваномъ висѣла женская крестьянская головка, сдѣланная масляными красками, которую хозяинъ сейчасъ же рекомендовалъ гостю.

— Посмотрите-ка—посмотрите на это чудо, вѣдь улыбается, и какъ смотреть-то, какъ смотреть, словно живая... прелесть, восхищеніе, натура! а художникъ—творецъ ея, крупный оригинальный талантъ, безъ куса хлѣба, просто не знаетъ что перекусить подъ часъ. Свернувшаяся на диванѣ собака также была сейчасъ же рекомендована.

— Смотрите-ка сюда, вотъ еще на эту прелесть—вѣдь это чистѣйшій понтеръ, щенкомъ изъ Англїи вывезенъ, умнѣй и деликатнѣй инаго человѣка—люблю я этихъ животныхыхъ, Иванъ Артемьевичъ, и Ваську, лошадь свою люблю, какъ они тебя понимаютъ, сколько въ нихъ смысла, только мы—вотъ не умѣемъ понимать ихъ—не хотимъ понять! А хотите я покажу вамъ еще чудо—одну изъ нашихъ горничныхъ—вотъ дѣвочка, вотъ глаза, вотъ душа! просто отдай всѣ мѣдныя, да серебра прибавляй!.. Да вѣдь я и забылъ, что вы женатый. Ну такъ выпьемте водки, по крайней мѣрѣ, по этой причинѣ.

Во всемъ, даже въ мелочахъ, въ Гаврилѣ Ѳедоровичѣ сказывалась оригинальная натура, въ его приемахъ, привычкахъ, даже въ образѣ выраженія виднѣлась эта оригинальность: онъ говорилъ часто, отрывисто, мало связывая одно слово съ другимъ, имѣлъ при этомъ привычку щипать усы и въ каждомъ, болѣе или менѣе сильномъ мѣстѣ, ерошилъ волосы.

— Да, батюшка, Иванъ Артемьевичъ, худо какъ-то живется—чертъ его знаетъ, все это лезетъ тебѣ въ глаза и за то бы взялся и за другое бы, а къ рукамъ-то

ничего и нейдетъ, что ты прикажешь дѣлать!.. Выпьемте ка еще, да пойдемте вверхъ, хоть пульку сыграемъ, тамъ у насъ компанія. Иванъ Артемьевичъ отклонялся было, но выпилъ и вторую рюмку.

— Лафитцу! пригласилъ его Ганя.

— Не хочу.

— Ничего, выпьемъ. Нянюшка велите-ка подать намъ лафитцу.

— Сейчасъ батюшка... да братецъ идетъ, шепнула она вползая въ комнату.

— Ну, что же, ничего!

Въ комнату, въ это время, вошелъ высокій мужчина лѣтъ тридцати семи-восьми, съ темными гладко остриженными волосами и густыми черными бровями — быстрые необыкновенно подвижные глаза его, которые кажется сразу видѣли что дѣлается въ разныхъ углахъ, болѣе и лучше всего рекомендовали его торговыя способности. Онъ былъ съ верху до низу во всемъ черномъ и не могъ похвастаться опрятностью: видно было что постоянно носилось одно и то же платье и что въ немъ и ѣлось и спалось.

— Позвольте имѣть честь познакомиться, проговорилъ онъ поклонясь какъ-то одной головой и нѣсколько на бокъ — Дмитрій Федоровичъ Жемчужниковъ.

— Нашъ старшій братецъ! промолвилъ Гаврилъ Федоровичъ.

— Очень пріятно, формально отвѣчалъ Иванъ Артемьевичъ.

— Да, что это вы здѣсь? помилуйте, здѣсь у насъ такъ только знаете... сдѣлайте одолженіе — осчастливьте, вверхъ пожалуйста.

— Да, я вѣдь вотъ на минуту къ Гаврилѣ Федоровичу.

— Да, какъ же это можно-съ, сдѣлайте милость, пожа-

луйте вверхъ... Ганичка попросите-ка!... Пожалуйте, пожалуйста.

И, онъ всталъ предъ дверью и неотступно просилъ и униженно кланялся.

— Сдѣлайте ваше одолженіе, васъ папинька желаютъ видѣть.

— Пройдемтесь Иванъ Артемьевичъ пригласилъ и Ганя.

Иванъ Артемьевичъ всталъ и въ сопровожденіи обоихъ братьевъ прошелъ нѣсколько весьма миниатюрныхъ комнатъ, добрался до узкой винтомъ изгибавшейся лѣстницы и по приглашенію сталъ взбираться вверхъ.

— Сюда, вотъ сюда, направо, налѣво, слышалось за нимъ.

Идя, такимъ образомъ, онъ былъ введенъ также въ очень миниатюрную комнату, въ которой было раскинуто два карточныхъ стола, а на третьемъ у стѣны накрыта закуска. Графиновъ и бутылокъ было не менѣе чѣмъ тарелокъ.

— Милости просимъ, милости просимъ, дорогой гость! очень, сударь, рады видѣть васъ у себя! проговорилъ вставая и протягивая руки старикъ лѣтъ подъ пятьдесятъ, еще очень свѣжій, бодрый, но уже почти съ гладкимъ черепомъ—это былъ самъ Жемчужниковъ. Милости просимъ садиться, примолвилъ онъ. На долго ли къ намъ въ Москву?

— Да еще не знаю.

— Нравится ли вамъ наша первопрестольная столица-то?

— Ничего, я вѣдь ее и прежде видалъ.

— Я думаю, Иванъ Артемьевичъ, что же вамъ Москва, послѣ заграничныхъ городовъ — деревня, скука чай въ ней? промолвилъ Дмитрій Федоровичъ?

— Нѣтъ, почему-же-съ,—ничего.

— Москва русскій городъ, патриархальный, въ немъ много, такъ сказать, историческаго, замѣтилъ старикъ. Митинька велика намъ для перваго знакомства съ Иваномъ Артемьевичемъ бутылочку холодненькаго, обратился онъ потомъ къ сыну.

— Напрасно беспокоитесь Федоръ Васильевичъ.

— Какъ же, батюшка, помилуйте, нельзя-съ, вы у насъ еще въ первый разъ, а намъ бы желательно съ вами быть знакомымъ и не на одинъ разъ.

— Съ большимъ удовольствіемъ.

— Сочтемъ за особенное счастье, промолвилъ Дмитрій Федоровичъ.

— Митя, ты бы, братецъ, собралъ партійку, вотъ можетъ быть и Иванъ Артемьевичъ соблаговолили бы, послалъ бы за кѣмъ нибудь, а самъ бы распорядился ужиномъ, такъ хоть чѣмъ Богъ послалъ, Иванъ Артемьевичъ не взыщутъ.

— Все это можно-съ; да вотъ кстати Иванъ Дмитріевичъ обѣщался быть, да за Фрицомъ Егорычемъ можно послать.

— Вотъ и отлично, вотъ мы и составимъ партійку.

— Вотъ какъ будетъ угодно Ивану Артемьевичу спросилъ Дмитрій Федоровичъ...

— Съ большимъ удовольствіемъ.

— А межъ тѣмъ продолжалъ старикъ, не угодно ли вамъ будетъ нашъ садъ посмотреть; мы на дачахъ то не живемъ, а сады свои устроиваемъ, какъ слѣдственно... Пожалуйте, а ты, Митя, и вели туда холодненькаго то подать.

— Оно и будетъ въ самомъ мѣстѣ, промолвилъ тотъ, пожалуйста-ка Иванъ Артемьевичъ.

Между сыномъ и отцомъ съ перваго же разу была замѣтна большая разница: старикъ предлагалъ все безъ задней мысли, съ полнымъ русскимъ добродушіемъ съ

несомнѣннымъ признакомъ русскаго хлѣбосолюбства—у него на первомъ планѣ видно было желаніе угостить, ублаготворить, какъ онъ выражался, гостя; не дать ему скучать у себя, между тѣмъ какъ сынъ дѣйствовалъ изученно, подготовленно: у него во всемъ сквозила задняя мысль, которая, какъ кажется съ перваго взгляда, не покидала его въ самыя откровенныя и задушевыя минуты.

— Вотъ и садикъ нашъ, батюшка Иванъ Артемьевичъ—по большей части дѣло собственныхъ рукъ. Домикъ этотъ купленъ мною послѣ непріятеля, батюшка, на этомъ мѣстѣ, сударь мой, была роща и огородъ, а мы вотъ, грѣшнымъ дѣломъ, и садикъ раскинули для своего, батюшка, удовольствія—тоже иногда захочешь подышать чистымъ воздухомъ, а воздухъ здѣсь отмѣнный, батюшка!

— Да, очень хорошо промолвилъ Нефедовъ.

— Вотъ мостики устроилъ, бѣсъдочку, парники, оно и живетъ.

— Отлично!

— Вѣдь мы все у себя дома, то за картишками, то въ саду копаемся.

— Чего жъ еще!

— Ваше еще дѣло молодое, бродить все это, а мы ужъ батюшка около семейства, да въ городъ по дѣлу, а лѣтнимъ дѣломъ на ярмарки—дальше ни куда.

— Да куда же дальше?

— Не знаю какъ кому, а нашему брату не куда.

— И превосходно! свѣтло и покойно у того на душѣ, кому Богъ дастъ такое счастье.

— Благодарю Бога моего Создателя, грѣхъ роптать и жаловаться! Пожалуйте-ка батюшка, пригласилъ онъ, увидавъ приготовленную въ бесѣдкѣ бутылку шампанскаго и стаканы. Мальчикъ, одѣтый въ поддѣвку и въ высокихъ сапогахъ, чисто и акуратно, откупорилъ бутылку..

— Хорошо, ступай себѣ домой, промолвилъ Федоръ Васильевичъ, да пошли-ка ко мнѣ Митиньку.

— За ваше здоровіе и въ честь нашего знакомства! промолвилъ онъ приглашая Ивана Артемьевича.

— Душею радъ всегда быть знакомымъ, отвѣчалъ Иванъ Артемьевичъ.

— Благодарю, голубчикъ, поцѣлуемся по русскому обычаю, я вижу ты открытая душа. Они не принужденно, искренне, крѣпко поцѣловались.

— Вотъ такъ! ну-ка еще по стаканчику....

— Теперь за ваше уже здоровье промолвилъ Иванъ Артемьевичъ.

— Ну, хоть и за мое, да мы и еще бутылочку съ тобой выпьемъ, что за бѣда! Эй! слышь ка—ты мальчикъ, Петя, Митя, Ганя, ведите-ка еще бутылочку дать.

На этотъ призывъ явился Дмитрій Федоровичъ и сразу осмотрѣлъ и ихъ обоихъ и мѣсто и бутылку своими быстрыми сѣрыми глазами.

— Что за душа, братъ Митя, Иванъ Артемьевичъ, находка, золото! почти крикнулъ старикъ увидавъ его.

— Очень пріятно.

— Вели-ка намъ еще бутылочку.

— Очень хорошо, да кое кто еще пріѣхали.

— Кто же?

— Сюрпрись—тятинька-съ! говорилъ онъ улыбаясь.

— Кто же такое можетъ это быть? съ непритворнымъ любопытствомъ спрашивалъ старикъ.

— Не отгадаете.

— Да, ну говори, не томи!

— Свагушка.

— Ой ли? старикъ какъ то прищелкнулъ пальцами: — значить мы нынѣшній вечеръ проведемъ какъ слѣдуетъ!

— Надо такъ-съ полагать.

Для Ивана Артемьевича все это было новое, неизвестное; называемыя лица были для него положительно неизвестны.

Мы здѣсь останавливаемся, чтобы вопервыхъ оговориться разъ навсегда и потомъ уже идти далѣе; съ этого мѣста первая часть нашей монографіи, такъ сказать, ломается на двѣ, можетъ быть равныя, а можетъ быть и не равныя половины...

Цѣль нашей монографіи какъ можно многостороннѣе выказать положеніе нашего купечества и его краеугольный камень— семейный бытъ. Кратковременность существованія нашихъ купеческихъ фамилій не новость ни для кого—это ненормальное явленіе перешло какъ бы въ норму относительно нашего купеческаго общества. Въ современномъ поколѣніи оно еще чаще, нежели въ старомъ. Крѣпкій семейный бытъ этого общества замѣтно пошатнулся и во многомъ измѣнилъ форму, фамиліи дѣлятся, дробятся и незамѣтно вымирая одиночно, вымираютъ и въ своемъ цѣломъ. Этому грустному явленію много причинъ. Одна изъ важнѣйшихъ—это измельчаніе характеровъ, исчезновеніе людей около котораго, какъ около центра, группировался семейный бытъ и которые вели цѣлый родъ къ его дальнѣйшему развитію и совершенствованію. Это никакъ не были самодуры. Самодуры явленіе позднѣйшее. Это кара купеческаго общества, которая болѣе всего способствовала дробленію и измельчанію нашихъ купеческихъ фамилій. Собирая драгоценныя черты стараго времени, мы вездѣ стараемся замѣтить ихъ—они еще къ счастію цѣлы, живы, въ ихъ развитіи спасеніе нашего купеческаго общества, сохраненіе основъ и крѣпости семейнаго быта, соединеніе разрозненности и дробности въ одно цѣлое, при нихъ только и возможенъ разумно-прогрессивный ходъ и долговѣчное существованіе, въ силѣ и красѣ, русскихъ купеческихъ фамилій...

Собирая эти черты, мы беремъ ихъ отовсюду и потому да не посѣтуютъ на насъ тѣ, которые, можетъ быть, узна-

ють ту или другую изъ чертъ своего характера въ нашей монографіи; она не имѣеть ничего общаго съ такъ называемой обличительной литературой и интрига ея и дѣйствующіе лица—полный вымыселъ.

Вечеръ у жемчужины нашего стараго купеческаго общества, у Жемчужникова прошелъ очень весело: однимъ изъ методовъ этого дома было вести главные переговоры и большую часть торговыхъ дѣлъ у себя на дому... при этомъ старикъ являлся истиннымъ русскимъ хлѣбосоломъ, а сынъ располагалъ рѣшимостью и ловкостію приемовъ въ свою пользу пріѣзжихъ городовыхъ, рѣдкій изъ которыхъ уѣзжалъ безъ ихъ куска хлѣба, ласковаго слова и добраго пожеланія... Покупатель, такимъ образомъ, знакомился съ цѣлымъ семействомъ, остававшіеся на большія праздники и, главнымъ образомъ, на Рождество и на зимняго Ниголу, находили у нихъ радушный пріютъ— вмѣсто одинокаго трактирнаго стола—семейный обѣдъ, вмѣсто затихающей въ первые дни большихъ праздниковъ общественной жизни Москвы, ярче вспыхивающую ея семейную жизнь... Городовой помнилъ это и цѣнилъ—мудрено ли, что такимъ образомъ, домъ Жемчужникова образовалъ цѣлую сѣть расположенныхъ къ себѣ семействъ на всемъ пространствѣ Россіи, которые охотнѣе вели дѣло съ нимъ, нежели съ другими... Были и такіе изъ нихъ друзья дома, которые, иной разъ, издалека пріѣзжали на семейные праздники Жемчужниковыхъ...

Вечеръ на которомъ случилось быть Ивану Артемьевичу, какъ-то особенно удался; во первыхъ по поводу неожиданно собравшихся недюжинныхъ гостей онъ принялъ довольно широкіе размѣры празднества, вовторыхъ нежданно на немъ кончилось дѣло сватовства дочери Жемчужникова за Борщова, одного изъ членовъ богатѣйшихъ купеческихъ фамилій и все вышло какъ-то особенно весело... Сватушка Василій Галактіоновичъ Борщовъ—отецъ жениха (также одинъ изъ Московскихъ тузовъ), былъ страстный охотникъ пѣнія, у Жемчужникова, бывшаго нѣскольکو лѣтъ приходскимъ старостою, былъ свой хоръ пѣвчихъ

изъ прикащиковъ, мальчиковъ и рабочихъ... Борщовъ, уже совсѣмъ сѣдой старикъ, немного своенравный, тяжеловатый на подъемъ и любившій во всемъ почетъ, нѣсколько подпивши обратился къ старику Жемчужникову...

— Свять, а какъ ты думаешь на счетъ усладительнаго?

Старикъ не сразу попалъ

— Какого тебѣ еще усладительнаго сватушка?...

— Ну, вотъ толкуй съ тобой... Митя объясни, братъ, ему — вишь не понимаетъ.

— Это они, папинька, началъ Дмитрій Федоровичъ, надо полагать, на счетъ хору.

— А... понялъ, своей живительной водицы захотѣлось испить... Ну что жъ, Митя, устрой братъ, да дома ли Ганя-то? Мастеръ-то нашъ?

— Дома-съ... Онъ съ Иваномъ Артемьевичемъ у себя.

— Ба! а я и не замѣтилъ, какъ онъ улизнулъ. Что же это *они* нашей компаніей брезгуютъ?

Дмитрій Федоровичъ улыбнулся своей многозначущей улыбкой.

— Это зять-то что ль Курагинскій? спросилъ Борщовъ.

Э, что, оставь его, человекъ онъ — не нашего поля ягода. Давай-ка хоръ Митрей, авось онъ нашихъ пѣсень послушаетъ!

Пѣніе въ самомъ дѣлѣ соединило разрозненные кружки семейства, въ садъ высыпали всѣ, какъ говорится и старый и малый, между прочимъ мелькнуло и симпатичное, полное свѣжести и молодости лице старшей дочери Жемчужникова, — невѣсты любимаго ею жениха — сына Борщова, дѣло еще въ эту минуту не было рѣшено, но жилось ей тогда въ ожиданіи этого многозначительнаго и несомнѣннаго рѣшенія, ей жилось радостно, такъ что всякая пѣсня русская брала за сердце.

Полились русскіе пѣсни шумной, широкой, русскою рѣкою, подъ управленіемъ Гаврилы Федоровича, прежде взяв-

шагося за это дѣло довольно вяло и постепенно, все болѣе и болѣе оживлявшася съ каждой пѣсней; полились пѣсни: то заунывныя, въ родѣ „не бѣлы снѣги“, „виняте меня въ народѣ“ то народныя для тенора съ хоромъ, то завожскія мотивы, то растянутыя, то веселыя—„вдоль да по рѣчкѣ, вдоль по Казанкѣ, сѣрый селезень плыветъ“ пѣлись и коммическія въ родѣ „Дубинушки“ и т. п.

Компанія расходилась, сватушка пустился дѣловать всѣхъ, начали приставать къ Ивану Артемьевичу, чтобы онъ полюбилъ ихъ, полюбилъ русское удалство, жизнь русскую.

— Да, ты вотъ что, Ваня, шепталъ наклонясь къ нему старикъ Жемчужниковъ, брось ты братъ свою печаль—тоску, залей ты ее зеленымъ виномъ, какъ дѣлывали это дѣды наши, живи, братъ ты мой по проще, по нашему, выкинь ты изъ головы эту иностранщину; ни къ черту, повѣрь ты мнѣ, не годится она въ нашей жизни, не къ черту, повѣрь ты мнѣ..

— Помилуйте, Ѳедоръ Васильевичъ, да я люблю все это, люблю русское... я душою радъ..

— Нѣтъ, братъ ты... ты не того, у тебя все это какъ-то иначе, по своему..

И дѣйствительно — какъ не старался Иванъ Артемьевичъ сблизиться съ этимъ обществомъ, какъ не принуждалъ себя, ничего не выходило, не вытанцовалось... Уѣду я отсюда, наконецъ рѣшился онъ послѣ всего видѣннаго и испытаннаго: уѣду я въ Нижній, а потомъ домой, а потомъ—куда глаза глядятъ..

А разгулье вечера взяло свое: переломило упрямство старика Борщова, который, смотря на все свысока, и въ дочери Жемчужникова не находилъ пары для своего сына. Разгулявшись и расплясавшись онъ вѣроятно нашель ее, и старики окончательно ударили по рукамъ.

ГЛАВА V.

Между тѣмъ Варвара Ивановна жила своею, *особенною*, какъ тогда говорили въ купечествѣ жизнью.

Петровскій Паркъ, въ которомъ она поселилась былъ заселенъ, хотя вообще весьма немного, но исключительно дворянскими фамиліями; купечество не осмѣливалось нанять тамъ дачу, и пріѣзжало туда гулять только по праздникамъ...

Варвара Ивановна наймомъ дачи была обязана любезности князя Гѣ, который, какъ человѣкъ холостой, только что похоронившій мать, отдалъ ей свой большой семейный домъ, а самъ занялъ небольшой флигель по софдству...

Варвара Ивановна была бы очень красивая женщина, если бы въ правильныхъ чертахъ ея лица не проглядывало грубое самолюбіе и какая-то глупая надменность богатой купчихи. Высокій ростъ, твердая самоувѣренная поступь, гордая голова съ большими карими, страстными глазами, правильный носъ съ горбинкой, обращали на нее сразу вниманіе, гдѣ бы она ни являлась, но сейчас же и замѣчалось, что это барыня не хорошаго тона. Костюмъ ея былъ уже слишкомъ богатъ, все въ немъ переливало черезъ край, движенія угловаты, рѣчь какъ-то отрывиста, такъ что аристократія парка, а особенно тонныя барыни того времени, которыя по Грибоѣдову „словечка не вымолвили просто—все съ ужимкой“ не терпѣвшіе выскочку „купчишку“ прозвали ее *un grenadier*. Они шли даже далѣе, рассказывали что у этой выскочки подъ дорогими платьями—грязныя юбки, что воротнички ее также не совсѣмъ чисты, что она не моетъ шеи, и что на рукахъ ея, въ ногтяхъ... фи... грязь!

Кое что изъ этого было похоже на правду—это общій грѣшокъ за нашими купчихами, того, да пожалуй частію и нашего времени.

Аристократическая молодежь Москвы и парка—эти теперь уже почти баснословные гусары, гвардейцы, кирасиры, которые только и стояли, бывало, на томъ, чтобъ выкинуть что нибудь почуднѣе и жившіе почти исключительно въ свой мамонъ, да въ горло, были противоположнаго мнѣнія о Варварѣ Ивановнѣ: они видѣли въ ней женщину „чортъ возьми пикантную“ и что то нѣчто новое—аристокритка—купчиха, милліонщица—лакомый кусокъ, и каждый, скрывая другъ отъ друга, добивался ея расположенія: тутъ не только эта дешевая взаимность, тутъ деньги, кушъ на всю жизнь, обезпечиться можно, и пожить, чертъ возьми, лихо. Одинъ только князь Ге держалъ себя, какъ-то въ сторонѣ, нейтрально: съ барынями онъ подсмѣивался надъ Варварой Ивановной, и когда молодежь подъ веселую минуту, за бутылкою шампанскаго, у Яра, приставали къ нему съ намеками по поводу жилицы, баронъ съ полнымъ достоинствомъ замѣчалъ — *Fi, mon cher*, за кого ты меня принимаешь—связь съ какою нибудь купчихой.

Между тѣмъ Варвара Ивановна весьма ощутительно дѣйствовала на него, у него не проходила безъ вниманія и ея не дюжинная красота, но болѣе этого былъ расчетъ на ея деньги. Фамилію Фонъ-Ге считали по преданіямъ богатой, но на самомъ дѣлѣ баронъ послѣ смерти своей матери могъ совершенно увѣриться, что это богатство только воображаемое, поддерживать мнѣніе о немъ онъ считалъ своею фамиліною обязанностію. Баронъ былъ въ свое время также не дурень собою—высокій, стройный, нагулявшійся тѣло, густые, черные волосы цѣлою шапкою надъ большимъ открытымъ лбомъ, глаза, хотя нѣсколько сонныя, но блестящія, маслянные большія, темныя; маленькіе пушистые усы надъ правильными пухлыми губами... по современной теоріи противоположностей организмовъ, имъ легко было сойтись.

«Варвара Ивановна также не искала идеальной, платонической любви—просто на просто она не сошлась съ мужем и ей страстно хотѣлось пожить; въ паркѣ же нерѣдко бывають такія нѣжащія ночи, тамъ любятъ вить гнѣзды соловьи, и съ весны сладострастно щелкають тамъ и поють на пролетъ цѣлыя ночи...

Сближеніе полныхъ силъ молодыхъ людей при такихъ условіяхъ при этой обстановкѣ не мудрено, и оно, къ отъѣзду Ивана Артемьича на Нижегородскую ярмарку было несомнѣнно: они, какъ это обыкновенно говорится, *полюбили другъ друга...*

Варвара Ивановна совершенно отшатнулась отъ своего общества: ни у кого изъ своихъ не бывала, не бывалъ никто и у нея, дворянское общество также не заводило съ нею никакихъ отношеній, такъ что жизнь ее пошла своимъ, особеннымъ чередомъ, она скорѣе всего походила на содержанку князя Ге, если бы жила не въ его главномъ домѣ а въ изящномъ флигелькѣ и на его счетъ... Жизнь эта, какъ справедливо замѣчали въ купеческомъ обществѣ, была дѣйствительно *особенная...*

Дача, занимаемая Варварой Ивановной стояла нѣсколько отдѣльно отъ другихъ, на краю тогдашняго, теперь значительно разросшагося парка; дача представляла продолговатое одноэтажное строеніе, заканчивающееся съ лицевой стороны рѣшетчатою широкою терасою, большая часть которой была затянута синелью и акаціей, но затянута не дико, а методично и великолѣпно оттѣняла богатую драпировку дачи—бѣлый тикъ съ голубымъ, которымъ, по вкусу князя, была драпирована вся дача. Внутренность ея представляла большую продолговатую залу, уставленную легкою соломенною мебелью, съ такими же столами и диванами, по стѣнамъ развѣшаны большія и миниатюрныя акварели, на столахъ лампы, бижутери изъ соломы и дерева—все это, разумѣется, заграничное и стоившее много дороже тяжелой, на весь вѣкъ сколоченной русской мебели, справа примыкала небольшая гостинная, кончавшаяся къ углу дома стеклянною терасою, уставлен-

ной снизу доверху цвѣтами, справа помѣщался будуаръ Варвары Ивановны и ея спальня... Вышка дома оканчивалась мезониномъ, небольшое итальянское окно, выходящее на лицевую сторону, было постоянно закрыто и завѣшано, и въ этой то низенькой, продолговатой комнатѣ, сдавленной съ обѣихъ боковъ желѣзною крышею, помѣщались дѣти Ивана Артемьита, которыхъ Варвара Ивановна оставила при себѣ... Обстановка верха рѣзко отличалась отъ низа: кровати были куда далеко не такъ изящны, какъ мебель залы и гостиной; въ дѣтской жарко, душно, рядомъ небольшая комната съ постелями нянекъ, тутъ же сушатся простыни и дѣтское бѣлье, около лѣстницы корыто, подсвѣчники, старые башмаки — все это покрыто пылью; видно, что хозяйка дома не сметала этой лѣстницы своими богатыми платьями, не шумѣлъ между перилами ея роскошный, утренній пеньюаръ — однимъ словомъ, что не было въ этихъ дѣтскихъ материнскаго глаза, не билось за нихъ материнское сердце.

Дѣти большую часть лѣта проводили на своихъ антресоляхъ, ихъ не водили гулять по парку вмѣстѣ съ другими дворянскими куколками, потому что у нихъ не было костюмовъ, чтобъ походить на этихъ куколокъ, только иногда няньки, закутавши кое во что проводили ихъ по двору, да изрѣдка одна изъ нихъ, посмѣлѣе Мавра, въ отсутствіи Варвары Ивановны сводила ихъ внизъ и усаживалась съ ними на порогъ терасы, чтобъ дать имъ возможность побѣгать и порѣзвиться...

Такимъ образомъ сидѣла Мавра, а дѣти бѣгали, подъ вечеръ одного лѣтняго дня въ іюлѣ мѣсяцѣ. Было часовъ около семи.... Паркъ наполненъ былъ гуляющими и въ экипажахъ и пѣшкомъ, Варвара Ивановна также каталась.... и чтобы быть приличной, и не явиться въ обществѣ одной, взяла, также, по рекомендаціи князя, компаніонку-француженку, которая почти ничего не говорила по русски, тогда какъ Варвара Ивановна совсѣмъ не понимала по французски.... Это обстоятельство подавало Парковскому обществу поводъ къ новымъ насмѣшкамъ

надъ Варварой Ивановной, ее экипажъ и ея компаніонку, постоянно появлявшихся въ паркѣ прозвали смѣсю французскаго съ нижегородскимъ и о способѣ объясняться Варвары Ивановны съ французенкой ходило по парку множество анекдотовъ; къ дамамъ присоединилась и молодежь, для которой отношенія Варвары Ивановны и князя, уже не были тайной. Прежнія ухаживанія смѣнились открытыми насмѣшками, доходящими иногда до дерзости. Одну изъ такихъ потерпѣла Варвара Ивановна отъ полупьянаго гусара, который особенно привязывался въ настоящую прогулку и пріѣхала крайнеразсерженная домой.

— Это, наконецъ, невыносимо!... говорила она не обращаясь ни къ кому, особенно сердито сдергивая перчатки и прохаживаясь въ волненіи по залѣ, здѣсь жить нельзя, всякій мальчишка....

— O, oui Madame, c'est insupportable.... вторила ей французенка, высокая, пожилая, но еще вертлявая М-me Бишь, которая еще была подъ часъ не прочь и попокетничать. Il faut dire au prince, продолжала она.

Варвара Ивановна не понимала ея, но думала тоже....

— On peut fair un duel. Le prince faira: il est un brave homme, болтала французенка.

Князь пріѣхалъ особенно поздно въ этотъ вечеръ: онъ ужиналъ съ молодежью, и въ томъ числѣ и съ пьянымъ гусаромъ у Яра; на другой день на Ходынскомъ полѣ была назначена скачка, Мосоловъ въ то время особенно щеголялъ скаковыми лошадьми, князь былъ въ главѣ его противниковъ и держалъ большое пари противъ его лошади, ему были нужны деньги и, большею частію, по этому, пріѣхавши домой онъ зашелъ къ Варварѣ Ивановнѣ.

Она прямо накинулась на него....

— Я не понимаю васъ, это безсовѣстно — ваши пріатели... вы не замѣчаете.... не хотите замѣтить.... я не хочу такъ жить.... я уѣду.... говорила она безсвязно, по

прежнему ходя въ волненіи по залѣ, вся разкраснѣвшись и то обращаясь къ князю, то будто говоря сама съ собою.

Князь былъ особенно терпѣливъ въ этотъ вечеръ и всевозможно успокоивалъ ее.

— Но, мой другъ, онъ былъ немножко не въ себѣ... онъ извинится... онъ добрый малый...

— Не хочу я его извиненій, я не понимаю ихъ, но мнѣ нельзя никуда явиться.. наши отношенія..

— Но, Боже мой, это не такъ важно какъ ты думаешь: у насъ зачастую, съ дѣвицами позволяютъ Богъ вѣсть что, не только съ дамами.

— Хороши же вы! рѣзко замѣтила Варвара Ивановна и говорить то съ вами не стоитъ, проговорила она уже покойнѣе, быстро взяла свѣчу, шумно хлопнула дверью и заперла свою спальню...

— Страсть какъ расходилась наша барыня нежданная, рассказывала горничная въ тотъ вечеръ въ кухнѣ, дверь у него предъ носомъ захлопнула...

— Ничего, онъ ея урезонить отвѣчалъ княжой камердинеръ; онъ малый ловкій и не такихъ обѣзжалъ, намъ теперь только деньги больно нужны, для того за имѣніе споръ идетъ, а то бы мы ее такъ тарарахнули, что и дверей то бы не нашла... Такъ-то, быстроглазая, щипнулъ онъ при этомъ горничную, мы знаемъ какъ съ вашимъ братомъ дѣло вести....

Между тѣмъ, Иванъ Артемьевичъ жилъ на Нижегородской ярмаркѣ. Ярмарка только что, какъ говорится, раскочивалась, но уже приняла физиономію стараго ярмарочнаго Нижегородскаго торгова и веселья... Встарь Нижній былъ не то, что теперь—теперь только тѣнь стараго: онъ преобразовывалъ челоуѣка, превращалъ его въ другаго, вызывалъ наружу все то, что у него было спрятано внутри—это былъ пробный камень и самый безошадный отличитель нашего купеческаго общества: въ Нижнемъ оно сказывалось во всѣхъ своихъ статьяхъ. Всѣ наши зна-

комые, само собою разумѣется, были въ Нижнемъ—встарь трудно было представить Нижній безъ туза, какъ и туза безъ Нижняго. Нынче это положеніе уже измѣнилось...

Самые сборы въ Нижній, ѣзда въ компаніи на тройкахъ — дорога, со всѣми русскими неудобствами и вмѣстѣ съ тѣмъ, съ ея старой поэтической обстановкой, вносило уже что то новое въ неподвижную, круглый годъ, по затвержденной колеѣ шедшую жизнь нашего купечества. Въ поѣздкѣ въ Нижній и жизни въ немъ чувствовалось уже болѣе свободы, которая сдерживаемая долгое время шла тамъ черезъ край; — иногда она и переполняла край даже ранѣе и нерѣдко съ первой станціи и даже изъ трактира Рогожской привозили до безчувствія напившихся купцовъ снова на лоно, только что оставленного ими семейства. Нижегородская ярмарка развязывала руки, не только не прекрасному полу человѣческаго рода, но даже и прекрасной его половинѣ: многія молодыя женушки, только и ждали этого завѣтнаго времени чтобы *погулять*, и съ того уже времени начинались подыскиванія себѣ *миленькихъ*, которыя въ послѣднее время, въ той или другой личности, а особенно въ одной богатой вдовѣ поставили предъ глаза общества все безобразіе подобныхъ отношеній; Аннушка Фомина начала уже съ того времени погуливать... но объ ней рѣчь впереди.

Ярмарка того времени, лѣтъ уже за двадцать какъ перешла отъ Макарьевского Желтоводскаго монастыря, что на лѣвомъ *луговомъ* берегу Волги—матушки, наисупротивъ славнаго села Лыскова, на ея настоящее мѣсто. Каменные зданія, выстроенныя подрядчикомъ Антипомъ Петровичемъ Кукушкинымъ, вытершимся въ замѣчательный людъ изъ кабацкихъ сидѣльцевъ *), подъ наблюденіемъ извѣстнаго строителя Бетанкура, видимымъ образомъ, связали ее изъ бродячаго, временнаго, лубочнаго и деревяннаго населенія въ одно фактическое цѣлое... но

*) См. Біографическій очеркъ Антипа Петровича Кукушкина, „Наше Купечество и Торговля“. Вып. 2-й.

это только видимымъ образомъ; на самомъ же дѣлѣ она еще во многомъ была тѣмъ же беспардоннымъ, безшабашнымъ торгомъ ясно доказывающимъ не любовь русскаго человѣка ко всякой официальнойности, и какъ встарь, такъ и теперь, скрывала множество свободныхъ ухватокъ и приемовъ и въ торговли и въ жизни, которыя и до сихъ поръ ускользають отъ усиленнаго, ex professo, дозора полиціи и нашихъ литераторовъ.

— Эка, Господи Боже мой, ни куда то ты отъ этой напасти не уйдешь, не укроешься, воздыхало купечество, ни гдѣ-то тебѣ по свободнѣе воздохнуть не дадутъ...

Ярмарка эта въ то время была еще въ полномъ смыслѣ *разливаннмъ моремъ*, которое начинаетъ входить въ берега только съ построения желѣзной дороги, круто измѣнившей ея характеръ; все способствовало этому разливу: дальность разстоянія и отсутствіе общественнаго глаза и сбытое на время съ рукъ семейство и бойкія веселяція дѣла и дружеская встрѣча почти всѣхъ представителей разноплеменности Россіи: Сибирь и Кяхта, съ одной стороны, торговцы—купцы-казаки Дона и Урала, съ ихъ удалью и воинскимъ духомъ, Хохландія, во всемъ ея разливѣ, Кострома — *затѣйлива сторона*, Ярославцы *чистоплоты, бѣлотылы*, Володиміръцы — бойкіе, какъ пострѣлы, всюду поспѣлые, наши офени, — коробейники, Ростовъ великій, гдѣ по народной пословицѣ *земля тиллая, вода тухлая, а народъ крѣпкій, какъ дубъ* *), фабричная Шуя, Вознесенскій посадъ и знаменитое Иваново, которое съ поконъ вѣку ведетъ съ нимъ споръ о первенствѣ, Коломна—городокъ—Москвы уголокъ, славный городъ *Питирбургъ*, Орелъ съ ружьями, Калуга съ тѣстомъ, сосѣдь Рыбинскъ, батька—Ярославль, дѣдь—Новгородъ и проч. и проч., — все это и надо всѣмъ этимъ Москва —

*) Другая мѣстная поговорка, также не менѣе характерно опредѣляетъ ростовца: Ростовецъ, если не такъ уменъ, говоритъ она, за то великъ, если скверно скроенъ, за то крѣпко шить, посадить кофѣйку, а вытащить рубль, посадить рѣдкѣ а тащить морковь. .

бѣлокаменная, Москва — золотыя маковки, все это съѣзжалось на лихихъ тройкахъ, съ присвистомъ, братски встрѣтиться, дѣла подблать и веселью часъ удѣлить.. Встрѣчались тутъ и города похожіе на села — Воскресенскъ, какой нибудь, Звѣнигородъ, только и дышащій монастыремъ, и села похожія на города: Иваново, Великое, Порѣчье, Воржма и другія... Наши Тузы: Куракинъ, Борщовъ, Жемчужниковъ, Ушатовъ, Рубцовы братья.. нахлынули съ одной стороны Иванъ Петровичъ Зыковъ, Бѣлоголовый съ другой; милліонные люди двинулись изъ Сибири, изъ Тюмени, Ирбита и Иркутска—эти герои выпивки, предъ которыми пасовала и Москва, эти *питухи* стараго времени, которыя начинаютъ уже переводиться; между ними юркали и маленькіе люди, пробирающіеся между ихъ тяжеловѣсныхъ мѣшковъ въ большія: удралъ въ первый разъ въ жизни, на послѣдніе, извѣстный ловкій ткачъ, вывозившій въ то время по десяточку кусковъ бумажнаго товара, а теперь покупающій по сотнямъ тысячъ пудовъ хлопка, пріѣхалъ и Андрей Петровичъ Шестовъ, еще не бывшій голова, но уже внушавшій невольное почтеніе прямизной своихъ дѣйствій.. Прибылъ и старшій Нефедовъ—Яковъ, пріѣхалъ и Иванъ.. Прикащество привалило раньше на особыхъ подводахъ, еще ранѣе прибыли артельщики съ товаромъ и съ нескрываемой враждою великорусскаго племени, встрѣтились съ неменѣе ихъ ловкими рабочими Казанскими татарами — (вражда народностей не разъ разрѣшавшаяся смертельными побоищами съ обоихъ сторонъ) мелькнула длинная армянская шапка, зарябилъ глаза цвѣтной бухарскій костюмъ, отлужилось молебствіе на нѣсколькихъ языкахъ и ярмарка двинулась въ ходъ.

Иванъ Артемьевичъ опять также, какъ и въ Москвѣ, былъ болѣе зрителемъ кипѣвшаго дѣла нежели дѣйствующимъ лицомъ, онъ принялъ на себя только полученія по документамъ и разщеты, главная же и самая тяжелая часть дѣла легла на брата.

Яковъ Артемьевичъ пріѣхалъ въ ярмарку полубольной

и все болѣе и болѣе разнемогался, онъ и въ ярмаркѣ оставился какъ дома: надъ его большими анбарами было, какъ и у большей части ярмарочныхъ торговцевъ, жилое помѣщеніе, въ которое онъ перевозилъ съ собою даже часть своей молельни. Рядомъ съ нею была его спальня — ложе его было сколочено изъ досокъ на возвышеніи и со всѣхъ сторонъ затянуто ситцемъ своей же фабрики...

Въ комнатѣ этой никогда не открывались окна, нѣкоторые были даже съ двойными рамами, съ желѣзными рѣшетками, въ ней было все какъ-то нагромождено — сундукъ съ деньгами, платья, шубы, перины, самоваръ и посуда, изъ которой ѣлъ и пилъ Яковъ Артемьичъ; въ комнатѣ было особенно душно и все смотрѣло какъ-то мрачно, смуро...

Въ ней-то, послѣ довольно долгаго разставанья, по заборкѣ встрѣтились братья...

— Ну что Иванъ, что на Москвѣ? спросилъ послѣ обычнаго здорованья Яковъ Артемьичъ.

— Ничего, братецъ, по старому...

— Жену-то, тамъ что-ли оставилъ?

— Да, тамъ, куда же ее вести.

— Вѣстимо, куда ей барынѣ! Кто попроще ѣздить и сюда съ мужьями...

Оба брата помолчали нѣсколько минутъ.

Вошелъ прикащикъ и началъ накрывать ужинъ...

Когда все было подано (Яковъ Артемьичъ любилъ, чтобъ весь обѣдъ или ужинъ ставился предъ нимъ сразу) и дверь была притворена, Яковъ продолжалъ.

— Ну что же ты говорилъ съ Матвѣемъ Ивановичемъ о деньгахъ-то?

— Нѣтъ, не говорилъ.

— Что же?

— Да такъ, не пришлось...

— Г-мъ, да! это резонъ! промолвилъ Яковъ и началъ ѣсть...

— Ты не хочешь? спросилъ онъ—въ промежуткѣ.

— Нѣтъ, я не ужинаю...

— По новому, замѣтилъ братъ и продолжалъ ѣсть, по-видимому что-то соображая...

— У меня съ нихъ есть получение продолжалъ онъ снова взглянувъ на брата.

— Такъ чтожъ? спросилъ Иванъ Артемьичъ.

— Ничего... Получение моль есть, по учету...

— Отдадутъ...

— Какъ не отдать! Не одни получения и платежи есть...

— Ну, такъ что жъ?

— Платить-то пожалуй, придется больше, чѣмъ получать,—вотъ что!

За этимъ Яковъ Артемьичъ выпилъ рюмку водки, которую онъ пилъ нѣсколько разъ въ промежуткахъ между кушаньевъ; выпилъ онъ водку какъ-то сердито, стукнулъ рюмкой о столъ и всталъ..

— Ну, прощай, сказалъ онъ, я спать...

Иванъ Артемьичъ вышелъ отъ брата съ тѣмъ рѣшеннымъ имъ уже давно, „будь что будетъ“ которое какъ-то неволью выходило изъ его характера; о себѣ онъ уже давно пересталъ думать, щемило сердце только за дѣтей, о настоящемъ положеніи которыхъ онъ еще мало зналъ, но болѣе догадывался.

Было часовъ девять. Дѣловая сторона ярмарки, только что раскачивающейся, начинала къ вечеру сдержанно стихать, чтобъ на завтра, и день ото дня, все болѣе и болѣе, усиливать свое движеніе... Но вмѣстѣ съ этимъ, съ затишьемъ съ одной стороны къ вечеру усиливалась жизнь и движеніе другой — гулевой стороны ярмарки...

Въ то время не было еще такого разнообразія ярмарочныхъ увеселеній какъ теперь, ярмарка еще не цивилизовалась, а представляла широкую картину чисто русскаго, ярмарочнаго разгула, со всѣми его темными сторонами и кое гдѣ въ этой тьмѣ мелькающими свѣтлыми точками. Были три главные рода веселья: кабакъ, трактиръ и Кунавино... театръ стоялъ какъ-то въ сторонѣ, изъ купечества, развѣ съ полупьяну кто заглядывалъ поглядѣть на трагедь, подъ которыми, подъ предводительствомъ Кукольника и Полеваго рвали нервы и надсаживали груди бѣдные актеры, которые въ наше время или недавно расплатились или еще расплавиваются за старые грѣхи. Широкий барскій разгулъ на вынужденный, выбитый, вытянутый крѣпостной трудъ отъ котораго стеноло большинство народонаселенія Россіи, ремонтерство, отчаянная карточная игра, породившая особый цѣхъ ремесленниковъ—шулеровъ, въ который болѣе всего попадало раззорявшееся дворянство, и самый грубый, ничѣмъ не прикрытый, неподкрашенный, ни балами а la Затыкевичъ, ни арфистками въ такомъ числѣ какъ теперь, развратъ не маскированный—голый, на какой только способенъ загулявшій съ горя, отъ радости или съ жиру русскій человѣкъ—все это находило себѣ приютъ, поживу и просторъ на Нижегородской ярмаркѣ. Нынѣшняя ярмарка съ ея желѣзной дорогой, съ ея балами, концертами и маскарадами *для слянія сословій*, съ ея обѣдами *для сближеній купечества съ литераторами*, съ ея печатными органами и читальнями, хотя и постоянно пустыми, даже съ ея стоящимъ на прежнемъ мѣстѣ, но уже нѣсколько разъ перегорѣвшимъ и натурою и нравственно Кунавинымъ, не можетъ дать и понятія о ея старомъ, добромъ времени: не стало ея прежняго духу, нѣтъ прежнихъ людей—богатырей, нѣтъ уже или состарѣлись боевые *штухи* этого времени.

„Бывало, рассказываютъ наши старики изъ купечества, вырвешься этта изъ семьи—жены-то въ то время еще съ нами не ѣздили, это ихъ угораздило послѣ сороковыхъ годовъ, когда уже народъ слабѣе сталъ: много смутныхъ

случаевъ по ярмаркѣ пошло—холера эта и т. п. бывало вырвешься и какъ только эти церемоніи прощаній да провожаній поокончатся, поприсядешь, помолишься со всѣми разцалуешься — и съ кучерами и съ дворниками, сядешь это въ казанскій тарантасъ, ямщикъ встряхнетъ тройку и докатишь будто еще въ туманѣ до Рогожской, словно это что одурманить тебя... воля-то, что значить; выкатишь это за заставу, проскачишь на полной рыси версту, другую, а особенно когда безъ стариковъ бывало, а передовымъ съ прикащиками или съ попутчиками — молодежью, повѣришь ли, другъ ты мой сердечный, сердце такъ заколотить отъ этой какой-то необыкновенной радости, что всякій тебѣ кустикъ, всякая травка улыбается а людей такъ бы всѣхъ взялъ да и цѣловалъ, ей Богу! Жаворонокъ это гдѣ надъ пашней въ поднебесьи парить и своими трелями заливается, такъ кажинная то, кажинная трель его, колѣно это такъ тебя за сердце и хватаетъ.. Отмахиваешь это, бывало, версть пять до первой деревни.. стой значить у перваго кабака.. это значить ямщикъ требуетъ колокольчикъ обмывать.. Ну все это, значить, выльзетъ и повѣришь ли, если бы кто, кажется, со стороны посмотрѣлъ на насъ въ ту пору — ну сумасшедшіе, да и на поди—сумасшедшіе такъ бы и понялъ: начнетъ это, бывало, всякій вертѣться, кувыркаться, такія статьи откалываетъ что животь надорвешь: и брюхомъ то это по землѣ ползаетъ и визжить-то.. а все значить это своя волюшка — золотая, это она бывало въ насъ играетъ.. Ямщику бывало водки и сами передернемъ по чаркѣ, ну, а потомъ вытащимъ гдѣ нибудь изъ сѣна сгоревшую мадерку и пошло писать. Съ ямщикомъ, братецъ ты мой, всю дорогу по братски живемъ для то онъ въ это время нашъ набольшій.. и ямщики же бывало въ наше время—хватятъ просто!.. Придетъ это, бывало къ старшимъ-то, такой тебѣ тихій да солидный, таково обстоятельно обо всемъ съ ними толкуетъ, „какъ молъ, можно, Никифоръ — тамъ Семенычъ, помилуйте, зачѣмъ поблажку давать — извѣстно люди молодые.. ну то-ись напоетъ это имъ распрекрасно, урезонить, ну а тамъ съ

нами значить по братки и все-таки бережетъ тебя... Ужь мы ихъ, бывало, и знали, ямщикъ для нашего брата первая вещь, для то, если и ямщикъ начнетъ по нашему безобразничать дѣло плохо; не одна, бывало тройка-то и притащить на станцію всю повозку и съ ямщикомъ дондеже ахнешь, а то бывало кого и на дорогѣ потеряють, ну это уже не хорошо!.. Наушника, ямщика, мы бѣгали, а надежнаго парня бывало и днемъ ищемъ съ огнемъ — потому первая вещь! Ну, бывало и на счетъ этого женскаго пола... все это, скажу тебѣ велось у насъ полюбовно. Опять таки первая вещь—ямщикъ*), въ ярмаркѣ по этой части наши старики—ходоки, потому что который изъ нихъ, бывало, загуляетъ, то до послѣдняго безобразія доходить и даже естества человѣческаго во всемъ въ этомъ не видать, а такъ знаешь... одно только ихъ безобразіе выходитъ, и наши богачи — тузы въ этомъ предѣловъ никакихъ не имѣють, Московскіе да Сибярики особенно въ этомъ отличались: такая это, бывало, хлыстовина у нихъ, да малъ-мала куча идетъ, что сморѣть скверно... ну, мы бывало, не такъ: въ ярмаркѣ, само собой, заведешь какую нибудь завѣтную, съ ней, значить и хороводишься, а по дорогѣ, ямщикъ, куда нибудь на постоянный, на сторону куда нибудь тебя завезетъ и такія, я тебѣ скажу изъ этихъ, изъ простыхъ, изъ нашихъ, изъ деревенскихъ удавались дѣвушки, что кажись бы съ ней и прожилъ бы всю жизнь... Кротость-то какая, любовь тебѣ отъ нея да ласка, что кажись во вѣки-вѣченски съ ней и не разстался бы... Была у меня такая-то: тутъ неподалеку, подъ Ковровымъ, Аннушкой звали, грѣшный человекъ и въ законѣ состоя къ ней не одна заѣзжалъ — для то любовь, любовь святая, настоящая „безприданная“.

И Ивану Артемьевичу удалось въ этотъ вечеръ выслушать нѣчто подобное: выйдя отъ брата онъ пошелъ

*) Эта родственность, это братство ямщика съ купечествомъ прекрасно выражено въ рассказѣ „Н. А. Чаева“, „Ямщикъ“, помѣщенномъ во 2-мъ вып. „Наше Купечество и Торговля“.

бродить по ярмаркѣ, уже совсѣмъ стемнѣло, освѣщено было плохо, кой-гдѣ изрѣдка коптились коноплянники, то и дѣло на встрѣчу ему попадались разѣздные казаки... Ярмарка еще гудѣла какъ то, сдержанно, будто подземнымъ гуломъ; то съ Волги, то съ Оки доносились бурлацкія пѣсни, вся лощина ярмарки, хотя уже и успокоивалась, но видимо еще жила сотнями тысячъ народонаселенія, которое прихлынуло на нее съ разныхъ мѣстъ и жило разнообразно-пестрою жизнью: скученно надъ лавками, откуда въ прорѣзы внутреннихъ стѣнъ кое гдѣ прорѣзывались полосы свѣта, въ трактирахъ изъ которыхъ неся шумъ и гамъ; подъ открытымъ небомъ, на баркахъ, на лодкахъ... все это кишело, говорило говоромъ, сливалось въ дружные хоры пѣсень, и образовывало какой-то гулъ, съ перерывами, съ интервалами, гуще и громче, врывающихся звуковъ близкой ѣзды, оклика козаковъ, топота лошадей по длинному плашкотному мосту, соединявшему Нижній съ ярмаркой и т. п.

Въ этомъ гулѣ невольно чуялась Ивану Артемьевичу вся мощь, все значеніе этого мѣста, въ которомъ на матери-рѣкѣ, какъ бы отдавалось могучее эхо жизни всей Русской земли... но Богъ вѣсть почему, никакъ онъ не могъ, ни понять, ни разгадать этого великаго эха, не могъ проникнуться имъ... онъ шелъ подавленный впечатлѣніями этого сборнаго мѣста Россіи, чувствуя какъ все болѣе и болѣе у него изъ подъ ногъ пропадаетъ земля, будто онъ ступаетъ по какому-то тряскому пространству, по болоту, по трясинѣ какой-то: онъ не могъ сойтись съ этою дѣйствительностію она пугала его даже въ этомъ гулѣ, ему хотѣлось лучшаго: неопредѣленные очерки котораго мелькали предъ нимъ въ иноземныхъ видахъ, но и это лучше, не давалось, какъ и страшная дѣйствительность... Иванъ Артемьевичъ былъ рѣдкое явленіе въ купеческомъ обществѣ, явленіе свѣтлое, но болѣзненное, одинъ изъ характеровъ, которыми была богата первая четверть настоящаго столѣтія.

Дойдя, такимъ образомъ, въ подобномъ туманномъ на-

строении до песковъ, Иванъ Артемьевичъ поворачивалъ за уголь около стоявшаго въ этомъ мѣстѣ трактира и направлялся было бессознательно къ тому мѣсту, которое образуетъ громадную желѣзную пристань, какъ въ отворенное окно трактира мелькнуло ему женское лицо съ большими черными глазами, красный платокъ на полныхъ плечахъ, а за нимъ будто знакомая фигура Гаврилы Ѳедоровича Жемчужникова. Иванъ Артемьевичъ приостановился и послѣ минутнаго раздумья вошелъ въ трактиръ. Шумъ и гамъ стоялъ на всемъ его пространствѣ, все, какъ говорится, ходуномъ ходило. И сверху шумъ и гамъ и снизу... На верхъ вела лѣстница уставленная кое какими деревьями, верхнія двери были затворены: тамъ шла игра... Внизу по срединѣ зала гудѣлъ хоръ цыганъ, въ углу пріютились арфистки, въ антрактахъ цыганки расходились по столамъ, садились то рядомъ съ пирующими, то на колѣни къ нимъ, кричали, визжали, выманивали деньги, обнимались, цаловались въ сласть... Въ то время эти хоры не были еще похожи на настоящіе: въ которыхъ каждая цыганка смотритъ аристократкой и разыгрываетъ изъ себя неприступность и, гдѣ, съ другой стороны, связалъ ихъ семейный союзъ. Въ цыганкѣ того времени было много своего, оригинальнаго, не смотря на виѣшнюю грязь много жественно прекраснаго; къ цыганскимъ хорамъ нерѣдко присоединялись бѣглыя дворовыя, а иногда дѣвушки изъ семействъ мѣщанства, разорившагося купечества и т. п. Та, которая мелькнула предъ Иваномъ Артемьевичемъ въ окнѣ и которая, при его входѣ, сидѣла съ Гавриломъ Ѳедоровичемъ Жемчужниковымъ, любовно склонившись къ нему не была собственно цыганкой, а именно изъ этого послѣдняго разряда.

Это была дѣвушка лѣтъ около двадцати, съ густыми и блестящими какъ смола волосами и такими же темными и добрыми глазами, но при этомъ вся она была такая бѣленькая, такъ скромно держала себя, такъ мало и тихо говорила, что съ перваго же взгляду отличалась отъ прочихъ, большею частію, нахальныхъ, съ громкимъ,

нерѣдко сильнымъ голосомъ цыганомъ, съ ихъ угловатыми приемами, визгомъ и смѣхомъ, которые они вносятъ всюду, куда бы ни являлись.

Гаврила Федоровичъ не замѣтилъ вошедшаго Ивана Артемьевича—тотъ подошелъ къ нему и слегка ударилъ по плечу.

— Ба, Ваня, Иванъ Артемьичъ! крикнулъ обрадовавшись Жемчужниковъ. Давно ли, садитесь ка...

Ихъ дружескія, быстро, почти съ перваго разу установившіеся отношенія не перешли еще на ты, хотя оно сердечно вездѣ и слышалось въ ихъ разговорѣ и рѣчахъ.

— Давно ли изъ бѣлогаменной чертъ бы ее побралъ? продолжалъ Жемчужниковъ.

— Нынче только...

— Значить еще съ Московскимъ духомъ?

— Нѣтъ, ну его, я не набираюсь! отвѣчалъ Нефедовъ.

— И великолѣпно, по нашенски!

— Фальшивый то духъ, все только притворство и обманъ... Ты Настя не знаешь Москвы? обратился онъ къ цыганкѣ.

— Какъ такъ? Я же бывала.

— Бывала, не то, что жила, да къ тебѣ онъ и не пристанетъ—этотъ Московскій духъ!

— Отъ чего же не пристанетъ?

— А такъ, есть люди къ которымъ онъ не пристаесть, вотъ къ тебѣ не пристанетъ, къ Ивану Артемьевичу не пристанетъ, потому что, вы хорошіе люди.

Иванъ Артемьевичъ улыбувшись поклонился...

— Да, право, Ваня! будто крикнулъ тотъ легонько и крѣпко обнявъ, поцаловалъ его... Давай братъ, говорить на ты, чорта ли это выкать то... Выпьемъ, голубчикъ, какъ вотъ эти нѣмцы черезъ ручку пьютъ.

— Bruderschaft?

— Ну, вотъ его самаго! Эй, половой, дайко намъ бутылку... А это, братъ, рекомандую моя милая Настинька, голубушка моя... Мы уже давно съ ней знакомы, да недавно сошлись...

Въ это время хоръ зашевелился, Настя закрывъ Жемчужникову ротъ рукою, встала и присоединилась къ нему.

— А стаканчикъ? спросилъ онъ...

— Приду!

— Славная эта дѣвушка, умная, добрая, тихая—славная жена бы была, да вотъ не позволяютъ жениться мнѣ на ней продолжалъ Гаврила Ѳедоровичъ. Бился, бился съ старикомъ своимъ да съ братцемъ — и думать не моги, а за что, скажите!

Вы думаете Иванъ Артемьичъ — цыганка она? продолжалъ Гаврила Ѳедоровичъ... И не единой косточкой... Ну ка, выпьемъ же на ты, я тебѣ скажу кто она! Тебѣ это можно сказать — ты человѣкъ теплый, не осудишь! Вотъ такъ! чокнулся Гаврила Ѳедоровичъ, на всю, братъ жизнь, по человѣчески, на ты!

Иванъ Артемьевичъ молча пожалъ ему руку и ласково, привѣтливо улыбнулся.

— Вотъ видишь ли братъ—Ваня, кто она такова—эта цыганка для другихъ... Помнишь ли ты, ѣздили мы компаніей къ братцу на фабрику... помнишь я тебѣ твердилъ тогда про хозяйскую дочь... про красавицу... про Варю... Ну, такъ вотъ эта Варя — купецкая дочь предъ тобой, какъ ты видишь теперь, въ хорѣ въ цыганскомъ, въ кругу сидитъ и пѣсни поетъ!..

Иванъ Артемьевичъ съ удивленіемъ взглянулъ на Гаврила Ѳедоровича и потомъ перевелъ глаза на дѣйствительно сидѣвшую въ кругѣ хора красавицу — дѣвушку, около которой, какъ то особенно толпилась молодежь...

— Какъ же это такъ? спросилъ онъ.

— А также—по человѣчески! Я тебѣ скажу братъ Ваня, я чурбанъ — человѣкъ, человѣкъ значить не отесанный, круговой... Мнѣ эти наши барышни, хоть они и купецкими дочерьми называются, не на руку... Они бы пожалуй и хорошія дѣвушки, да ихъ ужъ больно испортили—тепличной, братъ, оранжерейной жизнью испортили, этимъ, то есть, особымъ нашимъ духомъ, котораго ты было только немножко понюхалъ да ужъ и то рыло поворотилъ... А знаешь ли, что это такой, за духъ за особенный... знаешь?

Нѣтъ! да гдѣ жъ тебѣ знать!.. Ты меня спроси: я, братъ выросъ на немъ... Это, братъ, такой духъ, который за живо насъ обращаетъ въ мертвячину... въ мертвячину, братецъ, въ тухлятину—да! Этимъ духомъ заставляютъ тебя ходить на цыпочкахъ, когда хочется всей пятерней ступить, говорить въ полголоса, когда во всю грудь крикнуть хочется, смѣяться, когда слезы подступаютъ къ горлу, драть съ кредитора послѣднюю рубашку, когда знаешь, что она у него дѣйствительно послѣдняя, и все это, братецъ ты мой, съ шуточками, учтиво, галантерейно ловко, по купчески... Вотъ это, братъ, какой духъ такой! Вотъ отъ него и дохнетъ наша молодежь... вянутъ и дѣвушки—красавицы или въ утокъ жирныхъ, въ нашихъ упаточившихся купчихъ превращаются, которыя столько же похожи на женщину... какъ вотъ хоть бы эта свинья, изъ которой вотъ эта ветчина вырѣзана, на мою Настю!

— Что же ты теперь будешь дѣлать? спросилъ его Нефедовъ.

— А что дѣлать? жить братецъ ты мой буду—жить и больше ничего! Теперь, братецъ ты мой, у насъ дѣло съ ней кончено, теперь насъ съ ней водой не разольешь, да! И какая эта, чудная женщина—золото! и всё то, братецъ ты мой Ваня, гонять ее... Поди ты вотъ Ваня! Что только за судьба въ нашей землѣ православной, на нашей Руси святой... святой, замѣть, другъ, святой — не шуточное-то то слово, что братецъ все, что ни на есть подлаго, нахальнаго — приуспѣваетъ, а все искреннее, доб-

рое, честное, преждевременно клонить голову; судьба что ли, другъ, такая русская, другое ли что... не пойму я, братецъ, никакъ этого не пойму! Эхъ, братъ, Ваня не задумывайся, другъ, хлобыстни ка стаканчикъ — еще пьемъ шампанское, да задумываться — будетъ братъ для этого время, когда до сивухи дѣло дойдетъ.

— Что же женишься ты? снова спросилъ Иванъ Артемьичъ.

— Не хочеть, братъ, Настя этого, не хочеть... Вотъ, видишь ли, какъ у насъ это дѣло было: увидалъ я ее, такую красавицу, ну и загорѣлась душа, полюбилась она мнѣ такъ, какъ еще ни одна: не то, чтобъ одни грѣшные помыслы, какъ это обыкновенно... нѣтъ, братецъ ты мой, уваженіе какое-то, страхъ! Смѣялся я надъ этою любовію, а теперь самому на нее поработать пришлось... увидалъ я ее и вся жизнь моя измѣнилася: сошлись мы съ ней, ознакомились, и она полюбила меня, ну и далъ я ей слово жениться на ней — жили они бѣдно, въ старомъ флигелѣ и вся жизнь держалась въ томъ, что давали кредиторы изъ арендной платы. Отецъ ея человекъ пьющій — съ горя, само собой. Этой болѣзни много у насъ. Ну, можетъ быть и льстилося попасть въ богатый то домъ, въ довольствѣ тоже выросла. Ну-съ, такъ и порѣшили мы съ ней — ожениться значить, я уже, нѣкоторымъ образомъ, паруса складывалъ — совсѣмъ остепениться хотѣлъ, дѣломъ какъ должно заняться, но не тутъ-то было, никто, братъ Ваня, и слышать о моей женитьбѣ не хотѣлъ — ни отецъ, ни братецъ... такъ меня этимъ и оголоушило... Передалъ я это дѣло Настѣ: такъ молъ и такъ, я на все готовъ. Подумали, подумали и разсудили мы, то есть это больше она, чтобъ жить такъ... любовно, чтожъ такое, а то — поди женись, изъ за нея тебя выгонять — ни у меня, ни у нее — что жъ тутъ хорошаго? Не женись, другъ милый, сказала она мнѣ на каторжную жизнь, не хочу я помѣхой тебѣ быть... я знаю, что ты любишь меня, такъ и такъ не погинешь, а я ни къ кому не пойду отъ тебя... Какъ только, Ваня, это она вымолвила, такую

я крѣпость въ себѣ почувствовалъ, что на, мошь, бери всю жизнь мою я твой навсегда... Ну и сошлись мы съ ней и живемъ, какъ мужъ съ женой.. Тутъ, братецъ, другія напасти пошли: отецъ ея взбударажился— онъ на ея красоту разщитывалъ, думалъ поддержку имѣть, и какъ увидалъ, что дѣло то проиграно, въ амбицію вломался— на законъ уперъ, и прогналъ ее изъ дому; нанялъ я ей, въ ту пору, квартирку и жили мы съ ней душа въ душу, да вотъ вишь совѣстно ей стало мой хлѣбъ ѣсть, сама говорить, работать хочю; умѣнья то, другаго никакого нѣтъ, ну вотъ и пошла деньгу пѣснями выручать, голосъ то у ней золотой! Слышь, братъ, слышь какой заливается... слышь въ какой восторгъ приводить.. чувства то, чувства! Братецъ ее на фортепянахъ учить.

И дѣйствительно Настя въ это время пѣла соло „Соловья“ голосъ ея—густой, звучный, полный контральто такъ и хваталъ за сердце. Пьяная толпа неистовствовала.

— Экой голосъ! Боже ты мой, что это за голосъ, и куда дѣваться съ нимъ?—въ хоръ только! Некуда, братъ, больше. Ну, да, нѣтъ погоди я ее въ театръ, въ оперу, въ Петербургъ братецъ повезу. У тебя тамъ есть знакомые, Ваня, похлопочи!

— Изволь братъ.

Между тѣмъ трактиръ принялъ видъ того пестросмѣшаннаго разливаннаго, ярмарочнаго веселья, широкое развитіе котораго, во всемъ его глубокомъ значеніи только и можно видѣть на Нижегородской ярмаркѣ... Шумная, пестрая картина эта имѣетъ видъ не одного только нескрываемаго пьянства и разврата: она имѣетъ и внутреннее, болѣе отрадное содержаніе. Это сборъ всѣхъ націй въ одномъ мѣстѣ, это сердечное, непритворное признаніе един-

ства разнообразныхъ членовъ русскаго племени подъ предводительствомъ и господствомъ великорусскаго племени: въ подобныхъ трактирахъ, въ такія часы — эти единеніе и господство увидишь въ живыхъ образахъ, которыя для умѣющаго читать по нимъ, явѣе всякихъ ши-роковѣщательныхъ теорій; вы видите, напримѣръ, группу армянъ, въ ихъ національныхъ костюмахъ, слышите ихъ топорную рѣчь, ихъ отдѣльное положеніе; въ лицахъ, въ движеніяхъ даже будто бы что-то враждебное общему настроенію, но на самомъ дѣлѣ ничего этого нѣтъ: стоить только нѣсколько внимательнѣе взглянуть въ эту картину: вотъ слышится родная камаринская — это безконечно лющающаяся трель народнаго рожка, вмѣстѣ съ отрывистыми звуками балалайки, которую замѣняетъ скрипка, плясунъ — мастеръ, въ цыганскомъ казакинѣ или въ красной рубашкѣ и длинной ямской шляпѣ, перевязанной лентами, такой же безконечною трелью, какъ и музыка семянить ногами и, идя кругомъ столовъ, размахиваетъ руками на обѣ стороны, какъ будто собираетъ всѣхъ въ одну общую семью, приглашаетъ посмотрѣть и отвести душу въ его пляскѣ — вотъ раздался болѣе и болѣе быстрый темпъ, звуки пошли какими то бѣсераками, будто одинъ изъ нихъ упадетъ, другой встанетъ, въ мотивѣ слышатся другія страны — Донъ, Уралъ; развертывается отважный, бѣшеный казакъ, вотъ плясунъ пустился въ присядку, вотъ гаркнулъ, заломилъ шапку по русски, будто джигитнулъ по казацки, несется по залѣ, выкидывая колѣна на обѣ стороны — взглянемъ на толпу въ эту минуту — она одинъ человекъ, одинъ русскій, не смотря на всѣ собравшіеся разноплеменности, она вся покорена одному чувству, вся живетъ въ одной этой пляскѣ, какъ за нѣсколько времени жила въ одной пѣснѣ.. И русскій, и русскій нѣмецъ и полякъ, и армянинъ съ татаринномъ и малороссъ — одно тѣло, душа одна... Смотрите дальше: вотъ расходился армянинъ, ихъ группа кричитъ лезгинку, вотъ онъ всталъ, вотъ въ тактъ звуковъ плавно хлопаетъ въ ладоши, вотъ замотались его длинные

рукава и пошелъ онъ изгибаясь въ нечуждомъ намъ танцѣ; замѣчайте толпу, вліяніе другое: нѣтъ прежняго настроенія, нѣтъ того проникновенія танцемъ, какъ только что замолкнувшей русской пляской— онъ не понятенъ или менѣе понятенъ. И не рѣдко это видимое превосходство и господство русскаго элемента, такъ ярко выражается тамъ и сямъ на этой великой ярмаркѣ: въ трактирѣ, въ кабацѣ, гдѣ нибудь, шарманщикъ—нѣмецъ, съ кларнетистомъ—полякомъ наигриваютъ русскую пѣсню и татаринъ мальчикъ лихо, принаравливаясь къ ухваткамъ русскаго мужика отхватываетъ трепака при общемъ, радостномъ проникновеніи родной пѣсню и пляской. Это такъ ярко, что не видать всего этого какъ-то умѣемъ только мы — русскіе, у насъ только и на умѣ что развратъ да безобразіе.

Часть подобнаго взгляда выпадала и на долю Ивана Артемьевича... Всеобщее доля моего предвѣстника инаго героя въ купеческомъ быту, который только готовится этою частію, была незавидна: въ немъ особенно было мало того, чего также мало во всѣхъ насъ — самостоятельности и твердости характера, которые къ сожалѣнію и въ остальномъ такъ называемомъ русскомъ купечествѣ „русакахъ“ съ сожалѣнію до сихъ поръ выражаются только въ однихъ угловатостяхъ и въ чудовищно развитомъ самодурствѣ... Безсознательность своего положенія и мученіе этою безсознательностію также составляла его характерную черту; съ этимъ чувствомъ онъ и заснулъ въ эту ночь.

Въ скоромъ времени онъ встрѣтился на ярмаркѣ со всѣми нашими знакомыми тузами, встрѣча эта произошла на такъ называемомъ чайномъ обѣдѣ, который давали гуртовья чайныя торговцы Сибирскимъ и Кяхтинскимъ торговцамъ послѣ установленія первой цѣны. — Обѣдъ этотъ въ ярмаркѣ составлялъ своего рода событіе и въ самомъ дѣлѣ былъ *chef d'oeuvr'e* своего рода; распоря-

дителемъ этого обѣда былъ Дмитрій Ѳедоровичъ Жемчужниковъ, въ этомъ дѣлѣ онъ былъ великій мастеръ; вообще, Боже мой, что это за богатая, за даровитая была натура (онъ уже умеръ и схоронили его съ подобающимъ триумфомъ), что это за талантливая русская натура и чтобы могло выдти при другихъ условіяхъ изъ этой личности. — Робертъ Пиль бы, могъ выдти, ей Богу Робертъ Пиль! Серьезно говорю объ этомъ и пусть кто либо изъ нашего купеческаго міра не приметъ это за насмѣшку, избави меня Богъ! Такого знанія русской жизни, такого глубокаго пониманія каждой личности, возводимаго Дмитріемъ Ѳедоровичемъ даже до идеализма, нужно было поискать, какъ говорится, и днемъ съ огнемъ и то было бы трудно найти. Какъ онъ умѣлъ распорядиться порученнымъ ему обѣдомъ, который поручался ему каждый годъ, какъ онъ умѣлъ великолѣпно упрятать въ него все лучшее и дать ему смакъ всеми этими стерляди, ми, осетриной, которыхъ дарить намъ Волга — чудеса, положительный знатокъ всѣхъ этихъ многозначущихъ пустяковъ, какъ былъ въ то же время и знатокъ своего дѣла. Соединеніе такихъ безцѣнныхъ качествъ вообще рѣдкая встрѣча въ русскомъ человѣкѣ. Говоримъ это серьезно. Вообще установилось у насъ убѣжденіе лицъ въ жанръ Дмитрія Ѳедоровича Жемчужникова заподозрѣвать въ чемъ-то, въ какой-то задней мысли и т. п. Мы также объ этомъ думали прежде и можемъ увѣрить всѣхъ и каждого что по тщательномъ изученіи разувѣрились въ этомъ: никакой задней мысли ни въ комъ у нихъ нѣтъ — у нихъ во всемъ душа открытая и прежде всего общество, пріучившее ихъ притворяться и дѣлаетъ изъ нихъ что-то такое странное, что приходится въ чемъ-то невольно подозревать. По нашему мнѣнію, по долгому опыту, на эти личности не можетъ быть и тѣни подозрѣнія: это души открытыя.

Чайный обѣдъ былъ на славу — роскошь и преобиліе всѣхъ благъ земныхъ; закуска, одна закуска могла бы по-

править нервную систему цѣлаго десятка бѣдняковъ: чего тутъ не было — маринованныя стерляди, топченныя стерляди и раки и заливная осетрина и печенка въ сметанѣ и сыры всѣхъ родовъ и видовъ отъ круглаго голландскаго до вонючаго зеленаго, до котораго ни одинъ купецъ не дотронулся и удостоило попробовать одно какое-то превосходительство, какъ извѣстно до всего подобнаго падкое... Да и не перечтешь! Обѣдъ открылся, само собою разумѣется, стерляжею ухю, но мы не станемъ перечислять всего... это довольно скучно, впрочемъ въ этомъ, въ частомъ повтореніи о съѣстномъ виноваты никакъ не мы, а скорѣе то общество, котораго мы являемся бытописателемъ; намъ важно только то, что обѣдъ этотъ соединилъ во едино всѣхъ нашихъ знакомыхъ тузовъ, всю власть ярмарки, которая являлась тогда на обѣды, какъ на законно принадлежащую ей контрибуцію, что рѣчей о развитіи торговли и самостоятельности, никакихъ не было, а ѣлось и пилося дѣйствительно самостоятельно, что на обѣдахъ смѣшивались всѣ партіи и даже на него были приглашены, не говоря уже о Иванѣ Артемьевичѣ Нефедовѣ и Семенѣ Ивановичѣ Куракинѣ, Гель, Радивиль, пріѣхавшіе только поглазѣть на ярмарку и что самое лучшее на этомъ обѣдѣ — это то, что Шубинъ, безпріютный сирота о которомъ всѣ были мнѣнія какъ о побочномъ сынѣ Семена Ивановича, былъ врученъ на остатокъ лѣта и осени на попеченіе Ивану Артемьевичу, который, вскорѣ послѣ этого обѣда, уѣхалъ въ свою родную Ш*. Нельзя также пройти молчаніемъ, что послѣ этого же обѣда, на самомъ мѣстѣ его позорища, нашъ старый знакомый Бѣлоголовый отплясалъ такого трепака, что небу стало жарко и обратясь къ своему задушевному пріятелю, предтечи нашего героя купческаго міра, вымолвилъ знаменательныя слова.

— Вотъ мы какъ старыя люди, Ваня, до сѣдыхъ волосъ молоды, а вы, должно быть, вмѣстѣ съ сѣдиною только и жить начинаете, мудренныя вы люди!

Слова эти потому не проходимъ безъ вниманія, что
 можетъ быть на нихъ встрѣтится подтвержденіе въ слѣ-
 дующихъ частяхъ нашей монографіи. Съ ярмарки Иванъ
 Артемьевичъ уѣхалъ въ свою родную Ш* ранѣе брата.
 Онъ взялъ съ собою сироту Шубина. Съ братомъ, пови-
 димому онъ еще болѣе разошелся, и послѣдній не гдѣ

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ. *)

*) Вторая часть будетъ помѣщена въ 4-мъ вып. сборника „Наше Купе-
 чество и Торговля“, который выйдетъ въ непродолжительномъ времени. Под-
 писывающіеся на него платятъ за него 1 р. с.

КРАСНОРЯДЦУ *)

Расскажи мнѣ, почтенный купчина,
 Почему ты такъ весель всегда, —
 Почему же ни грусть, ни кручина
 Не коснутся тебя никогда.

Не уже-ль въ самоварную душу
 Не запало и мысли о томъ,
 Что природа, создавъ тебя тушу,
 Создавала тебя не скотомъ.

Ни въ умъ благородной идеи,
 Сердцу радость одна—обмануть.
 А мечты-то твои, лиходѣи,
 Жаждутъ брата роднаго надуть.

*) Печатаю это стихотвореніе въ нашемъ сборникѣ, мы никакъ не обращаемъ его къ цѣлому купеческому сословію, но самымъ словомъ „Краснорядцу“ опредѣляемъ извѣстный кругъ его, который, къ сожалѣнію, весьма живо характеризуется этими стихами. Ред. *

Для тебя нѣтъ тѣхъ звуковъ въ природѣ,
 На которые-бъ откликъ ты даль, —
 Развѣ деньгами брякнетъ въ комодѣ,
 Ну, тогда ты какъ листъ задрожаль.

* * *

Ты не вѣруешь въ святость призванья
 Тѣхъ немногихъ и лучшихъ людей,
 Непонятны тебѣ ихъ страданья,
 Ихъ утраты во имя идей.

* * *

Ты не вѣришь таинственнымъ силамъ,
 Ни величью бессмертной души, —
 Ты ступаешь по близкимъ могиламъ,
 Вспоминая одни барыши.

* * *

Вѣришь ты одному всей душою,
 Что наѣвшись спать должно залечь,
 По субботамъ помыться съ женою,
 Да подъ праздникъ лампадку зажечь, —

* * *

Что посты соблюдать тебѣ должно,
 Въ среду, въ пятницу постное ѣсть,
 Но за то остальное все можно,
 Все ты радъ себѣ въ жертву принести.

* * *

Сирота-ль попадется въ опеку —
 Сироту ты какъ воръ оберешь,
 Хоть жалѣешь ты тутъ-же калѣку,
 Хоть на нищаго выкинешъ грошъ.

* * *

Ты дѣтишекъ чему обучаешь?...
 Православный народъ надувать.
 Что ты съ дѣтства малюткамъ внушаешь?...
 Половчѣй своровать, сплутовать!

* * *

И запомнивъ твои наставленья,
 Сыновья угодять всё въ отца,
 Не умреть въ нихъ твое погребенье —
 Въ нихъ узнають тебя... молодца...

А. Воронецкій.

ДѢЙСТВУЮЩИЯ ЛИЦА

Семёнъ Васильевичъ Шарашевъ, купецъ, вдовецъ, живётъ
 подъ ипподромомъ.

Екатерина Семёновна, дочь его, двадцать лѣтъ.

Козьма Васильевичъ (Братъ Шарашева).

Варякъ Васильевичъ (Братъ Шарашева).

Елизавета Козьминевна Пугачова, замужняя дочь Козь-
 мы Васильевича.

Пугачовъ, купецъ, живётъ въ домѣ провинціала.

София (сестра Пугачова), танцовщица, развѣшивается въ
 Вѣра (пансіона).

Анна Васильевна Крѣткая, купеческая жена, вдова.

Николай Ивановичъ, сынъ ея, вѣдѣетъ французскій языкъ.

Анюточка, сестра его.

Сергѣевъ, прихотъ Крѣткова; вѣдѣетъ только, что охот-
 нѣйшій курсъ въ университетѣ.

Ты даёшь мне, даёшь мне, даёшь мне
 На дороге, даёшь мне, даёшь мне
 ...даёшь мне, даёшь мне, даёшь мне
 Подарок, даёшь мне, даёшь мне

*
 *
 *

И запомни, твои, твои, твои
 Сыновья, твои, твои, твои
 Не уйдут, не уйдут, не уйдут
 В твою, твою, твою...

А. И. Бородин

Ты стоишь, ты стоишь, ты стоишь
 И смотришь, и смотришь, и смотришь

И смотришь, и смотришь, и смотришь
 По судьбам, по судьбам, по судьбам
 Да ведь, да ведь, да ведь

Что посты, что посты, что посты
 За средой, за средой, за средой
 Но за то, за то, за то
 Все ты ради, все ты ради, все ты ради

Спроси-ль, спроси-ль, спроси-ль
 Спроси-ль, спроси-ль, спроси-ль
 Хоть и, хоть и, хоть и
 Хоть и, хоть и, хоть и

*
 *

Лизаветъ онъ ѿстадоХ

{ R-1
R-2

Лизаветъ III ѿмодъ въ вѣнчанинотъ, вѣстѣн

Половой, въ вѣнчанинотъ.

Половое

ДОЧЬ

Д О Ч Ь

СЦЕНЫ ИЗЪ МОСКОВСКОЙ ЖИЗНИ ВЪ ТРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Семень Васильевичъ Шараповъ, купецъ, вдовый, лѣтъ подь пятьдесятъ.

Екатерина Семеновна, дочь его, двадцати лѣтъ.

Козьма Васильевичъ }
Борисъ Васильевичъ } Братья Шарапова.

Елизавета Козмининна Путилова, замужняя дочь Козьмы Васильевича.

Путиловъ, купецъ, мужъ ея, изъ прикащиковъ.

Соня } сестры Путиловой, дѣвицы, воспитываются въ
Вѣра } пансіонѣ.

Анна Васильевна Кроткова, купеческая жена, вдова.

Николай Ивановичъ, сынъ ея, имѣеть модный магазинъ.

Анночка, сестра его.

Сергѣевъ, пріятель Кроткова, юристъ только что окончившій курсъ въ университетѣ.

Ходатай по дѣламъ.

1-я }
2-я } дѣвушки въ модномъ заведеніи Кротковыхъ.

Настасья, горничная въ домъ Шарапова.

Половой, въ трактирѣ.

Половые.

Д О Р

Служащіи при Москвитинѣхъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ ЛИЦА.

Семеновъ Васильевичъ Шараповъ, купецъ, вдовецъ, братъ
подъ надзоромъ
Екатерина Семеновна, дочь его, двѣнадцатилѣтняя
Козля Васильевичъ }
Василь Шараповъ }
Елизавета Козлянична Путилова, замужняя дочь Козля
мы Васильевича
Путиловъ, купецъ, мужъ ее, не признанный
Соня } сестры Путиловой, двѣнадцатилѣтняя въ
Вѣра } пансіонарша
Анна Васильевна Кроткова, купеческая жена, вдова
Николай Назаровичъ, сынъ ее, имѣетъ модный магазинъ
знаетъ
Анна, сестра его
Сергей, братъ Кроткова, юристъ, только что окончившій курсъ въ университетѣ.

Д О Ч Ъ

СЦЕНЫ ИЗЪ МОСКОВСКОЙ ЖИЗНИ ВЪ 3-ХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ

ГОСТИНАЯ ВЪ ДОМѢ СЕМЕНА ВАСИЛЬЕВИЧА ШАРАПОВА.

ЯВЛЕНІЕ I.

Семень Васильевичъ Шарапъ и Борисъ Васильевичъ.

Борисъ Васильевичъ.

Ну, такъ какъ же братъ?

Семень Васильевичъ.

Да все по прежнему! гусь свиный не товарищъ...

Борисъ Васильевичъ.

Такъ и сказать?

Семень Васильевичъ.

Такъ и скажи... Да, ужъ кстати — скажи ты мнѣ на милость — ты-то тутъ что егозишь?

Борисъ Васильевичъ.

Да, я такъ... мнѣ что жъ такое, попросили, я и сказала.
Мое дѣло сторона...

Семень Васильевичъ.

Самъ что ли онъ попросилъ?

Борисъ Васильевичъ.

Да, то есть, самъ то онъ сдѣлалъ предложеніе, чрезъ меня, потому, говорить, что ты его не принялъ, а просилъ-то за него—его пріятель Сергѣевъ, студентъ...

Семень Васильевичъ.

Это сынъ-то чють прогорѣвшаго Сергѣева?... Голь перекатная! и какая это у нихъ у всѣхъ амбиція: скажите пожалуста, предложеніе дѣлаетъ, словно какъ и человѣкъ! Да я ему и товару изъ лавки не отпущу, а онъ мнѣ предложеніе дѣлаетъ... Мразь ѣдакая.

Борисъ Васильевичъ.

Ну, товару—это напрасно: человѣкъ онъ хорошій, не знаю что это ему за дурь въ голову вошла—жениться, а малый онъ надежный...

Семень Васильевичъ.

Для тебя онъ можетъ быть и надежный, а для меня нѣтъ... Надеженъ онъ записки тебѣ къ разнымъ барынямъ сочинять, вотъ онъ для чего надеженъ!...

Борисъ Васильевичъ.

Ошибаешься, позволь тебѣ сказать, никакихъ мнѣ записокъ онъ никогда не сочинялъ.

Семень Васильевичъ.

Такъ вѣдь есть же для этого какой то студентъ у тебя, сочиняетъ же онъ тебѣ?

Борись Васильевичъ.

Такъ-то совсѣмъ другой, экъ ты напуталъ, да и то не студентъ, а вольный слушатель.

Семень Васильевичъ.

Все одинъ чертъ! Да и отстань ты отъ меня, чего привязался! Я и говорить съ тобой не хочу; сказано нѣтъ, ну, и конецъ.

ЯВЛЕНИЕ II.

Тѣ же и Козьма Васильевичъ.

Борись Васильевичъ.

Сдѣлай милость, не говори! Чего же ты пѣтушишься-то! Мнѣ то, что?.. Меня просили, я и передалъ. Наплевать мнѣ на все дѣло-то... Я имъ скажу, что говорилъ, ну и правъ!

Козьма Васильевичъ.

Вѣстимо—по купечески! Только ты братъ все еще не въ тонкости дѣло ведешь: а ты скажи что говорилъ, а самъ совсѣмъ не говори, вотъ это будетъ настоящее. Чего въ самомъ дѣлѣ воду-то толочь—самъ видишь, что дѣло не подходящее. Здорово братъ!

Семень Васильевичъ!

Здорово... Садись.

Борисъ Васильевичъ.

Теперь баста, не зайкнусь! чертъ васъ совсѣмъ побери, что мнѣ въ самомъ дѣлѣ въ чужомъ дѣлѣ — я слава Богу не женатъ, да и не женюсь никогда... вижу я теперь, что это за сласть, да избави Господи!.. Прощайте, я въ городъ.

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же и Екатерина Семеновна *(въ дверяхъ)*.

Екатерина Семеновна.

Дядюшка! зайдите ко мнѣ на минуту...

Борисъ Васильевичъ.

Ахъ, ты Господи—вотъ еще наказаніе!.. Ну, что тамъ еще? *(Уходитъ съ ней)*.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Козьма Васильевичъ и Семень Васильевичъ.

Не женюсь—женишься!.. Понадобится капиталъ на поддержку и женишься... А то не женюсь!

Семень Васильевичъ.

Тоже, братъ, какъ Богъ благословить—вотъ намъ капиталъ-то этотъ не больно къ прибыли пошелъ: одни дочери, не велика поддержка-то...

— Козьма Васильевичъ.

Ну, тебѣ еще нечего Бога гнѣвить, — всего одна, а у меня вотъ дѣлая четверня — вотъ и припасай для нихъ, тутъ и того, что и самъ взять не хватитъ — плохой оборотъ! Тебѣ и на второй бы пора, а мнѣ вотъ ужъ не разрѣшилъ Господь..

Семень Васильевичъ.

Трехъ похоронилъ — мало тебѣ?

Козьма Васильевичъ.

Что жъ что трехъ, не мое тутъ дѣло, Божья воля! Наслѣдство-то небольшое осталось отъ нихъ — однѣ дочери — поди возись теперь съ ними... Охъ, эти дочери, дочери и на что ихъ столько народилось... поди вотъ ты! Вѣрно ужъ за грѣхи мои мнѣ такъ назначено.

Семень Васильевичъ.

Должно быть! А у меня вотъ и одна да твоихъ четверыхъ стоитъ..

Козьма Васильевичъ.

Да что такое... Расскажи въ чемъ дѣло-то?

Семень Васильевичъ.

Тебѣ можно сказать. Вотъ видишь ли. Знаешь ты Доброхотова?

Козьма Васильевичъ.

Ну, какъ не знать — человекъ извѣстный!

Семень Васильевичъ.

(Осматривается) Постой, что то дверь то, будто не плот но (дверь притворяется). Все-таки осторожнѣй-то лучше...

А, знаешь ли (*дверь снова растворяется*), что этотъ извѣстный человѣкъ не нынче завтра, того... кувыркъ — колегію задасть?

Козьма Васильевичъ.

Что ты! Доброхотовъ? Вотъ дѣло то! Кажись сила какая...

Семень Васильевичъ.

Ну, да вотъ тебѣ и сила! Времена-то нынѣшніе тоже сила... А у меня за нимъ до полусотни—понялъ?

Козьма Васильевичъ.

Нѣтъ еще въ толкъ не возьму...

Семень Васильевичъ.

Погоди, возьмешь! Былъ онъ у меня на дняхъ, у перваго... Такъ, говорить, и такъ... Вижу, что дѣло плохо—не скрывается... Что же дѣлать то, Семень Матвѣичъ, говорю? Что дѣлать-то, я говорить опять за старое... А надо тебѣ сказать, что года уже два онъ постоянно Катерину за своего сына сваталъ и все полсотни тысячъ приданого просилъ... Ну я, само собою, не соглашался: полсотни тысячъ шутка! У тебя, говорить одна... мало ль что одна, да я то у себя не одинъ — дѣло вѣдь житейское.

Козьма Васильевичъ.

Ну, такъ что-жь?

Семень Васильевичъ.

Ну, я ему и отказывалъ... Рехнулся, говорю, гдѣ я для тебя такихъ денегъ возьму. Ну, такъ дѣло и не ладилось... А вотъ теперь пришлось ту же пѣсню на другой годось пѣть.

Козьма Васильевичъ.

Что же ты?...

Семень Васильевичъ.

Да что! Соглашаться пришлось — вотъ что! Показалъ онъ мнѣ это баланцъ—все какъ слѣдуетъ, по полтинѣ за рубль года въ три, это значить и четвертной не выдетъ... Онъ же, съ своей стороны, кромѣ тамъ разныхъ тряпокъ ничего не требуетъ, только еще десятокъ тысячъ подь векселя... люди все надежные, извернуться ему понимаешь: сына молъ женилъ на дочери челоуѣка съ состояніемъ, десять тысячъ эти онъ сотней пустить... ну и все прочее... Кредитъ поддержанъ... ну и пошло...

Козьма Васильевичъ.

На долго ли только?

Семень Васильевичъ.

Ну, это ужъ не наше дѣло... Противъ него-то идти не рука—челоуѣкъ-то и воду и мѣдныя трубы...

Козьма Васильевичъ.

Что говорить!.. Противъ него не рука... Да, дѣло! Ну что же дочь-то?

Семень Васильевичъ.

Дочь-то... *(Дверь сильно захлопывается)*. Что такое, а?

Козьма Васильевичъ.

Стукнуло что-то. Дверью будто.

Семень Васильевичъ (вставая).

Которой? Вѣтеръ, должно быть, окно-то раскрыто...
(Идетъ и отворяетъ дверь). Катерина, а Катерина! Нѣтъ
никого не видать... Катерина? Настасья а Настасья?.. Что
это никого... эй кто тамъ, Настасья!

ЯВЛЕНИЕ V.

Настасья.

Чего изволите?

Семень Васильевичъ.

Куда васъ чертъ запропастилъ! гдѣ слоняешься?

Настасья.

Гдѣ слоняешься-то, Бориса Васильевича провожала.

Семень Васильевичъ.

Сейчасъ уѣхаль?

Настасья.

Сю минутоу...

Семень Васильевичъ.

А дочь гдѣ?

Настасья.

Въ комнатѣ у себя сидитъ проводимши.

Семень Васильевичъ.

Сейчасъ проводимши?

Настасья.

Да вѣдь говорю, что сію минутую.

Семень Васильевичъ.

Позови ее сюда.

Настасья.

Сейчасъ позову.. Еще что?

Семень Васильевичъ.

Ну больше ничего—пошла! Экой чертъ, такъ и рветъ!
Тѣфу вы окаянныя!..

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же, безъ Настасьи.

Надо брать тебѣ лакея завести: они все это облагораживаютъ...

Семень Васильевичъ.

Тотъ же чертъ.

Козьма Васильевичъ.

Нѣтъ, обстановку надо... У меня теперь это гувернантка, что съ дочерьми пріѣзжаетъ, все это на дворянскую ногу поставила.. Все!
Семень Васильевичъ.

Ну, что говорить! Вотъ и тебя въ бѣлый жилетъ нарядила. Настоящій французъ! Все чужъ это, и больше ничего!

ЯВЛЕНИЕ VII.

Тъ же и Екатерина Семеновна.

Екатерина Семеновна.

Вы меня спрашивали?

Семень Васильевичъ.

Да, дочь!.. Гдѣ ты была?

Екатерина Семеновна.

Когда?

Семень Васильевичъ.

Да, вотъ теперь... Сейчасъ?

Екатерина Семеновна.

Сейчасъ у себя въ комнатѣ...

Семень Васильевичъ.

А допрежь?

Екатерина Семеновна.

Прежде... прежде тоже у себя.

Семень Васильичъ

Такъ?.. Ну, положимъ что и такъ! Все равно—садись: нужно вотъ кое о чемъ съ тобой переговорить, тебя же касающемся... Да не хочешь ли, братъ, чаю?...

Козьма Васильичъ

Пожалуй чашку выпью...

Семень Васильичъ

Такъ велика-да дать... Самоваръ то еще есть?

Екатерина Семеновна

Есть... Сейчасъ велю... (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ VIII.

Семень Васильичъ

Какъ ты думаешь — слышала она?

Козьма Васильичъ

Богъ ее знаетъ — вишь она какая скрытная у тебя. Блѣдна только немножко, а то ни чѣмъ не выдаетъ. Вся въ мать, въ покойницу.

Семень Васильичъ

Справлялись... Справимся и съ этой.

ЯВЛЕНИЕ IX.

Тѣ же и Екатерина Семеновна (*Входитъ и молча садится съ работой*).

Семень Васильичъ

Ну, работу-то пока въ сторону... Съ тобой о дѣлѣ хотимъ говорить (*беретъ изъ рукъ работу*).

Екатерина Семеновна (*молча взглядываетъ на отца и складываетъ руки*).

Семень Васильичъ

Вотъ что, Катерина Семеновна, тебѣ уже лѣтъ не мало, мать твоя умерла рано, не кому было заботиться-то

о тебѣ, вотъ ты и засидѣлась... въ твою пору дѣтей ужъ имѣютъ, да и не одного. Сватается за тебя человѣкъ солидный, съ состояніемъ. Такъ какъ твое объ этомъ дѣлѣ мнѣніе?

Екатерина Семеновна

Кто за меня сватается я не знаю, и никакого мнѣнія по этому имѣть не могу.

Семень Васильичъ

Погоди! Мы тебѣ и человѣка скажемъ, а спрашиваю твое мнѣніе на тотъ счетъ—какъ ты намѣрена: хочешь ты замужъ выдти, или весь вѣкъ въ дѣвкахъ остаться?

Екатерина Семеновна

Мое мнѣніе объ этомъ такое: понравится мнѣ человѣкъ, полюблю его, выду за него за мужъ, если возьметъ, не понравится или не возьметъ—не выду.

Семень Васильичъ

Ну, это мараль!.. А ты про дѣло дѣломъ и говори.

Екатерина Семеновна

Скажите дѣло...

Семень Васильичъ

Да, ты не груби и не забывай, что ты съ отцемъ говоришь... Вотъ вѣдь какую выростишь!

Козьма Васильичъ

Постой, погоди братъ! Чего же сердиться-то: Катерина Семеновна говоритъ обстоятельно? Позволь я ей все скажу.

Семень Васильичъ

Говори...

Козьма Васильичъ

Вотъ видите ли, Катерина Семеновна! Есть у насъ въ обществѣ, въ нашемъ, купеческомъ хорошій человекъ, известной фамилии съ состояніемъ — Доброхотовъ нѣкто; вотъ онъ то, этотъ Доброхотовъ, изволите видѣть, и сватаетъ за васъ сына своего.

Екатерина Семеновна

Я не понимаю—какъ это сватаетъ: что же этотъ сынъ-то, котораго я никогда не видала, и который и меня не видалъ, знаетъ о томъ, что его сватаютъ и съ кѣмъ именно?..

Семень Васильичъ.

Да этого ему и знать пока не надо. Повидается когда къ дѣлу будетъ ближе.

Катерина Семеновна

А я думаю, что съ этого надо бы начать; да все равно я не пойду за Доброхотова.

Семень Васильичъ.

Это почему? Какъ ты смѣешь! Съ кѣмъ ты говоришь?

Катерина Семеновна.

Угодно чтобъ я вамъ сказала почему? *(прямо и продолжительно смотритъ на отца)* Прикажете?.. Ну, слѣдовательно и говорить объ этомъ нечего—за Доброхотова я не пойду. *(Уходитъ)*.

ЯВЛЕНИЕ X.

Козьма Васильевичъ и Семень Васильевичъ.

Козьма Васильичъ.

Слышала—все слышала!.. Эко это наказаніе дочери!.. Сколько съ ними хлопоть: и денги то на нихъ трать, и уламывай-то, упрашивай ее, словно ты не отецъ!.. Вотъ и у меня такая-то ростеть—одну упряталь, за той хоть грѣшокъ былъ, сама знала, не разговорилась много-то, а вотъ вторая-то ростеть, вотъ этимъ же пахнетъ... Ахъ, ты Господи!—Ну, то ли дѣло сынъ: ему мигнулъ, онъ и понимаетъ... А эти... охъ, это женское! отродье съ тѣхъ поръ на землѣ и грѣхъ пошелъ, какъ оно появилось. Вѣдь вывела изъ себя чelовѣка... озлила... наперекоръ! Ну, что ты голову то повѣсилъ?.. Чего задумался? Одѣвайся, да поѣдемъ въ городъ! Кончай съ нимъ, чего на нее то смотрѣть, иль въ самомъ дѣлѣ изъ за нее денги терять!.. И тамъ потеряешь и за этой придется вѣдь что нибудь дать... *(Подаетъ шляпу)*. Бери шляпу-то, поѣдемъ, лошадь ужъ давно подана.

Семень Васильевичъ.

Поѣдемъ! Если ты такъ, погодишь ты—я тебя уонтентую! *(Уходитъ)*.

ЯВЛЕНИЕ XI.

Екатерина Семеновна *(входитъ сейчасъ же за иаъ уходитъ)*.

Екатерина Семеновна.

Уѣхали. Слава Богу!.. Вотъ родные-то... Отець-то! Боже мой—думала я о немъ дурно, а все этого не ожида-ла... На дочь, на дочь родную такой разцетъ держать...

какъ будто на вещь... Что же это, на что же это похоже? Вѣдь это безчеловѣчно! Что же мнѣ теперь дѣлать—куда идти?—здѣсь оставаться мнѣ, вѣдь, нельзя. Ни одного человѣка изъ родныхъ—все вотъ такія же... Чужаго, чужаго надо искать... Кого же? А, да что я говорю-то, что себя то обманываю, зачѣмъ притворяться-то: есть у меня одинъ человѣкъ—одинъ, желанный! такая же бѣдная, безталанная головушка, какъ и моя, къ нему и надо идти, къ нему и надо обѣжать, и горе дѣлать съ нимъ и радости. Что же мнѣ дѣлать-то! Чѣмъ же я виновата, если мнѣ въ моемъ домѣ родномъ нѣтъ возможности жить: мною, видите, хотятъ поправить обстоятельства какого-то Доброхотова, котораго я и въ глаза не видала; да кто же на это имъ право далъ, кто же можетъ такъ распоряжаться цѣлою жизнею... Нѣтъ, я права, я всему свѣту буду въ глаза смотрѣть... такъ и скажу все, что силъ моихъ не стало, что мать мою вотъ также здѣсь замучили, что и меня замучить хотятъ... нѣтъ я права, права, уйти поскорѣе, поскорѣе отсюда: здѣсь давить все, душить...

ЯВЛЕНІЕ XII.

Тѣ же и Елизавета Козминична.

Елизавета Козминична (*быстро входитъ*).

Катинька, душенька, спаси ты меня милая... сокрой, схорони, голубушка!

Екатерина Семеновна.

— Что такое... что съ тобой... отъ кого тебя скоронить?

Елизавета Кузминична.

Отъ мужа, схорони, милая, отъ мужа, спрячь ты меня скорѣй... Вели скорѣй самоварчикъ поставить... скажи, что

я у тебя съ самаго утра.. скажи что въ Донской съ тобой вѣдѣли. Сейчасъ по пятамъ гнался.

Екатерина Семеновна.

Да что такое, что съ тобой.. Какъ же съ утра, у меня, если онъ видѣлъ тебя.

Елизавета Кузминишна.

Да я ему этимъ глаза отведу, я обойду его. Знать моль не знаю и въ глаза не видала тебя... Что ты, моль, тебѣ видно показалось.. Такъ вотъ въ глаза и буду ему прямо смотрѣть.

Екатерина Семеновна.

Какъ же это, Лиза, мужа обманывать... извини въ этомъ я тебѣ не помощница.

Елизавета Кузминишна.

Да, какой онъ мнѣ мужъ! Развѣ такой долженъ быть мужъ: развѣ онъ ровня что ли мнѣ? я, какъ ни на есть, дочь первой гильдіи купца и потомственнаго почетнаго гражданина, а онъ тамъ гдѣ то въ прикащикахъ подвизался, — голь перекатная! Такъ и стану я ему уважать, да въ послушаніи находиться, да съ чего же это взять, съ чего выдумалъ—никогда этому не бывать, ни во вѣки вѣковъ!

Екатерина Семеновна.

Все-таки, извини, сестра, онъ тебѣ мужъ и хотя пожалуй въ послушаніи находиться и не за чѣмъ, а уважать необходимо, иначе что же и за жизнь, если и не любишь да и не уважаешь?

Елизавета Кузминишна.

Ты это гдѣ такихъ правилъ-то набралась? Не въ пансіонѣ ли своемъ, гдѣ пять душъ воспитывалось, сестры

мои и побогаче твоего воспитаніе-то имѣють, да и то мнѣ не указываютъ—я старшая сестра и вы мнѣ не при- мѣрь... Да, ты Катиньга, душенька, милая моя, золо- тая, не сердись... Ты мнѣ лучше дружбу сдѣлай, я те- бѣ все до истинны разкажу.. Вотъ видишь ли, душень- ка, Катичька, есть у насъ въ приходѣ одинъ студень- тикъ, хорошенькій молоденькій такой, просто-душка, хе- рувимъ! ну вотъ мы съ нимъ въ церкви и познакоми- лись, и иногда онъ и приходилъ безъ мужа ко мнѣ чай- ку напиться... бѣдный же онъ такой, бѣдный, ну я его иногда и покормлю.. Ну, что же такое, скажи ты мнѣ на милость, какой же въ этомъ позоръ?.. Такъ вотъ нѣтъ не смѣй!.. я ужъ, по неволѣ, его безъ мужа-то принимаю, потому запретилъ при себѣ; такъ не пронялся этимъ-то: кучеру, своему любимцу наказалъ, чтобъ то есть ему до- нести, избить въ свою голову велѣлъ. Ну, что же тутъ будешь дѣлать? вѣдь смерть скучно... хоть околѣвай: цѣ- лый день одна одинешенька.. Ну, вотъ, и условились мы съ нимъ въ Нескучномъ повидаться.. я былъ туда, а онъ мнѣ на встрѣчу, я такъ на извозчикѣ-то и присѣла: ба- тюшка, думаю, убьетъ, да въ переулокъ, въ другой, да къ тебѣ, а онъ то мимо проѣхалъ, будто и не замѣ- тилъ...

Екатерина Семеновна.

Да вѣроятно и въ самомъ дѣлѣ не видалъ — можетъ быть ѣздилъ куда нибудь.

Елизавета Кузминшна.

Ахъ, дай-то Богъ, дай-то Богъ!.. А, все таки какъ я пе- репугалась-то... Охъ какъ перепугалась... такъ вотъ серд- це-то и стучить.

Катерина Семеновна.

Зачѣмъ же такъ дѣлать, чтобъ бояться — лучше жить такъ, чтобъ никакого страха не имѣть.

от и в д , той ми от-звѣтннээ отонт эрзлорон и пом
 -яци ен амь ма в Елизавета Козминишна.

Да, как же! Ишь ты чего захотѣла, поди-ка проживи такъ... Батюшки что же это такое... кто-то идетъ сюда. Ну, какъ онъ, Катинька, спрячь ты меня куда нибудь, матушка ты моя, голубушка, спрячь.

ЯВЛЕНИЕ XIII.

Тѣ же и Сергѣевъ.

Елизавета Кузминишна.

Ахъ!.. Ахъ, слава тебѣ Господи, не онъ!.. слава Богу не онъ! Да какой интересный—это къ тебѣ?

Катерина Семеновна *(съ удивленіемъ смотритъ на Сергѣева)*.

Погоди!.. Кого вамъ угодно?

Елизавета Козминишна.

Вы не за мной ли отъ Савельева?

Сергѣевъ.

Извините... я къ вамъ контробандой... Вы хозяйка дома Екатерина Семеновна.

Екатерина Семеновна.

Да это я...

Сергѣевъ.

Вотъ видите-ли... меня просили передать вамъ одно дѣло... но не знаю могу ли я?

Елизавета Козминишна.

Да-съ... Да вы не притворяйтесь, мы свои люди, я ей двоюродная сестра и живемъ мы душа въ душу...

Сергѣевъ.

Я не понимаю васъ... извините, я здѣсь въ первый разъ и не считаю нужнымъ притворяться, да признаться и не умѣю.

Екатерина Семеновна.

Замолчи пожалуста... Извините... Позвольте спросить. Какъ же вошли вы... вѣдь тамъ заперто?

Сергѣевъ.

Вошелъ-съ преоригинально! Дѣйствительно все заперто, какъ и быть должно; ни звонка—ничего такого: видно, что не Европа. Ходилъ, ходилъ я кругомъ,—ни души! я въ кухню—въ кухню кухарка, лежитъ, но обыкновенію, прошу ее дверь отворить, она и слышать не хочетъ: хозяйина, говорить, дома нѣтъ и идти тебѣ не къ кому... Я, было, про письмо... оставь, говорить, положъ, а сама лежитъ и не однимъ членомъ; я убѣдился, что изъ нее ничего не сдѣлаешь, субъектъ видно настойчивый и пошелъ было назадъ, да въ крыльцѣ-то, вижу, съ боку окно и притомъ раскрыто. Ну, чтожъ, это вѣдь все равно, что дверь, что окно, я въ него! Извините за такое безобразіе, но оно вынуждено... Мнѣ очень нужно передать вамъ одно дѣло.

Екатерина Семеновна.

Я догадываюсь, но не знаю какъ бы это...

Елизавета Кузминишна.

Да, ты Катинька, меня не стѣсняйся... я уйду, душенька; ну что же покраснѣлась-то.. Эхъ, и видно, что на

первыхъ порахъ... Погоди, милая, привыкнешь такъ и кра-
снѣть не будешь... Прощай, я еще разъ попробую, мо-
жетъ быть и проберусь въ Нескучный-то, а то я опять
къ тебѣ.

Екатерина Семеновна.

Хорошо... хорошо...

Елизавета Козминишна.

Прощайте-съ... О, какой вы скрытный, видно что опыт-
ный, да позвольте узнать вы должно быть студентъ?

Сергѣевъ.

Да, точно...

Елизавета Козминишна.

Ну, то-то и бѣдовый такой! Всѣ студенты такія, они на
всѣ, на эти дѣла... А, вы знаете студента Савельева?

Сергѣевъ.

Нѣтъ не знаю...

Елизавета Козминишна.

А, я такъ знаю... Ну, Катя, молодецъ — молодца и
выбрала... Прощай. Господь съ тобой...

ЯВЛЕНИЕ XIV.

Ахъ какъ надоѣла... Скажите вы отъ Кроткова?

Сергѣевъ.

Да, отъ него.

Екатерина Семенова.

Сейчасъ... я только запру... *(возвращаясь)*.

Ну, что же, что же говорите?

Сергѣевъ.

Да, дѣло такого рода, Катерина Семеновна, такъ я кажется называю васъ, что вамъ надо бѣжать отсюда.

Екатерина Семеновна.

Да, я знаю, я объ этомъ думала. Но, куда же скажите, куда?

Сергѣевъ.

Вотъ, видите, въ чемъ дѣло: Бротковъ—мой пріятель, я тоже имѣю честь происходить изъ купечества, онъ просилъ меня, во что бы то ни стало увидать васъ и передать, что вашъ батюшка затѣваетъ что то недоброе, чтобы вы держали ухо востро и, въ случаѣ чего либо, шли прямо къ нему, матушка его славная женщина, она согласна принять васъ, какъ родную дочь. Меня здѣсь, повимаете, не знаютъ, да и мнѣ вообще что же такое... мое дѣло сторона, я къ такимъ людоѣдамъ, какъ вашъ дражайшій, привыкъ, у меня свой такой былъ—да хоть сейчасъ съ глазу на глазъ! Ну, встрѣтились, важное дѣло: зачѣмъ? за дѣломъ—урокъ здѣсь сказывали, ну—ошибся, ну, что за важность, пожалуй кричи себѣ, а если въ случаѣ чего—вотъ видите какая у меня сучковатая!

Екатерина Семеновна.

Ахъ, какъ я благодарна вамъ.. не знаю ужъ какъ быть-то—сейчасъ ли идти, или подождать немного.

Сергѣевъ.

Нѣтъ, теперь не ходите, не годится... со мной не ходите... Что, знаете -- скандалъ: скажутъ съ студентомъ

сбѣжала... Я въ этомъ отношеніи строго, доброму дѣлу готовъ помогать, но студенческое имя марасть не позволю. Другое дѣло честнымъ пиркомъ за свадьбу... это по русски—честно, а тамъ чтобъ, что нибудь, на счетъ этаго нигилизма, нѣтъ чортъ его побери, слуга покорный—слава тебѣ Господи насмотрѣлись-таки безобразій.. Вы лучше ужъ погодите... Ну, когда здѣсь ужъ не въ терпѣжь станеть, тогда смѣло впередъ... Сергѣй человекъ честный и любитъ васъ дѣйствительно... Вы то, на самомъ ли дѣлѣ, его любите?

Екатерина Семеновна.

Ахъ, что вы, да я умереть за него готова.

Сергѣевъ.

Ну, умирать-то это зачѣмъ же, а вы вотъ поживите-ка для него! я вѣдь потому спрашиваю, что знаю нашихъ барынь и боюсь, не нервное ли это у васъ что нибудь; у нихъ любовь—это только нервное, по поверхности скользить. Вы положимъ не барыня.. ну, а у купеческихъ дочерей—это больше съ жиру! Впрочемъ лице у васъ хорошее, дай Богъ, если это въ крови, тогда дѣло прочно—порадуюсь за Сергѣя!

Екатерина Семеновна.

Какой вы хорошей, прямой человекъ... какъ вы это правдиво говорите.

Сергѣевъ.

Такъ вы не обижаетесь, что я ругаюсь? радъ: въ васъ будетъ прокъ... Да, вотъ, что еще скажите вы мнѣ еще, такъ для успокоенія.. Вы этихъ разныхъ модныхъ книжекъ не читали въ послѣднее время?...

Екатерина Семеновна.

Какихъ это модныхъ?

Сергѣевъ.

Ну, тамъ о безбрачїи, объ общемъ равенствѣ, о безграничной свободѣ, ну и о прочей чепухѣ.

Екатерина Семеновна.

Нѣтъ, такихъ не читала...

Сергѣевъ.

Ну, и это хорошо... Потому что я, Катерина Семеновна, понимаю отверженіе вотъ такой дикой родительской власти, какъ вашъ почтенный родитель—это справедливо, потому это не человѣкъ; въ такія отношенія должно бы даже вступаться самое общество... Ну, а чтобъ это все, знаете, сплошь ломать, передѣлывать на что жъ это? что же мы на его мѣсто-то поставимъ! Многое и изъ стараго пригодится. Въдѣ исторїи отвергать нельзя.

Екатерина Семеновна.

Я и сама объ этомъ такого же мнѣнія, я также думаю.

Сергѣевъ.

То-то же, серьезно ли думаете-то? потому что жизнь... это вѣдь, о, какая нелегкая штука, вы отъ нее ждите только дурнаго, хорошаго отъ нея немного... Ну, да вы не падайте духомъ... Вамъ теперь бодрость нужна... Если вы не сердитесь на мои рѣчи, значить ничего... Да, ничего! какъ только станетъ не втерпежъ — приходите, въ обиду не дадимъ... Прощайте же, не падайте духомъ.

ЯВЛЕНИЕ XV.

Екатерина Семеновна *(возвращаясь)*.

А, онъ немножко напугалъ меня, какой рѣзкій человекъ, а ничего, не обидно: видно что правду говорить... Должно быть много пережилъ, а еще молодой какой — умный человекъ; ну а все ни то, что Николая: у того все это такъ мягко, деликатно выходитъ. Онъ, повидимому, иногда пожалуй думаетъ вотъ также, какъ и этотъ Сергѣевъ, а передаетъ это въ другихъ формахъ... Не нервы ли — какія нервы? я люблю его вся, вся нераздѣльно, вѣкъ пожертвую для него, а онъ боится, нѣтъ онъ не знаетъ меня; а ничего, онъ все-таки хорошій человекъ, ужъ и потому по одному хорошъ, что товарищъ его.

ЯВЛЕНИЕ XVI.

Ты же и Семень Васильевичъ.

Семень Васильевичъ.

А это ты, тебя то мнѣ и надо... Готовили что ли чтонибудь? я нынче буду дома обѣдать... Вотъ каковы они дѣти-то, а особенно, если Господь дочерями накажетъ; значить сладко, что и кусокъ въ горло не идетъ. Есть ли что обѣдать-то?...

Екатерина Семеновна.

Найдется чтонибудь.

Семень Васильевичъ.

Найдется чтонибудь... Не чтонибудь, а что либо приличное... Нынче среда, чтоль, значить — день постный, безъ

меня чай вамъ все на руку, что попадетъ и рыба и мясо... Передъ мной только хвостомъ то виляете.. Поди-ка вели кусокъ бѣлуги пожирнѣе сварить, да изготвь батвинью, сама изготвь, не барыня, не развалишься. Ну, да леважниковъ что ли изжарить... чего тамъ нибудь, иль асетрины, слышишь что ль... Да, закуску надо приготовить — винъ я привезъ: гости будутъ къ вечеру. Да и сама то принарядись. Да что же ты молчишь, слышишь что ль?

Екатерина Семеновна.

Слышу...

Семень Васильевичъ.

Ну, и дѣйствуй, если слышишь... А то давеча тоже глаза вытаращила... Хотите моль все скажу! Знаемъ, что гораздо чужія рѣчи то подслушивать, да насъ этимъ не испугаешь. Если слышала, что тебя за Доброхотова отдаю, ну, такъ это и будетъ, за него и пойдешь. Сейчас по рукамъ ударили. И ни слезъ твоихъ, ни криговъ теперь не послушаемъ.. Баста — окрестили! Чего тебѣ еще надо—одна фамилія чего стоитъ—Доброхотовъ!

Екатерина Семеновна (*твердо взглядываетъ на отца и молча уходитъ*).

Семень Васильевичъ.

Разборчива очень! Ишь ты не видала еще, да ужъ и не хорошь... А, ужъ какъ тамъ дѣла эти устроиваются—ее ли это дѣло! Разумны очень стали... Да, вздоръ ничего этого не будетъ; выдетъ и не услышитъ, а тамъ уже не наше дѣло. (*Входитъ Путиловъ*). Ба, ты это откуда благопріятель?

ЯВЛЕНИЕ ХVII.

Тъ же и Путиловъ.

Путиловъ.

Здравствуйте дядюшка... Да, у васъ что ли жена?

Семень Васильевичъ.

Чья—твоя чтоль? такъ она къ намъ и носа не кажетъ. Не видалъ я ее давно ужъ у насъ.

Путиловъ.

Что ты вотъ станешь дѣлать?... цѣлый день за ней гоняюсь... Раза два нынче видѣлъ на извозчикъ, я за ней, а она какъ и не видитъ: въ переулочкѣ, въ другой—улизнетъ изъ подъ рукъ, да и на поди.

Семень Васильевичъ.

Да, что вы съ ней, иль не ладите?

Путиловъ.

Какія лады! Хоть бы не срамила-то... Ахъ ты, батюшки, какъ вѣдь измучился — бѣда! Экая лиходѣйка! Изъ силъ выбился... Ну, да ужъ погоди, голубушка, попадешься мнѣ въ лапы, за все отвѣтишь! Ахъ, ты Господи! Даныть ли у васъ хоть водки, дядинька, съ самаго утра ни маковой росинки во рту не было.

Семень Васильевичъ.

Погоди вотъ батвинью изготовятъ, вмѣстѣ поѣдимъ; да я думаю ужъ и изготовили. Эй, кто тамъ, дочь, Настасья, кто нибудь! Настасья!

ЯВЛЕНИЕ XVIII.

Ть же и Настасья.

Что прикажите?

Семень Васильевичъ.

Чего приказывать, ужь приказано! Батвинью давай.

Настасья.

Никакой батвиньи нѣтъ.

Семень Васильевичъ.

Какъ нѣтъ? вѣдь я приказалъ дочери...

Настасья.

Да, Екатерины Семеновны и самой нѣтъ; она ушла.

Семень Васильевичъ.

Какъ ушла, куда ушла?

Настасья.

Богъ ихъ знаетъ, надѣли на скоро бурнусь этотъ, по-
крылись платкомъ, узелокъ какой то взяли и ушли.

Семень Васильевичъ.

Бурнусь, узелокъ! Да, куда же это, какъ же это безъ
спроса?

Настасья.

Не знаюсь... Это ихъ дѣло.

Путиловъ.

Вотъ исторія! Ужъ не съ моей ли это она вмѣстѣ загуляла.

Семень Васильевичъ.

Пошелъ ты дуракъ! (*Къ Настасьѣ*). Шляпу давай мнѣ, лошадь, кучера, дворника, послать за квартальнымъ надзирателемъ. Ушла!.. А ты-то чтожь? Вяжите ее! (*Подумавъ*). Ну, да изъ чего я бѣснуюсь-то? Ушла такъ ушла!.. Она мнѣ батвиньи не приготовила, а я стану за нее беспокоиться... Придешь захочешь, а не воротится такъ и хлопотъ меньше и расходовъ никакихъ. Давай-ка намъ закуску—мы съ тобой помянемъ—ты жену а я дочь, потому, потому что я ее теперь и знать не хочу. Я изъ за нее не ѣлъ до сихъ поръ! Давай вино, готовь закуску. Мнѣ теперь, что есть она, что нѣтъ, все равно!

Путиловъ.

Само собой: я и о женѣ тоже думаю. Закусить теперь любовное дѣло.

Анна Васильевна.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

НЕБОГАТАЯ КОМНАТА ВЪ ДОМѢ КРОТКОВА.

ЯВЛЕНІЕ I.

Анна Васильевна и Анночка.

Анна Васильевна.

Чай устала ты, моя милая Анночка? Ты бы съла, да отдохнула немного...

Анночка.

Нѣтъ, ничего, матушка, сидѣть-то хуже: сильнѣй ноги болятъ; когда ходишь то—лучше!

Анна Васильевна.

Ужь ты, матушка, больно ретива — шутка ли цѣлый день бѣгаешь... Чтой-то, словно, ужь нужна какая непокорытая.

Анночка.

Я люблю работать, матушка, и ходить очень люблю: Когда работаешь или идешь ничего тебя не мучить, никакая дума не навязывается; а сидѣть я долго никакъ не могу, потому меня думы, да разные вопросы замучаютъ

Анна Васильева.

Да, какія это у тебя думы, что за думы такія?

Анночка.

Ахъ, маменька, мало-ли какія—вѣдь живой я человѣкъ.

Анна Васильевна.

Ну, я въ твои секреты не вмѣшиваюсь. Это твое дѣло.

Анночка.

Э, маменька, вы все на счетъ одного... на счетъ нѣжныхъ чувствъ! повѣрьте, что объ этомъ я меньше всего думаю... Мнѣ бы вотъ какой-бы нибудь солидный урокъ да способныхъ учениковъ,—вотъ это дѣло бы.

Анна Васильевна.

Да, ты вотъ о чемъ... Вотъ эти-то думы мучать тебя?

Анночка.

Да, вотъ эти-то—матушка! Съ другими у меня коротокъ разговоръ: вотъ вчера, какой-то франтъ меня съ Тверской до самой Никитской провожалъ, да ужъ надоѣлъ очень, близко подходить началъ, клянется что влюбленъ въ меня, изъ города, говорить, въ непозволительное время уѣзжаю, не отвяжешься никакъ; я взяла да и показала ему дырявую перчатку въ одной рукѣ, а въ другой книгу—бѣдна, моль, и тружусь. Ну, должно быть понялъ, отошелъ. Такъ я и съ думами: начнутъ они ужъ очень близко подходить ко мнѣ, я и покажу имъ ту же дырявую перчатку, ну и увидятъ, что нечего взять и отойдутъ. Эхъ, матушка, ужъ намъ ли думать о разныхъ роскошахъ жизни—хорошо, что необходимое-то есть!

Анна Васильевна.

Э, голубушка, Анночка—молода ты еще: полюбить-то не въ нашей власти. Братъ-то твой, тоже кажется закаленный человекъ, — да вотъ не сладилъ же съ собой; да еще какую обузу-то на себя беретъ, шутка ли изъ богатаго дома, и безъ приданаго, да и безъ родительскаго благословенія.— Охъ, много онъ на себя беретъ, особенно послѣднее-то. Трудно будетъ все это на настоящій ходъ поставить.

Анночка.

Дѣло брата, особое, матушка!.. Эдакъ и я выду за мужъ, какъ онъ-то женится... Кагъ же не помочь человекъ, да еще человекъ любимому? Она, говорятъ, хорошая дѣвушка, да въ такомъ загонѣ живетъ. Мнѣ вотъ интереснѣе всего будетъ знать о ней мнѣніе Сергѣева...

Анна Васильевна.

Да, ужъ этотъ отчеканить. Давича мнѣ и боизно-то за него и смѣшно-то. Палку-то онъ какую взялъ! Крестовый, говорить, походъ какой-то на самодуровъ поднимаю. Славный онъ человекъ!

Анночка.

Хорошій человекъ.

Анна Васильевна.

Чай теперь уже скоро воротится?

Анночка.

Какъ придется! Пожалуй ище и въ часть попадетъ...

Анна Васильевна.

Избави Богъ! Да за что же это?....

Анночка.

Ну, да такъ — здорово живешь: у нашего богатаго купечества особенно этихъ русаковъ это ни по чему, они никакихъ денегъ не пожалѣютъ, чтобы только челоуѣку неприятность сдѣлать — это ихъ первое удовольствіе и для этого они и квартальныхъ и частныхъ приставовъ на жалованьи держутъ.

Анна Васильевна.

Ахъ, ужъ ты, чего не выдумаешь! И скажи ты мнѣ, Анночка, почему ты этихъ богатыхъ купцовъ ненавидишь? Ты вѣдъ просто ненавидишь ихъ!

Анночка.

Ненавижу, и потому ненавижу, что они на людей настоящихъ не похожи, что много, много бы добра они могли сдѣлать своими деньгами, а только и дѣлаютъ, что лежать на нихъ, какъ собака на снѣгъ — ни себя, ни другимъ.

Анна Васильевна.

Ахъ, Анночка, они много добра дѣлаютъ..

Анночка.

Какое же это добро — это такъ только — одно тщеславіе. Это не люди, а большею частию самодуры — мучители людей, и я еще болѣе полюбила брата съ тѣхъ поръ, какъ онъ взялъ подъ защиту эту бѣдную дѣвушку, одну изъ ихъ жертвъ, и чувствую, что и ее полюблю...

Анна Васильевна.

Какъ ты не завидуешь брату?!

Анночка.

Да, что вы матушка? За кого же вы меня принимаете? Что я, въ самомъ дѣлѣ, изъ Рогожской что ли—это вѣдь тамъ завидуютъ, если братъ женится ранѣе, нежели сестра замужъ выходить, да сестры другъ другу за жениховъ носы скусываютъ...

Анна Васильевна.

Ахъ, ты умница моя, ахъ ты проказница! И чтой-то Господь Богъ мнѣ за дѣтей далъ—истинное утѣшеніе!.. Дороже всякаго богатства.. Поцѣлуй ты меня, Анночка, поцѣлуй милая моя.

Анночка *(цѣлуя)*.
 О, матушка, что такое богатство, въ нашей временной жизни? И чрезъ золото слезы текутъ.

Анна Васильевна.

Такъ-то такъ, а все таки ничего бы, если бы лишнее было... Охъ, подкузмили, подкузмили наши богачи твоего батюшку, такъ онъ и умеръ отъ нихъ, голубчикъ, а то толи бы у насъ было...

Анночка.

Ну, будетъ, будетъ матушка. Да будутъ разорители наши прокляты! А вотъ и Сергѣевъ идетъ.

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же и Сергѣевъ.

Анночка.

Ну, что какъ дѣла, Федулъ Сидорычъ, какова невѣста Сережи?

Сергѣевъ.

Вы опять ругаетесь Анна Петровна — сколько разъ я просилъ васъ, ну виновать ли я что меня съ такимъ прозвищемъ въ свѣтъ пустили. Экаго вѣдь спяпали — Оедуль Оедорычъ.

Анночка.

Ну, полноте, что ли звукъ пустой...

Сергѣевъ.

Да, звукъ-то больно ужъ скверный — Оедоръ Сидорычъ! Экова выдумали! Хочу просить объ измѣненіи. Ну, да объ этомъ послѣ, теперь къ дѣлу, вы же кстати спросили какъ дѣла — дѣла отличныя и ваша будущая belle soeur, такъ кажется это по великосвѣтски-то называется, дѣвушка отличная — это несомнѣнно, повѣрьте моей опытности. Дивлюсь только какъ это только угораздило ее родиться и вырости въ такой атмосферѣ.

Анночка.

Вѣдь она въ пансіонѣ воспитывалась...

Сергѣевъ.

Подите вы съ пансіонами. Что у насъ за пансіоны: ливретокъ только изъ женщины дѣлаютъ... Нѣтъ, это ужъ не пансіонъ-съ — это, должно быть, натура русская такая, что какъ ее не коверкаютъ, а все изъ нее человѣкъ выходитъ.

Анна Васильевна.

Ну, а самага-то видѣли?

Сергѣевъ.

Самага отца — сатану-то? Нѣтъ не сподобился, а очень было желательно встрѣтиться; мать сатану какую-то, въ

женскомъ образѣ, видѣлъ. Ужъ, именно что къ благочестивымъ людямъ ихъ въ десятеро болѣе нашего приставлено, потому видно во всѣхъ этихъ богоспасаемыхъ странахъ ихъ кишмя и кишить... Такъ меня за полюбовника Екатерины Семеновны и приняла, благословила даже на какое-то доброе дѣло. Тѣбу ты развратъ какой! — Ну атмосфера, никакую привилегированую ждановскою жидкостью не очистить—болото самое зловердное!

Анночка.

Ну, что же, что же она, расскажите намъ?

Сергѣевъ.

Да что-съ! Натурая хорошая, твердость кремневая, разожгли, какъ видно, до бѣлаго жиру... Ужъ этой можно повѣрить: что говорить, то и сдѣлаетъ. Хотѣла со мной уйти, да я отсовѣтовалъ, ну, да она тамъ долго не уживется; я ее отъ вашего имени, Анна Васильевна, пригласилъ.

Анна Васильевна.

Что же вы ее это съ собой-то не взяли?... Экой, вы какой!

Сергѣевъ.

И по всему видно, Анна Васильевна, что вы женщина романтическаго періода—что же я за рыцарь такой? и такъ ужъ не мало на нашего брата всякихъ пакостей взводить. И, такъ ужъ я въ окошко влѣзъ—мало что ли вамъ это?

Анночка и Анна Васильевна.

Какъ же это въ окошко?

Да такъ же, вотъ этими самыми ногами, сперва одну спустилъ, потомъ другую, а потомъ и самъ весь опустился. Попадешь въ эту страну безобразя, такъ толи еще тамъ надѣлаешь, я такъ того и ждалъ, что внизъ головой пойду, вѣдь тамъ все книзу головой ходять.

Анночка.

Забавникъ вы Сергѣевъ!

Сергѣевъ.

Ну, вотъ спасибо хоть за эту кличку, все-таки человѣческое. Въ благодарность за это скажу вамъ, что вы съ Катериной Семеновной поладите:—вы, какъ-то эдакъ, похожи другъ на друга—общаго много есть..

Анна Васильевна. Анна Петровна, эту старину, она споконъ вѣку хромаетъ у насъ, въ каждой семьѣ эти совѣтъ да любовь желаются да что-то не пристають. Пожелайте чегонибудь другаго, хотя побольше самолюбія каждому—это дѣло вѣрише будетъ. А, да вотъ же герой нашъ...

Сергѣевъ.

Э, не тревожьте, Анна Петровна, эту старину, она споконъ вѣку хромаетъ у насъ, въ каждой семьѣ эти совѣтъ да любовь желаются да что-то не пристають. Пожелайте чегонибудь другаго, хотя побольше самолюбія каждому—это дѣло вѣрише будетъ. А, да вотъ же герой нашъ...

ЯВЛЕНИЕ III.

Тъ же и Кротковъ.

Кротковъ.

Ну, что, что, Сергѣевъ, рассказывай!

Сергѣевъ.

Убавь, братъ, жару прежде всего не кидайся, какъ бѣшенный... Ишь какъ первый любовникъ на сцену влетѣлъ.

Кротковъ.

Полно, дурачиться-то, говори дѣло.

Сергѣевъ.

Да, ты слушай, прежде, тогда и буду говорить. Да, дайте хоть рюмку водки выпить, и что нибудь пожевать, вѣдь я не Донъ-Кихоть Ламанчскій, въ самомъ дѣлѣ, проголодался—таки.

Анна Васильевна.

Ахъ, батюшка, да вы давно бы сказали.

Сергѣевъ.

Ну, вотъ, Анна Васильевна, вы и поднялись, да вы скажите гдѣ—мы и сами найдемъ.

Анна Васильевна.

Да, полноте батюшка, мы всѣмъ міромъ, семейно, вотъ и Николая закусить *(уходитъ)*.

Анночка *(тоже вставая)*.

Празднество устроимъ, случай рѣдкій въ нашей будничной жизни... Я, Николая, уже все слышала и радуюсь за тебя. *(уходитъ за матерью)*.

ЯВЛЕНИЕ IV.

Николай Ивановичь.

Ну, такъ въ чемъ же дѣло-то, въ чемъ дѣло Сергѣевъ?

Сергѣевъ.

Да, погоди, дай, братъ, прежде водки выпить — ну что присталь? Дѣло отличное—вотъ тебѣ пола, еслибъ дурно было, не молчалъ бы, остальное, можешь вывести изъ этого.

ЯВЛЕНИЕ V.

Анна Васильевна *(возвращается)*.

Сейчасъ, сейчасъ, батюшка, Оеdulъ Сидоровичъ, сейчасъ подадутъ.

Сергѣевъ.

Да, пожалуста не тревожьтесь, Анна Васильевна,—эка эта русская женская натура—изо всякаго бездѣлья дѣло сдѣлаетъ. *(Подаютъ водку, входитъ Анючка)*.

(Къ Кроткову).

Ну, вотъ и дѣло! Ну, а ты выпьешь?

Кротковъ.

Пожалуй... Ну, что же сказала она, когда ее вырывать-то, или она сама?

Сергѣевъ.

Эко, вѣдь нетерпѣн!.. Ни на грибки, ни на сеledку не обращаетъ вниманія—все это ему теперь ни почемъ. Ну, братъ, погоди, помучу же я тебя до тѣхъ поръ, пока, не удовлетворю себя... Ну, бери—чокнемся!.. Анна Васильевна, вы не пропустите?

Анна Васильевна.

Э, что вы, батюшка...

Сергѣевъ.

Что же такое! Въ ваши лѣта это позволительно, вотъ, Анны Петровны, не прошу, хотя по новымъ ученіямъ и ей разрѣшается—для то свобода во всемъ!.. Ну, жертва Гиминей!

Кротковъ.

Да полно шутить-то...

Сергѣевъ.

Живи шутя! А, послушай, Николай, неужели ты въ самомъ дѣлѣ женишься, а? Какъ же, братъ это, вѣдь это чертъ побери... Вѣдь это все былъ не женатъ, а теперь женатъ!.. Впрочемъ, ничего, такую женидбу, какъ твоя я одобряю.. Эдакъ пожалуй и я бы.. Только смотри не збренди..

Кротковы

Что ты хочешь этимъ сказать?

Сергѣевъ.

Ты не обижайся, я по дружбѣ... Выпьемъ по другой... Вотъ, видишь ли, привычка то что значить... Смотри, братъ, не возьми другую привычку въ зубы — идеализировать все въ жизни — бѣда! Да... Ты теперь вступаешь на великое поприще, хочешь быть вполне гражданиномъ, семьяниномъ, *мужемъ* и отцемъ! Жениться на Руси вообще — дѣло плевое... Женатыхъ у насъ — изъ сотни 99, но наберется ли и десятокъ изъ этой сотни такихъ, которые понимали то, что они берутъ себѣ на плечи этой женитьбой? Голову прозакладую не наберется! Вотъ у насъ фактъ предъ глазами — дочь уходитъ отъ отца, бѣжитъ отъ отца — это въ нашей болотной жизни фактъ, пожалуй скажутъ, рѣдкій, возмутительный — положимъ, что, да. Эта дѣвушка становится уже героиней, необыкновеннымъ чѣмъ то, а приглядишься-ка, приглядишься попристаляннѣе: она вѣдь освѣщаетъ собой цѣлую толпу, тысячи несмысленныя, которымъ слѣдовало бы также бѣжать... И это быть семейный, это жизнь по закону! Ужъ именно по Капнисту: законы святы, да исполнители лихіе супостаты! На насъ, молодое поколѣніе, клались надежды, думалось что мы что-то такое сдѣлаемъ къ лучшему: ограничимъ безобразіе, всколыхнемъ застой жизни. . Что же мы сдѣлали?.. Дай, братъ, прежде третью выпью: горько! Ни чорта хорошаго не сдѣлали — такъ кашу какую-то заварили, оказались, люди даже безъ характера, мечтатели, идеалисты: подъ видомъ тамъ разныхъ новыхъ ученій, экова чорта вѣдь выдумали, служили только своему мамону, да горлу, въ первобытные времена возвратились — такой эрунды натворили, до такой степени выворотили наружу несостоятельность своихъ мозговъ, такъ опошили все свя-

тое, все завѣтное, что стыдно становится за этотъ пошлый народъ: чтобъ ограничить семейный деспотизмъ народъ этотъ погубилъ десятки тысячъ честныхъ дѣвушекъ, женщинъ, десятки тысячъ семействъ. Это вмѣсто того, чтобы помочь ихъ развитію. Дѣйствительно, необыкновенные, новые люди! То ли мы были должны сдѣлать, то ли ждалось отъ насъ, такъ ли исполняютъ свое призваніе лучшія люди страны, тому ли учили наши учителя—Грановскій, Кудрявцевъ? Выросъ одинъ эгоизмъ, гадкій, черствый эгоизмъ и больше ничего. Чепуха—ни ума, ни разума, ни смысла народнаго. За то шумъ, трескотня, фразерство, вторую Америку открывали... Коломбы, что говорить.. Русскіе Бокли, Дарвины явились... Экая чепуха, Господи Ты Боже мой!.. Анна Васильевна позволите я четвертую выпью.

Анночка.

Нѣтъ, я вамъ запрещаю...

Сергѣевъ.

Вы, Анна Петровна, вы меня удерживаете, вы мнѣ запрещаете?.. Не пью, не буду, не хочу!.. Господи ты Боже мой! есть еще человѣкъ, который заботится обо мнѣ... Николай, если бъ у меня была такая сестра, я бы никогда не женился...

Кротковъ.

Да, полно, пожалуста, что же ты дѣлаешь со мной?

Сергѣевъ.

Нѣтъ, ничего, прости, виновать... У тебя особенный случай.

Кротковъ.

Прощаю охотно, скажи только отвѣтъ-то ей...

Сергѣевъ.

Отвѣтъ-то... Постой, что-то мелькнуло (*смотритъ въ окно*)... Неужели это съ трехъ у меня.. Быть не можетъ!.. Ну, такъ и есть. Оправдались мои слова, не долго осталась она тамъ.. (*Идетъ къ дверямъ и вводитъ Екатерину Семеновну*). Вотъ слушай и смотри, вотъ мой отвѣтъ.

ЯВЛЕНИЕ VI.

Тъ же и Екатерина Семеновна.

Сергѣевъ.

Что же можетъ быть яснѣе этого, — вотъ онъ на лице.....

Кротковъ.

Катя!

Екатерина Семеновна.

Господи какъ я рада, что я у тебя, словно только вотъ жить начинаю...

Анна Васильевна.

Матушка ты моя, да какая хорошая!

Анночка.

Сестра... сестрица моя.

Сергѣевъ

Ну, вотъ поди, очерти эти сцены, отдай ихъ въ типографію, ну скажутъ выдумка, выдумка и выдумка — то пустая: новаго ничего нѣтъ, тема избитая; а вотъ они происходятъ у насъ теперь, во очію, въ дѣйствительности происходятъ, отъ нихъ то въ жаръ, то въ холодъ бросаетъ... Екатерина Семеновна, сбылись значить, мои слова — не долго остались вы у вашего учителя... Молодецъ вы русскій, герой, Илья-богатырь!.. Ну, что же вы примолкли познакомьтесь со всѣми — здѣсь все хорошіе люди, вотъ Анна Васильевна достойная мать семейства, вотъ Анна Петровна достойная дочь ея. Этого вы знаете, а это я, безалаберная голова — Федулъ Сидорычъ Сергѣевъ... навсегда вашъ покорнѣйшій слуга. . Но, господа, уйдемъ отсюда, дайте имъ слово на единѣ перемолвить, имъ это теперь также нужно, какъ жаждущему въ степяхъ Сахары воды испить.. Анна Петровна вы меня пожалѣли нынче ... пожалѣли не скрытно, всенародно, и не только подумали, но и въ словѣ выразили... Ну, еще значить не пропало наше купеческое общество, когда такихъ людей, какъ вы на свѣтъ производите... Анна Петровна пойдете: куда нибудь, мнѣ тоже вамъ надо слово сказать. *(Анночка подаетъ ему руку и уходитъ).*

Анна Васильевна.

А, намъ старымъ людямъ, Господь Богъ то же радость даетъ: радость смотрѣть на все это. Экія парочки-то — любо дорого. *(Уходитъ).*

ЯВЛЕНИЕ VII.

Кротковъ.

Катинька теперь все то, о чемъ мы съ тобой говорили, о чемъ думали, все это въ исполненіе приводится?

Екатерина Семеновна.

Да! И дороже ты мнѣ теперь и отца—моего учителя и бѣдной моей матери.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

(Черезъ полгода).

Трактиръ противъ присутственныхъ мѣстъ, въ Москвѣ. Особая комната.

ЯВЛЕНІЕ I.

(За столомъ группа: Семенъ Васильичъ Шарановъ, Козьма Васильичъ, ходатый по дѣламъ и половой, который прислушивается).

Ходатый по дѣламъ (*читаетъ „Русскія Вѣдомости“*).

„Дѣло по жалобѣ полиціи на неисполненіе ея распоряженій торгующимъ мѣщаниномъ Алексѣемъ Добролюбовымъ. Входитъ въ залу Добролюбовъ, съ надмѣннымъ видомъ, одѣтъ купцемъ, припомаженъ, и иронически поглядываетъ на публику; во взглядѣ полная увѣренность, что его по напрасну обезпокоили и все дѣло кончится пустягами.

Козьма Васильичъ

Съ отвагой, значить, по купчески.

Ходатый.

Должно быть, да нынче этотъ гоноръ-то не помогаетъ: занесешься такъ еще оштрафуютъ — любопытные пассажи

нынче описываются. Прислушайте-ка, для то надо въ со-
ображеніе брать. (*Читаетъ*).

Судья. Г. Добролюбовъ, мнѣ предъявлена на васъ жа-
лоба полиціи, что предъ вашей лавкой на тротуарѣ сто-
итъ бочка съ дегтемъ, которую вы не убираете, не смо-
тря на неоднократныя приказанія, и когда къ вамъ, въ
последній разъ посланъ былъ городской, то вы кричали
изъ лавки, что знать не хотите полиціи, я штрафа не
боюсь, пусть хоть десять постановленій пишутъ“.

Добролюбовъ. Никакъ нѣтъ съ, пустяки!

Судья. (*звонитъ*) Прошу васъ быть приличнымъ и от-
вѣчать прямо на мои вопросы, если не хотите, чтобы я
васъ оштрафовалъ за неуваженіе къ суду“. Тибо, зна-
чить... что жъ съ такимъ народомъ дѣлать?

Семень Васильичъ.

Ишь ты, лишняго слова не промолви.

Ходатый.

Нѣтъ нынче пустяковъ не слушаютъ, и избави Госпо-
ди грубости, иль обругать другъ друга, говори только
что къ дѣлу, а то сейчасъ штрафъ, (*читаетъ*).

Добролюбовъ. Изложите видѣть, все это одна придирка.
(*Судья звонитъ*) Бочка съ дегтемъ простояла на „пурт-
варѣ“! одну ночь — эка важность! Сказали, и убралъ и
теперь ея ужъ нѣтъ; стоитъ ли дѣло заводить?

Судья. Я вижу, вы не понимаете вашего поступка; по
вашему, на тротуарѣ стоитъ деготь и мимо вашей лав-
ки нѣтъ прохода, вы кричите на всю улицу, что знать
ничего не хотите, — все это по вашему ничего. Я согла-
сенъ, что это не уголовныя преступленія, это не болѣе
какъ одинъ изъ тѣхъ вкоренившихся у насъ милыхъ
обычаевъ — дѣлать на улицѣ безнаказанно всевозможныя

безобразія, вслѣдствіе которыхъ наконецъ по улицѣ порядочнымъ людямъ нельзя стало ходить; но слава Богу, настало время, что Мировымъ судьямъ, между прочимъ, предоставлено искоренять эти обычаи и возстановить уваженіе къ закону и распоряженіямъ властей, и вы, какъ человѣкъ все-таки сколько нибудь образованный, должны радоваться тому, что наконецъ не будетъ на каждомъ шагу того безобразія, къ которому вы, повидимому, такъ привыкли и любите. За тѣмъ прошу васъ прямо говорить, было ли вами исполнено распоряженіе полиціи объ уборкѣ съ тротуара дегтя и говорили вы тѣ слова, въ которыхъ васъ обвиняютъ!

Добролюбовъ. Ничего я не говорилъ; писать можно, что хотятъ; въ полиціи писцовъ много“.

О, го! Отвѣтить за это слово. Въ смитрительный какъ разъ упекутъ.

Семень Васильичъ.

За что жъ?

Ходатый

Не ходи по лавкѣ, не смотри въ окно...

Семень Васильичъ.

Значить и ругаться нельзя и оправдываться.

Ходатый.

Оправдываться можно, а ругаться ужъ надо погодить, за это нынче на цугундеръ. Слушайте ка дальше.

Судья. Вы, кажется, твердо рѣшились лишить Мирового судью возможности быть снисходительнымъ къ вашему поступку, потому я больше васъ спрашивать не буду и обращусь къ свидѣтелямъ, унтеръ офицеру Федо-

сѣву и лавочнику Дешину. Федосѣевъ! Въ донесеніи полиціи упоминается, что прочтенныя мною слова сказаны Добролюбовымъ именно тебѣ?

Унт. офиц. Федосѣевъ. Ваше высокогородіе, Добролюбову нѣсколько разъ было приказано убрать деготь, но онъ простоялъ у него на тротуарѣ 8 сутокъ, и когда вчера я въ послѣдній разъ былъ посланъ ему сказать, чтобы онъ убралъ бочку, онъ, стоя въ дверяхъ лавки, громко кричалъ, что ничего знать не хочетъ. Да и до сихъ поръ у него на тротуарѣ лежатъ уголья

Судья. Я долженъ предупредить тебя, Федосѣевъ, что я тебя спрашиваю безъ присяги, на осн. 98 ст. Уголов. суд. представится надобность, могу перепросить тебя подъ присягою—такъ-же ли ты покажешь тогда?

Федосѣевъ. Точно такъ ваше высокогородіе.

Добролюбовъ. Извольте спросить другаго свидѣтеля, тоже лавочника: вѣрнѣе покажетъ; а это все та же полиція, — что онъ зря показываетъ.

Судья. Извольте молчать! (*Къ Дешину*) Если вы были при этомъ, то расскажите, что вы видѣли?

Это значитъ онъ свидѣтеля допрашиваетъ

Козьма Васильичъ.

Ну, ну — послушаемъ что-то будетъ, можетъ этотъ выручить.

Ходатый.

А вотъ послушайте! Вотъ отвѣчаетъ Дешинъ—свидѣтель со стороны Добролюбова.

Дешинъ. Наше дѣло сторона, тоже торгуешь, что насъ брать во свидѣтели? Однѣ сутки деготь на тротуарѣ у него стоялъ, а тамъ знать убралъ; а что онъ говорилъ не слышали, не наше дѣло. Ну этотъ, значитъ и нашимъ и вашимъ.

Судья. Я считаю дѣло достаточно разрѣшеннымъ для его рѣшенія, но прежде не угодно ли вамъ, г. Добролюбовъ еще что нибудь добавить въ ваше оправданіе.

Добролюбовъ. Извольте записать, что я 43 года сижу на одномъ мѣстѣ и ни въ чемъ замѣченъ никогда не былъ... Опять гонору пустилъ.

Судья. (Написавъ рѣшеніе, встаетъ) Приговоръ: (все встаютъ). Добролюбовъ виновенъ въ неисполненіи распоряженіи полиціи и произнесеніи при этомъ неприличныхъ выраженій.—Къ увеличенію мѣры положеннаго за те взысканія служить даже и то, что онъ въ Мировомъ судѣ сказалъ, что въ полиціи писцовъ много, напишутъ что хотятъ, а потому, на основ. 27 ст. Уст., подвергнуть его денежному взысканію 15 рублей⁴. Ага, братъ, это не то, что въ былую пору у квартального надзирателя—тамъ бы и троишникомъ отдѣлался.

Семень Васильичъ.

Вотъ тебѣ, бабушка... Строго же: значить никакого и званія не уважаютъ—купецъ ли ты, мѣщанинъ ли, солдатъ ли все равно.

Ходатый.

Да ужъ нынче не то, что встарь: мужъ даже въ своей женѣ не воленъ, если виноватъ въ чемъ, отецъ въ дочери.. Что касается до имущества иль драки, тамъ, ни ни, избави Господи.

Семень Васильичъ.

И поучить нельзя.. Напрасно! Ну, да можно и такъ уладить, что и жаловаться не пойдутъ—это все въ нашихъ рукахъ. Читай ка, читай, можетъ и вывернется.

Ходатый.

Едва ли, а вотъ посмотримъ. (*Читаетъ*).

Добролюбовъ не хочетъ подписывать, что ему объявленъ приговоръ, и подпись объ этомъ дѣлаетъ самъ Мировой судья.

Судья. Пожалуйте 15 рублей.

Добролюбовъ. За что же помиуйте! да и денегъ у меня нѣтъ.

Судья. Назначаю вамъ крайній срокъ на уплату этихъ 15 рублей завтра 9 часовъ утра; если къ этому времени деньги эти не будутъ вами внесены, въ 5 минутъ десятаго у васъ будетъ судебный приставъ". Подавай, братъ, подавай!

Козьма Васильичъ.

Значить выкладывай.

Ходатый.

Да, ужъ разкошеливайся...

Половой (*отходя*).

Какъ есть резонъ и наисправедливѣйшимъ образомъ.

Семень Васильичъ (*въ слѣдъ ему*).

Ну, ты, философъ, подайга воды вотъ горячей. Это вотъ твое дѣло. Всякій нынче тоже въ разсужденіе пускается—человѣкъ тоже! Ну, а съ судебнымъ приставомъ ничего не подѣлаешь?

Ходатый.

Власть исполнительная—что же съ ней дѣлать...

Козьма Васильичъ.

Шабашъ значить. И какъ все это пропечатано будто вотъ предъ тобой происходитъ. Такъ тебя всего и выяснять—обидно даже.

Ходатый по дѣламъ.

Это новая выдумка—стенографіей называется, слово въ слово снимаетъ, вотъ случись даже грѣхъ—икни ты иль кашляни среди разговора и это пропечатаютъ.

Козьма Васильичъ.

Пропечатаютъ?

Ходатый по дѣламъ.

Пропечатаютъ.

Козьма Васильичъ.

Значить ужъ утайтъ ничего нельзя.

Ходатый по дѣламъ.

Пока еще нельзя—дѣло вновь а тамъ—надо еще будетъ посмотрѣть.

Семень Васильичъ.

Все вы не дѣло толкуете, какъ же тутъ утайтъ, если по этой механикѣ все выходитъ, даже если чихнешь иль кашлинешь.. Ты вотъ скажи ка лучше, можетъ быть еще можно дѣло по старому, по бумагамъ вести?

Ходатый по дѣламъ.

Если бы дѣло было заведено... тогда еще можно бы, а если вновь, то теперь ужъ трудно—шалишь братъ.

Семень Васильичъ.

Если трудно, такъ это еще ничего... Можно ли?

Ходатый по дѣламъ.

Надо поговорить... Только едва ли толкъ то выдегъ, ма-
точка ты моя!

Козьма Васильичъ.

Да вѣдь какъ же, братъ, вѣдь не ты дѣло заводишь, они
заводятъ, они тебя къ суду и вызовутъ.

Семень Васильичъ.

Это все наплевать. Могу и я завести. Вѣдь она ушла
отъ меня, не я отъ нее.

Козьма Васильичъ.

Да о чемъ же ты заводишь-то. Чудной ты человекъ!
Катерина Семеновна золото... я ей уже и дѣтей вручилъ...
О чемъ заводишь-то?

Семень Васильичъ.

Ну, вотъ еще о чемъ? Ну, здорово живешь, вотъ и за-
велъ. Неужели, въ самомъ дѣлѣ этого публичнаго дожи-
даться, въ которомъ тебя всего пропечатаютъ, какъ ты
чихнешь, какъ ты кашлянешь. И съ фамиліей пропеча-
таютъ!

Ходатый по дѣламъ.

Какже со веѣмъ.

Козьма Васильичъ.

Со всѣми потрохами...

Семень Васильичъ.

Ишь, вѣдь какую музыку придумали. Нѣтъ это надо какъ нибудь уладить другимъ манеромъ, а то, вѣдь, осрамить пожалуй.

ЯВЛЕНИЕ II.

Тъ же, Кротковъ, Сергѣевъ и Борисъ Васильичъ.

Козьма Васильичъ.

Тсъ .. ихъ сторона ..

Кротковъ.

Дай чаю, да притвори дверь.

(Борисъ Васильичъ подходитъ къ братьямъ и потомъ возвращается).

Сергѣевъ *(къ Кроткову)*.

Это онъ насъ нарочно сюда, у нихъ это слажено, ну оно и кстати! Мы поведемъ дѣло какъ говорили *(къ Борису Васильевичу)*. Вотъ удобный случай переговорить то съ нимъ.

Борисъ Васильичъ.

Мое дѣло сторона, если хотите—переговаривайте, я не вмѣшаюсь.

Кротковъ.

Какъ же это сторона-то, Борисъ Васильичъ, чужой что-ли вы женѣ моей?

Борисъ Васильичъ.

Что жъ мнѣ изъ за нее распинаться что ль?

Сергѣевъ.

Гдѣ ужъ вамъ распинаться, отъ васъ такихъ подиговъ никто и не требуетъ, васъ просятъ быть только посредникомъ.

Борисъ Васильичъ.

Э, какой вы право, Сергѣевъ, умный вы человекъ, а предлагаете такія странности... Ну, скажите на милость, что я съ нимъ подѣлаю?

Сергѣевъ.

Вы должны чтонибудь подѣлать, вы обязаны.

Борисъ Васильичъ.

Ничего я не могу...

Кротковъ.

Погодите, Борисъ Васильичъ, постой Сергѣевъ... Скажите хотя только одно намъ, гдѣ состояніе покойной матери жены моей?

Борисъ Васильичъ.

Да, вѣдь ничего не было.

Кротковъ.

Какъ ничего! Неужели покойная Надежда Николаевна ничего не принесла съ собой, выходя за мужъ изъ извѣстнаго, богатаго дома.

Борисъ Васильичъ.

Я право не знаю и ничего не могу сказать вамъ. Катерина Семеновна не моя дочь и я не имѣю къ ней никакихъ отношеній.

Сергѣевъ.

Совѣсть, совѣсть! скажу я вамъ вашимъ же купеческимъ выраженіемъ! а еще либераломъ прикидывается, еще за новизной тянется! Господи Ты Боже мой, какими дѣлами приходится начинать намъ новое, Нашимъ Великимъ Государемъ дарованное судопроизводство, неужели же не страшенъ вотъ такимъ людямъ всенародный царскій глазъ, что правда и милость царствуютъ въ нашихъ судахъ? Они все ищутъ средствъ обойти законъ, извернуться, но, подите скажите ему, что теперь другая пора: эти обходы можно разрушить—судъ справедливый, быстрый, скорый Нашъ законъ даетъ право дочери на состояніе матери помимо воли отца; въ старое время дѣйствительно достаточно было какой нибудь подложной дарственной записи, какихъ нибудь паршивыхъ двухъ свидѣтелей, чтобы правдѣ сломать себѣ о нихъ голову, но, подложное всегда останется подложнымъ и я даю вамъ честное мое слово, что выведу все это на чистую воду.

Семень Васильичъ.

Пойдемъ братъ—онъ ругаться начинаетъ! Тѣбу вы которжные!

Ходатый.

И какъ ловко—прицѣпиться даже не къ чему.

Козьма Васильичъ (*Ходатаю*).

Иди за нами!

Семень Васильичъ (*Ему же*).

Подслушать надо: и и прод ром эн внянемъ Семень

Ходатый.

За этимъ дѣло не станеть (*уходятъ*).

ЯВЛЕНИЕ III.

Кротковъ, Сергѣевъ и Борисъ Васильичъ.

Борисъ Васильичъ.

Да я то что тутъ, господа? я не знаю зачѣмъ вы пригласили меня, у меня и у самого не мало неприятностей.

Сергѣевъ.

Не онъ—я пригласилъ васъ, и совсѣмъ не для этого дѣла: я былъ увѣренъ, что вы не поможете, но я хотѣлъ поговорить съ вами о вашихъ же неприятностяхъ... Скажите, пожалуста, не тревожить ли васъ та пощечина, которую вы получили отъ Анны Петровны отъ сестры его, отъ той дѣвушки за которой вы гоняетесь и по Тверской и по Никитской и всюду, гдѣ бы ее не встрѣтили?

Кротковъ.

Какъ... Что такое?

Сергѣевъ.

Погоди, не кипятись! Дай ему вспомнить! Ну, что же отвѣчай, замоскворѣцкій Донъ-Жуанъ, такъ что-ли? Скажи теперь, пожалуста, что намъ съ тобой дѣлать? къ мировому ли тебя, или просто поколотить?

Борисъ Васильичъ.

Помилюйте, что же это такое, да я переговорюсь братомъ, я буду просить его.

Сергѣевъ.

Пошелъ ты вонъ, мерзавецъ, и чтобы больше ты своего ей носу не показывалъ. Не нужно твоего посредничества: Семень Васильичъ пришелъ сюда чтобы послушать, что мы будемъ говорить, ну, такъ пусть послушаетъ, тамъ у него соглядаяи есть. Скажи только ему, что онъ не вывернется.

Борисъ Васильичъ.

Скажу, непременно скажу. *(Въ дверяхъ къ половымъ).* Вотъ вамъ десять рублей, ребята, не говорите только никому про этотъ скандалъ.

ЯВЛЕНИЕ IV.

Сергѣевъ.

Экая скотина!

Кротковъ.

Успокойся, Сергѣевъ, Боже ты мой, что это за несчастье со всѣхъ сторонъ.

Сергѣевъ.

Это не несчастіе, а это невѣжество, которымъ мы окружены со всѣхъ сторонъ. Кто близко сталкивался съ нашимъ купечествомъ, того не подивить это: тьма еще царить надъ большею его частію, непроглядная, кромѣшная. Умолкнеть въ этой тьмѣ не только женщина, умолкнеть и мужчина... Но стыдно молчать намъ. Правда сама кричить — наболѣла она. Давай начинать дѣло!

Кротковъ.

Я готовъ! А его таки покоробило.

Сергѣевъ.

Погоди не такъ еще покоробить. Надо добыть только законныхъ доказательствъ, а потомъ безъ церемоніи предъ лице общества, въ окружной, не разговорится... Это что за звѣрь съ ними?

Кротковъ.

Стряпчій должно быть! Ба, да онъ у двери подслушиваетъ.

Сергѣевъ.

Имъ только теперь это и осталось. Пусть его. Ну, какъ ты думаешь, найдемъ мы законныя доказательства, хотя какія нибудь.

Кротковъ.

Едва-ли: все уничтожено; свидѣтели хотя и есть, но отъ нихъ ничего не дождешься—свои люди.

Сергѣевъ.

И жена не помнитъ ничего?

Кротковъ.

Помнить, что многое было у матери, но какъ, что... ничего не знаетъ, мать шла изъ богатаго дома, несла съ собой тысячъ на тридцать и какъ все это не показано въ отчетѣ по опека, про то, какъ онъ выражается, мы только знаемъ.

Сергѣевъ.

А выражается таки?

Кротковъ.

Да, не разъ.

Сергѣевъ.

При свидѣтеляхъ?

Кротковъ.

Нѣтъ, объ этихъ дѣлахъ онъ при другихъ не говорить.

Сергѣевъ.

Какъ бы его, эдакъ, куда нибудь, заручить хоть къ тебѣ, въ гости что ль, переговорить бы съ нимъ окончательно.

Кротковъ.

Теперь и думать объ этомъ нечего — видишь даже и не кланяется.

Сергѣевъ.

Это пустяки... Развѣ у этихъ людей гордость что ли есть — такъ только куражится.

Кротковъ.

Да устроить-то можно со временемъ, походить около него. Едвали только толкъ-то будетъ.

Сергѣевъ.

Ну, да что за важность; спрось не бѣда.

Кротковъ.

Разумѣется.

Сергѣевъ.

Намъ бы его только на якорь-то поставить. Ужъ очень мнѣ его хочется укротить-то его. Да, ужъ какъ онъ не вертись, я его къ суду притяну.

Кротковъ.

Надо же что нибудь съ нимъ подѣлать, честью отъ него ничего не возьмешь, ничего съ нимъ не подѣлаешь.

Сергѣевъ.

Какая тутъ честь, тутъ до сихъ поръ кулачное право. Не примѣнять же его. Хотя рожи препротивныя, такъ и требуютъ оплеухи. Ну да теперь, слава Богу, и безъ этого можно обойтись—судъ и расправа короткіе, свѣтлые, сердце радуется: нѣтъ выше наслажденія какъ сцены у мировыхъ или серьезное дѣло въ Окружномъ Судѣ. Такъ и брызжетъ правдой. Дай Богъ здоровья Государю, даль Онъ правдѣ силу и силу намъ въ руки.

ЯВЛЕНИЕ V.

Тъ же и ходатый

Ходатый *(на цыпочкахъ, подходя къ столу)*.

Семень Васильчъ просили меня передать вамъ, что они желаютъ переговорить съ вами, обо всемъ этомъ касающемся... Гдѣ прикажите?

Сергѣевъ.

А, на капитуляцію! Знаетъ кошка чье мясо съѣла. Охъ, разразился бы я теперь смѣхомъ велиемъ, да постой погожу... Толкуй съ нимъ Николай.

Кротковъ

Гдѣ будетъ угодно Семену Васильевичу. Ко мнѣ милости просимъ..

Ходатый.

Когда прикажите?

Кротковъ?

Чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше. Хоть бы нынче вечеромъ.

Ходатый.

Слушаю, я ему передамъ... Они въ тѣхъ комнатахъ ждутся.

Сергѣевъ.

Вепе.. Хорошо молъ. Ожидаемъ. *(Ходатый уходитъ)*.
Сила, сила наше время... Струхнулъ. Я тебѣ говорилъ:

главное дѣло запугать! Да и есть чѣмъ — публичный, гласный! Дай Богъ здоровья Государю, далъ Онъ ходъ правдѣ, коробить она неправду... Выпьемъ за Его драгоценное здорье!

ЯВЛЕНИЕ VI.

Ходатый *(возвращается)*.

Будутъ нынче безпримѣнно.

Сергѣевъ *(подымая бакалѣ)*.

За здоровье Государя, за гласный судъ, за новое судопроизводство!

Ходатый.

Осчастливьте. *(Пьютъ всѣ трое)*. Да, не будетъ ли у васъ мѣстечка—я бы всей душой.

Сергѣевъ.

Вамъ? Когда нужно будетъ гдѣ нибудь у дверей подслушивать; я тогда скажу. *(Ходатый ежится и уходитъ)*.

Ну, убирай ребята! Да, стой, ты получилъ давича отъ того франта десять рублей, а вотъ тебѣ отъ меня десять копѣекъ, скажи на чьей ты будешь сторонѣ?

Половой.

То ись какъ?

Сергѣевъ.

Ну, то ись... Будешь ли ты рассказывать, что я хотѣлъ поколотить Борьку Шарапова, да вотъ его родственникъ Кротковъ помѣшалъ.

Половой.

Само собой. Какже эдакой аказии не рассказать, да при томъ эти Шараповы извѣстные скареды... Это вотъ онъ въ просякъ то попалъ, такъ и разкошелился, а то отъ нихъ копѣйки никогда не увидишь, такъ это мы, артельно, за прежнее зачтемъ. Не такъ ли ребята?

Половые.

Самое настоящее дѣло. А про такой дебошъ какъ же не рассказать.

Сергѣевъ.

Резонъ ребята! Любо дорого съ такимъ народомъ, живемъ въ немъ правда живетъ. Ну, Кротковъ, маршъ за дѣло. Еще намъ укрощеніе предстоитъ. Практика, практика для меня.

Кротковъ.

Счастливы ты человекъ Сергѣевъ!

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Квартира Кротковыхъ: нѣчто въ родѣ рабочей комнаты, на лѣво мастерская, въ отворенную дверь видно нѣсколько работающихъ дѣвушекъ, на право дверь въ магазинъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Екатерина Семеновна, Анночка, Вѣра и Соня.

(Всѣ за работою).

Екатерина Семеновна.

Что не говорите, сестра, а грустно когда въ домъ мужа не приносишь ничего, кромѣ однихъ заботъ да неприятностей, грустно убѣдиться что съ своими родными не имѣешь ничего общаго, ничего къ нимъ не чувствуешь—ни любви, ни уваженія.. Бѣдный мужъ мой, чего онъ не натерпѣлся, сколько перенесъ изъ за меня неприятностей, сколько лучшихъ лѣтъ ушло на всю эту борьбу съ несправедливостью, съ диспотизмомъ, съ невѣжествомъ. Чѣмъ все это я замѣню ему?

Анночка.

Собою, все это вы замѣняете собою, милая моя Катинька... Вамъ нечего краснѣть за трудъ и неприятности мужа, вы сами несете на себѣ подобное же... Развѣ не трудъ вести вотъ все это дѣло, имѣть эту модную лав-

ку, и толковать съ нашими модными барынями, которыя третируютъ васъ какъ служанку и только за то, что вы не нѣмка и не французенка, предъ которыми они преклоняются почему-то безусловно. Да, я возьмусь лучше заниматься съ десятью самыми безтолковыми учениками, чѣмъ возиться съ одной подобной барыней. Ахъ, Ты, Господи, хоть бы разъ посмотрѣла, хоть бы на одну изъ нихъ, когда бы ей пришлось зарабатывать хлѣбъ своими руками... вотъ бы потѣха-то: я думаю, она бы голубушка одеколону на руки извела болѣе, чѣмъ заработала,— потому что все это sale, грязь, фи, отъ дѣвушекъ потомъ пахнетъ. *(Изъ мастерской слышится смѣхъ. Всѣ смѣются. Вѣра и Соня хохочутъ громко по дѣтски).*

Соня.

Ахъ, Анна Петровна, какія вы... Я душенька умру со смѣху.

Анна Петровна.

Смотрите не привыкните и вы къ этимъ же въ вашемъ пансіонѣ.

Соня.

Я ужъ болѣе не пойду въ пансіонъ, милая Анночка, я у сестрицы останусь.

Вѣра.

Это я несчастная, Анна Петровна, это я должна въ пансіонъ идти.

Анночка.

Старайтесь не привыкать тамъ къ дурнымъ примѣрамъ и не будете несчастною.

Въра.

Ахъ, я бы лучше здѣсь осталась, съ сестрицею.

Соня.

Сестрица, душенька, а вы не прогоните меня... Куда же мнѣ несчастной дѣваться...

Екатерина Семеновна.

Нѣтъ, нѣтъ, Соничка ты у насъ останешься... Мы про это уже говорили съ твоимъ отцемъ.

Соня.

Ахъ, какъ это будетъ весело... Мы всѣ соберемся около васъ, вы будете нашею маминькой.

ЯВЛЕНИЕ II.

Дѣвочка изъ магазина.

Екатерина Семеновна пожалуйте.

Соня.

И я съ вами, сестрица и я.

Въра.

И я...

Екатерина Семеновна.

Нѣтъ, нѣтъ, не за чѣмъ, не ходите, не ходите. (Уходитъ).

ЯВЛЕНИЕ III.

Тъ же безъ Екатерины Семеновны.

Анна Петровна.

Ну, однако мнѣ тожъ идти пора, еще одинъ урочишка есть.. Охъ, эти урочишки! Хорошо дѣло, да зависимость-то не хороша... Ужъ больно самодурства-то у насъ много и учить-то какъ указываютъ, чтобъ все по ихнему вышло. Вотъ вашей жизни позавидуешь дѣвушка, имѣете вы все дѣло не съ людьми, а то съ шолкомъ, то съ бархатомъ, и не несете вы на себѣ никакой отвѣтственности, развѣ только что уже много испортите.

Одна изъ дѣвушекъ.

Ахъ, Анна Петровна, чьей жизни вы да позавидовали... Хороша она пока у Екатерины Семеновны работаешь, а мало ли нашей сестры отъ другихъ то слезы льютъ и въ явь и уградкою... Ужъ и есть чему сестрѣ нашей позавидовать! Всякую то изъ насъ нужда къ работѣ согнала.

Анночка.

Правда: у всякаго свое горе. Ну-ка затыните-ка пѣсню, дѣвушки, я съ ней и за работу пойду, а вы продолжать свою будете.

Одна изъ дѣвушекъ.

Вотъ это такъ, съ пѣсню и радость радостнѣе и въ горѣ отраднѣе. Ну-ка дѣвушки! Не взвивайся мой голубчикъ...

(Поютъ).

Не взывайся, мой голубчикъ
 Выше краснаго окна,
 Вотъ хрустальнаго стекла.
 Мнѣ такъ тошно,
 Мнѣ такъ грустно
 Жить дѣвущкѣ сиротой.
 При дорожкѣ, при большой
 Безъ матушки безъ родной...
 Звала, звала, дѣвка парня
 Во чисто поле гулять;
 Пойдемъ, пойдемъ, мой голубчикъ
 Во чисто поле съ тобой,
 Бери, бери, мой голубчикъ
 Свой тонкій бѣлый шатерь,
 Гаскнѣ мой голубчикъ
 Во чистомъ полѣ шатерь.

Анночка (Она одѣвается во время пѣсни и потомъ дослушиваетъ ее, сидя совсѣмъ готовая).

Ну, спасибо вамъ... Именно правда говорить Сергѣевъ, что какъ ты себѣ не объясняй себѣ сладость обязанностей, они все таки тяжелыя цѣпи. А, ужъ особенно въ одиночествѣ... Странное дѣло: какая нибудь пѣсня и все перемѣнится предъ тобой!.. Ну, прощайте дѣвушки!.. Прощай Соня, прощай Вѣрочка. *(Уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же безъ Анночки.

Одна изъ дѣвушекъ.

Заворковала голубка — погоди вотъ замолчишь, когда найдешь своего голубка.

Другая.

Голубокъ-то есть, да что то не воркуеть.

Первая.

Это Сергѣевъ-то?.. Оттого и не воркуеть, что человекъ обстоятельный, на вѣтеръ словъ не бросаетъ.

Другая.

А славная будетъ парочка!

Первая.

Еще бы! Да и она, неча сказать, крѣпка и виду не подаетъ, не то, что мы грѣшныя: взглянешь и растаешь.

Другая.

Крѣпка-то крѣпка, а все наша сестра.

Соня.

Что такое ворковать дѣвушки?..

Одна изъ дѣвушекъ.

Ворковать-то!.. А васъ этому въ пансіонѣ не обучаютъ?..

Другая.

Тсъ, тсъ, старуха, Анна Васильевна!

ЯВЛЕНИЕ V.

Тѣ же Анна Васильевна и Елизавета Козминишна.

Анна Васильевна.

Милости просимъ, Елизавета Козминишна, милости просимъ!

Елизавета Козминишна.

Спасибо вамъ, матушка, Анна Васильевна, спасибо вамъ, что меня бѣдную не отвергаете—всѣми отвержена матушка—и мужемъ и отцемъ, всѣмъ свѣтомъ, матушка, спасибо, что хоть вы то не отвергаете. Вотъ услышала, что сестры-то мои, сироты, около васъ собрались, пришла на нихъ посмотрѣть. Здравствуй Соня, здравствуй Вѣрочка.

Анна Васильевна.

Зачѣмъ же отвергать, не чужая вы намъ.

Елизавета Козминишна.

Ахъ, матушка, Анна Васильевна, нынче родные-то хуже чужихъ: чужой все какъ ни на есть на человѣка похожъ и хорошъ онъ съ тобой, пока денежнаго разчета не имѣеть, а между родными, между всякимъ изъ нихъ разцѣтъ денежный есть; на нашу же сестру у насъ смотрятъ какъ на ненужную вещь, пока молода да здорова такъ еще годишься на чтонибудь, а какъ хворать начнешь да постарѣешь, такъ и никому то и не нужна ты,

а старость-то къ нашей сестрѣ скоро подходить, охъ скоро Анна Васильевна! вотъ мнѣ много ли еще лѣтъ, а ужъ совсѣмъ старуха я.

Анна Васильевна.

Вѣдь все это отъ себя зависитъ матушка.

Елизавета Козминишна.

Не все отъ себя и отъ другихъ, милая, отъ другихъ-то больше... Я, вотъ на примѣръ, отъ мужа да отъ отца своего погибаю, какъ есть отъ нихъ.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Анна Васильевна.

Тѣ же и Екатерина Семеновна.

Елизавета Козминишна.

А, вотъ и другая погибла бы, если бы не добрые люди. Здравствуй Катинька!

Елизавета Козминишна.

Екатерина Семеновна.

Здравствуй Лиза!

Елизавета Козминишна.

Извини, сестра, что беспокою тебя приходомъ своимъ, сестеръ вотъ пришла навѣдать, больна все я... Прости ужъ.

Екатерина Семеновна.

Полно, полно, какъ не стыдно, я всегда рада тебѣ.

Елизавета Козминишна.

Спасибо родная! Вотъ истинно говорится, Анна Васильевна, что во всякую семью ангель небесный во плоти человѣческой посылается... Вотъ въ нашу семью несчастную этотъ ангель посланъ былъ, да никто изъ насъ не видалъ его, пока онъ не улетѣлъ, а теперь вотъ только, въ невзгодъ-то, собрались мы около него, приютились О, о, охъ, хо, хо... О, Господи!

Екатерина Семеновна.

Оставь эти рѣчи, сестра, что я за ангель, дай Богъ и человѣкомъ-то быть.

Анна Васильевна.

А я такъ вашихъ рѣчей заслушалась, что и поподчивать-то васъ совсѣмъ забыла, чайкомъ или кофейкомъ прикажите, просить матушка, Елизавета Козминишна?

Елизавета Козминишна.

Ничего такого не надо мнѣ. Благодарю покорно... Вотъ бы, Катинька, сдѣлала ты мнѣ милость... *(шопотомъ)* вودочки мнѣ дала.

Екатерина Семеновна.

Постой, погоди... видишь сестры... Соня, Вѣрочка, подите-ка въ магазинъ, тамъ Настя вамъ рисунки покажетъ, ты Соня вотъ эту повѣсть можешь прочесть, въ гостиную можешь пройти.

Сося.

Я въ гостиную, сестрица, я почитаю.

Вѣра.

А я въ магазинъ. *(Уходитъ)*.

Анна Васильевна.

Ну, и я съ Соничкой, она мнѣ почитаетъ, а я слушаю... я пришлю Катинька. *(Уходитъ и притворяетъ дверь въ мастерскую)*.

ЯВЛЕНИЕ VII.

Екатерина Семеновна и Елизавета Козминишна.

Екатерина Семеновна.

Лиза, послушай, душа моя, неужели ты не можешь отвыкнуть отъ этой несчастной страсти?

Елизавета Козминишна.

Не могу сестра! Какъ вотъ только это обидѣли меня, какъ только выгнать мужъ меня отъ себя, обобралъ меня... Какъ пришла я къ отцу просить о защитѣ своей, какъ отъ него не только ласки или состраданія не услышала, а одни бранныя рѣчи, какъ увидала я, что дѣваться мнѣ не куда, и что я нищая ни чѣмъ не покры-

тая не защищенная ни кѣмъ такъ пошла я тогда въ свою кануру, что нанимаю теперь за три рубля въ мѣсяцъ изъ выдачи, что присудили мнѣ отъ мужа, и первый разъ въ жизни пьяна напилась. И такъ я напилась тогда, Катинька, какъ никогда еще не напивалась; бывало только пошутить — выпьешь стаканчикъ красенькаго или рюмочку сладкой водочки, а тутъ я ужъ совсѣмъ напилась, напилась до пьяну... Проснулась на утро я, горѣла во мнѣ вся голова, дрожмя дрожала я вся и плакала, какъ рѣка лилась. *(Приносятъ водку и закуску)*. Захворала я ни на шутку, въ тотъ же день свезли меня въ больницу... остальное ты все знаешь, и еслибъ не ты, моя добрая, умерла бы я тамъ страшной грѣшницей безъ покаянія... Съ той-то вотъ поры, съ того времени, не могу я удержатъ себя чтобы не выпить хоть рюмочку; нынче вотъ крѣпилась къ тебѣ то шла, да и сестеръ то хотѣлось поцѣловать, чтобъ отъ меня водкой-то не пахло, а вотъ теперь... не могу.. Я одну, только одну и вели ты поскорѣе убрать ее съ моихъ глазъ долой... для-то сестры, сестры.. Одну, одну Катинька, ты не смотри; отвернись отъ меня. *(Подходитъ и пьетъ)*.

Екатерина Семеновна *(оттираетъ украдкою слезы)*.

ЯВЛЕНИЕ VIII.

Тѣ же и Сергѣевъ съ Кротковымъ.

Сергѣевъ

Ура! Екатерина Семеновна! Побѣда, побѣда надъ самодурами... Цѣлую поаму написать можно: самъ Семень Васильевичъ сдался на капитуляцію и входитъ въ пере-

говоры, сюда, понимаете ли сюда и самъ изволить прибыть!

Екатерина Семеновна.

Отецъ!

Сергѣевъ *(къ Елизаветѣ Козминишнѣ)*.

Ба, старая знакомая!.. *(говоритъ съ нею)*.

Кротковъ.

Катинька, ты не пугайся, онъ ничего, онъ лучше теперь, я съ нимъ переговорилъ обо всемъ обстоятельно, мы его ни полумки не возьмемъ, я говорилъ ему только о матернемъ, чтобъ тебѣ дѣло-то свое хорошенько устроить. Выдать состояніе матери онъ долженъ, онъ обязанъ выдать... Ты успокойся, голубушка, потому что мы съ нимъ ничего, мы его и винцомъ угостимъ, я вотъ взялъ для него его любимаго... Кричать мы ему не позволимъ, а будемъ говорить обстоятельно... Здравствуйте Елизавета Козминишна!

Сергѣевъ.

Это все мы, Екатерина Семеновна, ему, вашему благовѣрному предоставимъ; я вамъ скажу, что за терпѣніе, что за мироточивость, ну ей Богу великолѣпный бы мировой судья былъ — блистательныя способности! И что особенно хорошо — въ морду себѣ плевать не позволяетъ ни.. ни.. кротко такъ все это... учтиво, а какъ только тотъ занесется, онъ его возьметъ, эдакъ, да потихоньку, потихоньку и пригнетъ эдакъ прямо къ землѣ — стой моль погоди — силища, я вамъ скажу, замѣчательная!

Кротковъ.

Ну, да полно ты, говори дѣло то.

Сергѣевъ.

Погоди дай рассказать то... Впрочемъ дѣйствительно лучше прямо къ дѣлу. Вотъ, видите ли Катерина Семеновна, надо дѣйствовать, надо желѣзо пока горячо ковать, мы теперь его немножко разожгли, прїѣдетъ сюда... мы ему еще жару, а потомъ положимъ его раба Божія на наковальню, и не будь я Сергѣевъ, если я изъ него подкову не выкую, такъ вотъ полукругомъ и согну.

Екатерина Семеновна.

Какъ хотите, а я къ нему не выду.

Кротковъ.

Катинька, ты обидишь его...

Екатерина Семеновна.

Но, если я боюсь его, что же мнѣ дѣлать?

Сергѣевъ.

Ничего, не надо, не выходите!.. Это еще лучше, это его на иголки посадить, а намъ того и надобно.

Кротковъ.

Не знаю, что вы хотите дѣлать?

Сергѣевъ.

Ну, да ужъ ты, погоди, психологію плохо знаешь... Ты его только время отъ времени маслицемъ-то поливай, а ковать-то ужъ я буду... Ну, головой тебѣ ручаюсь, что уладимъ все.

ЯВЛЕНИЕ IX.

Анна Васильевна (*входя*).

Пріѣхалъ, пріѣхалъ... Семень Васильевичъ пріѣхалъ.

Дѣвочка изъ магазина.

Катерина Семеновна, пожалуйста съ!

Сергѣевъ.

Ну, вотъ это кстати. Ступай, братъ, принимай—честь честью.

Кротковъ.

А ты ужъ здѣсь похлопочи.

Сергѣевъ.

Я, прежде всего, возьму на себя роль наблюдателя. (*къ Елизаветѣ Козмининѣ*). А васъ уже попрошу и навѣрно не на долго въ тѣ комнаты, и такъ какъ Катери-

нѣ-то Семеновиѣ нельзя отсюда, а въ ней вся чуть, такъ мы ужъ и расположимся здѣсь..

Елизавета Козминина.

Слушаю, батюшка, слушаю, мнѣ куда nibудь... къ се-
страмъ бы.

Сергѣевъ.

Да, скажите—вы вѣдь самая старшая въ семьѣ?

Елизавета Козминина.

Самая старшая.

Сергѣевъ.

Такъ я къ вамъ сейчасъ приду, мы съ вами потол-
куемъ.

ЯВЛЕНИЕ X.

Сергѣевъ.

Ну, рѣшительная минута! Въ ней не только судьба Кротковыхъ, но и моя—страшиновато немного! Это первое мое серьезное дѣло; если успѣю и съумѣю высмотрѣть всѣ его детали и выведу предъ судъ общества всю эту черную неправду—значить я гожусь на что nibудь... тогда могу отважиться, тогда ты моя завѣтная мечта, Анночка, ты моя, моя милая жена! и я болѣе не проле-

тарій, не горемыка! За дѣло, за дѣло! Эта барыня даетъ мнѣ мысль: она старше всѣхъ въ семьѣ, вѣроятно она чтонибудь знаетъ, чтонибудь помнитъ, нѣтъ ли какихъ преданій о переводѣ имѣнія, нѣтъ ли какихъ подложныхъ дарственныхъ... чегонибудь эдакаго... Семь-ка мы съ ней потолкуемъ... чѣмъ чертъ не шутить! Вѣдь въ нашей тѣмѣ только такими путями и нападешь на правду... (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ XI.

Кротковъ и Семень Васильевичъ.

Семень Васильичъ.

Такъ ты въ судъ меня что ли хочешь?

Кротковъ.

Зачѣмъ же въ судъ, Семень Васильичъ — это не дай Богъ. Можно какънибудь полжюбовно порѣшить, уладить.

Семень Васильичъ.

Да, что рѣшать-то, что улаживать то, скажи ты мнѣ?

Кротковъ.

Да, вы не сердитесь Семень Васильевичъ. Будемте говорить хладнокровно.

Семень Васильичъ.

— Не могу я говорить съ тобой хладнокровно, для то по-
кая ты мнѣ не даешь, измучилъ ты меня.

Кротковъ.

Чѣмъ же я васъ измучилъ... Я хлопочу только объ
устройствѣ положенія жены моей, прошу у васъ дожна-
го ей, то что ей осталось отъ матери.

Семень Васильичъ.

А, я тебѣ говорю, что ничего ей отъ нее, отъ матери
не осталось.

Кротковъ.

А мнѣ вотъ не вѣрится—что вы станете дѣлать.

Семень Васильичъ.

Такъ значить я вру—вру что ль я?

Кротковъ.

Да, полноте, Семень Васильичъ!.. Никто этого не дума-
еть... Выпейте ка вотъ лучше вина, закусите чтонибудь.
По родственному, по дружески.

Семень Васильичъ.

Ничего я не хочу не хочу я твоей хлѣба соли.

Кротковъ.

Вотъ вы и обижаете... За что же, чѣмъ я это заслужилъ?

Семень Васильичъ.

Ну, примай, за что хочешь, а хлѣба-соли твоей не хочу.

Кротковъ.

Ну, хоть чаемъ позвольте просить васъ.

Семень Васильичъ.

И чаю не хочу: живемъ мы не въ ладахъ и не можемъ быть промежъ насъ ничего родственнаго. Скажи ты мнѣ, что тебѣ нужно отъ меня?

Кротковъ.

Семень Васильевичъ! Волею Божіей, вы тесть мой, чувства мои къ женѣ вы знаете... любить ее мало, надо и заботиться о ней, брать на себя и обиду ея. Дочь ваша, какъ это не рѣдко случается въ нашемъ купеческомъ обществѣ обижена вами, вы не только не дали ей ничего необходимаго отъ себя, но не считаете долгомъ своимъ отдать ей и то, что осталось ей послѣ матери.

Семень Васильичъ.

Да, что отдавать ей, если ничего не осталось?

Кротковъ.

Вы говорите, что ничего не осталось, а добрые люди другое говорятъ — говорятъ, что было не малое.

Семень Васильичъ.

Что было, то сплыло.

Кротковъ.

Куда же сплыло-то?

Семень Васильичъ.

Куда? Такъ проѣхало куда нибудь, прожили.

Кротковъ.

Это не оправданіе... Состояніе дѣтей не должно быть проживаемо. Для этого у насъ есть учрежденіе, которымъ мы можемъ по справедливости гордиться — Сиротскій Судъ. *(Входитъ Сергеевъ)*.

Семень Васильичъ.

Ну, и ступай въ него — получай что тамъ есть.

Кротковъ.

Идти мнѣ туда не за чѣмъ, потому что получать нечего... Но, вѣдь это злоупотребленіе, которое можетъ быть преслѣдуемо.

Семень Васильичъ.

Ну, и прислѣдуй... Много ты выслѣдуешь *(смѣется)*.

Кротковъ.

За этимъ то я и пригласилъ васъ—прежде чѣмъ начинать судъ да дѣло—и при этомъ дѣло публичное, нельзя ли какъ нибудь такъ, безъ суда, полюбовно сойтись?...

Семень Васильичъ.

Не въ чемъ сходитьсь-то намъ *(берется за шапку)*.

Кротковъ.

Постойте, погодите Семень Васильевич!

Сергѣевъ.

Позвольте и мнѣ имѣть честь попросить васъ остаться, на нѣсколько минутъ, спросить васъ нѣсколько словъ.

Семень Васильичъ *(встает)*:

Это откуда еще взялся, съ неба что ли свалился?.. Ну, что тебѣ нужно, ну спрашивай!

Сергѣевъ.

Не горячитесь пожалуйста, ни къ чему не поведетъ. Позвольте васъ спросить, чей домъ въ которомъ вы живете въ настоящее время?

Семень Васильчъ.

Я живу въ немъ—стало быть онъ мой.

Сергѣевъ.

Э, это еще не доказательство, можно жить и въ чужомъ домѣ. Позвольте имѣть честь спросить—кому онъ принадлежитъ?

Семень Васильчъ.

Ступай посмотри на ворота—увидишь кому.

Сергѣевъ.

Вотъ вы уже грубости начинаете говорить, у Мирового судьи, вы бы за это и штрафъ заплатили, или въ смиренный домъ, но здѣсь дѣло частное—позвольте спросить по какому акту, какъ онъ пришелъ къ вамъ.

Семень Васильчъ.

Ну, какъ перешель, такъ и перешель, можетъ быть не перешель, а переѣхаль.

Сергѣевъ.

Семень Васильчъ—убѣждаю васъ не горячитесь... Нынче мы съ вами здѣсь говоримъ, а завтра будемъ говорить у Мирового Судьи, или въ Окружномъ, если вы захотите, тамъ вамъ такъ говорить не позволять... Я уполномоченный г. Кроткова и прошу васъ сказать угодно

вамъ говорить со мной по человѣчески—если не угодно, я буду на основаніи моей довѣренности, говорить съ вами предъ Судомъ.

Семень Васильичъ.

Предъ судомъ?

Сергѣевъ.

Да, предъ судомъ.

Семень Васильичъ.

Будешь говорить... Спрашивать, приставать ко мнѣ, жилы тянуть?

Сергѣевъ.

Да, точно также, какъ и теперь.

Семень Васильичъ.

Ладно! Ну, да вотъ что, выпьемъ сперва-наперва, потомъ я буду съ тобой говорить... А то у меня на желудкѣ пусто, а съ вами надо говорить пообѣдавши.

Сергѣевъ.

А, ругаться не будете?

Семень Васильичъ.

Ну, чортъ тебѣ возми, поудержусь, не буду.

Сергѣевъ.

Ну, выпьемъ... Выпей и ты Кротковъ (*Пьетъ*). Прошу покорно садиться... Чай будете пить?

Семень Васильичъ.

Пожалуй... Ну, а о чемъ же мы будемъ съ тобой говорить?

Сергѣевъ.

Вотъ изволите видѣть: у меня есть свидѣтели, которые помнятъ и знаютъ, что домъ въ которомъ вы живете, вы взяли въ приданое за вашей покойной женой, у ней также были деньги, вещи—сохранилась приданная записка... Позвольте узнать, гдѣ все это дѣлось?

Семень Васильичъ.

Я же говорилъ тебѣ, что все прожили.

Сергѣевъ

Какъ же это прожили, когда вы теперь имѣете можетъ быть вдвое противъ прежняго. Это уже значить не прожили, а нажили.

Семень Васильичъ.

А ты почему знаешь, что я имѣю?

Сергѣевъ.

Да, не я одинъ знаю — всѣ знаютъ, молва, объ этомъ говорить — дѣло ваше, фабрика.

Семень Васильичъ.

Ну такъ — не вѣрь — напраслина! Напраслина все это..
У меня ничего нѣтъ, все это чужое — Божье!

Кротковъ.

До вашего намъ дѣла никакого нѣтъ Семень Васильичъ... Отдали бы вы по чести, по совѣсти, то что женѣ слѣдуетъ, да и Богъ съ вами.

Семень Васильичъ.

Дескать и наплевать тогда на тебя.

Кротковъ.

Напрасно вы такъ полагаете.

Сергѣевъ.

Постой, погоди!.. Вотъ что, Семень Васильичъ, скажите прямо, желаете вы все это дѣло покончить мирно, или прикажите попросить васъ куда слѣдуетъ. Я ихъ адвокатъ, имѣю подписанную вами въ полученіи приданую запись и свидѣтелей.

Семень Васильичъ.

Кто же это свидѣтели-то?

Сергѣевъ *(подходитъ къ двери, вызывая)*.

Елизавета Козминишна, пожалуйста. А вотъ не угодно ли, пока ваша родная племянница, да жива еще сваха — старуха Парамоновна, да и еще кое кто найдется.

Семень Васильичъ.

Племянница!.. Ну, ей теперь и дѣлать нечего, какъ по свидѣтелямъ ходить.. Что же это ты, такъ, противъ меня, не по родственному?

Елизавета Козминишна.

Я за правду, дядишка, неправда, которой я жила, меня на этотъ путь наставила, а за Катю я всю душу положу, потому что это Божій Ангелъ во плоти.

Семень Васильичъ.

Да, значить это ты въ крюкотворство теперь пускаешься. Ладно.

(къ Сергѣеву).

Ну, вотъ что я тебѣ скажу—приходи ты ко мнѣ завтра, мы съ тобой потолкуемъ.. Или вотъ что... да гдѣ же дочь-моя, что она мнѣ не покажется?.. Дѣлать нечего я вамъ отдамъ что слѣдуетъ, окажите мнѣ только почтеніе и попот-

чуйте какъ слѣдуетъ, да пусть дочь у меня хоть руку поцѣлуетъ.

Кротковъ.

Почтеніе надо вызвать, Семень Васильевичъ, заслужить, а что касается угощенія за этимъ дѣло не станетъ.

Семень Васильичъ.

Но позволь мнѣ поцѣловать дочь мою... Эхъ, да налейга ты мнѣ съ горя адвокатъ!

Сергѣевъ.

Это возможно! Попросите Катерину Семеновну.

Кротковъ.

Семень Васильевичъ... Скажите искренне, вы неприятно хотите видѣть и поцѣловать дочь вашу.

Семень Васильичъ.

Зять, слушай, ну одно слово будемъ жить по родственному. Чертъ съ тобой,

Кротковъ.

Готовъ всей душой.

Семень Васильичъ (Сергѣеву).

Ты... постой мы еще съ тобой выпьемъ — молодець ты у меня. Это ты что-ль дочь-то уведь! Зять, вотъ что, подавай сюда Катерину Семеновну!

Кротковъ.

Попрошу придти ее. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ XII.

Семень Васильичъ.

Вотъ что я тебѣ скажу, адвокатъ, у насъ рѣдко кто русскую натуру понимаетъ—потому то у насъ и идетъ все Богъ вѣсть какъ... Ну, что они меня мучили, тиранили... Давно бы вотъ такъ со мной и мнѣ теперь легче, потому надо же когда нибудь отдавать... Вотъ ты осилилъ меня, ну, я теперь и ничего... Ты, братъ, и всегда держись этой методы... А, то чтожь такое, русской нагуры не понимаетъ никто.

ЯВЛЕНИЕ XIII.

Тѣ же и Кротковъ, Екатерина Семеновна, Анночка.

Семень Васильичъ.

Дочь! Здравствуй дочь, здравствуй доченька, здравствуй милая, что же ты позабыла меня, или я не отецъ тебѣ?

Екатерина Семеновна.

Вы забыли меня и васъ забыла. Долгъ платежемъ кра-
сенъ.

Семень Васильичъ.

Резонтъ! И здѣсь отпоръ — вотъ это я люблю. Ей Богу. Ну, да что такое — поквитаемся. Спасибо дочь образумила! Но, скажу я тебѣ — ничего бѣ вы со мной не подѣлали вотъ безъ этого... Ловкій адвокатъ... Ты братъ приходи, я тебѣ дѣло дамъ.

Сергѣевъ.

Благодаримъ покорно... Но прежде покончите - ка это-то!

Семень Васильичъ.

Ну, да что ужъ тутъ... Даю ей пока двадцать тысячъ награжденія. Приходи получать завтра или пожалуй р-о-списку дамъ. Ну, а тамъ что Богъ на душу положетъ... Но, только скажу вамъ откровенно, еслибъ не эти мировья судьи, да окружныя суды, вотъ съ эдакими адвокатами, я бы васъ еще помучилъ.

Сергѣевъ.

Я еще не былъ адвокатомъ, Семень Васильевичъ, ваше темное дѣло, мое первое дѣло, но я чувствую, что обязанность адвоката священная — сладкая обязанность, и моя судьба съ нынѣшняго дня рѣшена... Да, адвокатъ я съ нынѣшняго дня, и все угнетенное, изуродованное, униженное русскою жизнею готовъ взять подъ свою защиту... Готовъ изъ одного куска хлѣба, на сколько силъ моихъ хватить.

Семень Васильичъ.

Молодецъ, люблю! Спасибо, дочь, образумила, а то я было и достоинство то человѣческое забылъ.

Кротковъ.

Радуемся вашему перерожденію, Семень Васильичъ, если оно искренне, но это дѣло впереди, теперь же дай-те мнѣ сказать два, три слова своему другу и товарищу!.. Сергѣевъ, теперь дѣло за тобой: ты какъ то говорилъ мнѣ, то придетъ время, когда ты потребуешь награды за твои хлопоты... Теперь для этого самое удобное время... Не требуй, братъ, а назначай—я тебѣ самого себя въ кабалу отдамъ.

Сергѣевъ.

Николай! Вотъ, братъ, что, ты мнѣ въ этомъ не можешь... Дѣло братъ такое, что зависить не отъ насъ, а вотъ отъ одной Анны Петровны, отъ ней одной: адвокатъ можетъ быть и одинокій человѣкъ, но еще лучше, если онъ будетъ не одинъ, а съ помощницей, съ подругой жизни, съ милою женою, съ семействомъ. Ему многое будетъ доступнѣе, понятнѣе. Я уже мысленно выбралъ такого друга—сестру твою, отъ нее отъ одной и зависить теперь мое дѣло.

Анночка.

Что касается до меня - я согласна.

Сергѣевъ.

Какъ такъ просто, такъ одноложно согласны на мое предложеніе?

Анночка.

Такъ что жъ тутъ такое?.. Я васъ давно знаю и готова раздѣлить съ вами вашу судьбу... я увѣрена, что она будетъ чистая и честная.

Сергѣевъ.

Анна Петровна... какъ мнѣ благодарить за такое до-
вѣріе?

Анночка.

За что же, Сергѣевъ, Благодарю за предложеніе!

Семень Васильичъ.

Ну, вотъ что я вамъ скажу: чудеса въ наше время со-
вершаются — чудеса — одно слово! Не вѣрится, хотя и видишь
все это, будто во снѣ. Все это, какъ бы, по другому, не по-
нашему, хоть и по русски говорятъ. Ей Богу! Только те-
перь я и понимаю, какъ мой зять женился на моей доче-
ри и только теперь вѣрю, что все это честно было и по
закону... Зять... дочь... вотъ что... простите, я васъ оби-
жалъ. Дочь, голубушка, спасибо тебѣ, ты меня человѣкомъ
сдѣлала. Адвокатъ, жени, братъ, меня, вотъ на эдакой не-
вѣстѣ, дай, братъ, только вотъ такую жену... и никакого
приданого не надо... да, что тутъ — самъ все сдѣлаю, черта
ли разговаривать! *(Входятъ изъ мастерской дьвушки од-
на за другой).*

Сергѣевъ.

Ладно, хорошо!.. Мы объ этомъ потолкуемъ, а теперь
пишите ка росписку-то въ обязательствѣ выдать вашей
дочери двадцать тысячъ.

Семень Васильичъ.

Давай, братъ, давай бумагу!.. Дочь, спасибо, ты меня
проучила, что двадцать, вотъ тебѣ двадцать пять.

2007055405